

А.А.Игнатенко.
Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988.

Введение

Глава 1. Исламские НРПО в меняющемся мире

- *Убийство президента с забибой*
- *Несостоявшееся пришествие спасителя*
- *«Пятая колонна»*
- *Тень исламской республики*
- *Религиозная война накануне XXI века?*
- *Невозможность секуляризации?*
- *Фундаменталисты против «повелителя правоверных»*
- *В защиту социалистической ориентации*
- *Неполная хроника одного месяца*

Глава 2. Организации особого рода

- *От «дна» до «вершины»*
- *Скауты, выросшие в боевиков*
- *«Геройская смерть во имя Аллаха – наше высшее стремление»*
- *Групповой портрет*

Глава 3. Идеологические блуждания

- *Об «исламской риторике»*
- *Монополия на «истинный ислам»*
- *«Социализм по-исламски»*
- *«Вперед – в прошлое!»*
- *«Капитализм по-исламски»*
- *Идеологический кризис экстремизма*

Глава 4. В поисках альтернативы

- *Кому это выгодно*
- *Между Сциллой и Харибдой*
- *«За создание рая на земле»*

Заключение

Приложение. Перечень исламских неправительственных религиозно-политических организаций [по состоянию на начало 1988 г.]

С.3-5. Введение

В 1987 г. в США бестселлером была объявлена книга некоего Тома Клэнси под названием «Красный Октябрь», в которой автор вознамерился описать начало третьей мировой войны.

Сначала террористы из числа «братьев-мусульман» уничтожат нефтедобывающий комплекс в Нижневартовске. Оказавшись без нефти, Советский Союз захочет захватить нефтяные запасы в зоне Персидского залива, куда немедленно и устремятся его войска. Но регион находится под надежной защитой натовских вооруженных сил. Тогда СССР развернет широко-масштабные военные действия в других регионах, и вскоре война заполыхает во всем мире...

Не станем обсуждать литературную сторону этого произведения. О вкусах не спорят. Мы же сочли возможным сказать несколько слов об этом опусе лишь по единственной причине: «фитилем» третьей мировой войны в книге становится акция «братьев-мусульман». И если их проникновение на советские нефтедобывающие комплексы (как, впрочем, и остальные сюжетные повороты книги) – явная фантастика, то другие моменты вполне реальны. Эта религиозно-политическая организация действительно существует. В своей деятельности она не брезгует террористическими методами. Ей присущи ярко выраженные антикоммунизм и антисоветизм. Ее идеологи и руководители призывают к «освобождению» мусульман Советского Союза. Она является объектом манипуляций со стороны США и их союзников в ближневосточном регионе. Поэтому появление мусульманских боевиков на страницах американского бестселлера весьма симптоматично.

«Братья-мусульмане» – не единственная религиозно-политическая организация в арабском мире, действующая под исламскими лозунгами. По сведениям министерства внутренних дел Египта, только в одной этой стране в 1984 г. насчитывалось 15 религиозно-политических партий и групп исламского толка. Исследователи называли для того же периода значительно большую цифру – 99! Подобные организации можно обнаружить в любой арабской стране. Они дают себе звучные названия – «Воины Аллаха», «Молодежь пророка Мухаммада», «Боевой авангард», «Партия Аллаха», «Священная война», «Движение угнетенных земли» и т.п.^[1]

Различны политические платформы этих группировок, нередко они даже враждуют между собой. Но все они стремятся к установлению «истинно исламской власти», «исламского правительства», халифата (халифами назывались исламские правители после смерти в VII в. пророка Мухаммада, основателя религии ислама). «Халифат или смерть!» – этот лозунг, написанный от руки на клочках бумаги, просовывали сквозь толстые прутья клетки бородатые молодые люди в белых одеяниях. Это была группа обвиняемых во время суда в Каире над членами экстремистской исламской организации Священная война. Немалое количество религиозно-политических организаций, действующих в арабских странах под знаменем ислама, заявили о себе и экспортом контрреволюции во всех формах, и политическими убийствами, и взятием заложников, и угонами самолетов, и взрывами в аэропортах, на вокзалах, на улицах – всем тем, из чего складывается отвратительный образ терроризма.

Подобные организации, группировки, объединения – одно из проявлений той активизации «политического ислама», которая наблюдается в

арабских странах в последние годы. Практически все политические режимы в странах Ближнего Востока прибегают к использованию ислама в конкретных политических целях (придание законности своей власти в глазах верующих, мобилизация народа на выполнение правительственных программ преобразований, дискредитация политических противников путем обвинения их в отходе от принципов ислама и т.п.). Но есть и другой «политический ислам» – идеология и деятельность группировок, которые под исламскими знаменами выступают как против самих арабских режимов, так и против даваемого ими толкования ислама. О таких группах, партиях, «фронтах», называемых «неправительственными религиозно-политическими организациями» (сокращенно – НРПО), и пойдет речь в этой книге. Под ними подразумеваются политические объединения, использующие религиозную идеологию, действующие вне связанного с государством религиозного комплекса (органы, ведающие религиозными делами, правительственные пропагандистские и учебные центры, сеть «огосударствленных» мечетей, корпорация священнослужителей, находящихся на содержании государства) и соответственно отвергающие правительственный контроль за своей деятельностью. «Негативная» дефиниция – через соотнесение с государством в данном случае целесообразна, поскольку практически все арабские режимы так или иначе используют религию в политических целях, претендуя при этом на монопольное распоряжение ею.

Эти организации – явление во многом парадоксальное. Называя себя «исламскими», они ожесточенно борются против тех режимов, которые обращаются к исламу в политических целях, при этом наносят удары как по прогрессивным, так и по консервативным правящим режимам. Выступая против США и Израиля, они вместе с тем ослабляют единый фронт реальных борцов против империализма и сионизма, более того – нередко оказываются удобной игрушкой в руках этих сил. В этих организациях состоят и нищие и миллиардеры. Правящие режимы подавляют их и в то же время поощряют. В последующих разделах мы подробно рассмотрим деятельность исламских НРПО на фоне общей социально-экономической и религиозно-политической ситуации в разных арабских странах. Это даст нам возможность сделать ряд обобщений – об организационной структуре НРПО, их идеологии, отношении к ним различных политических сил, характеру их взаимоотношений с государством. И, наконец, можно будет поставить вопрос о будущем этого непростого явления.

[\[1\]](#) Сведения о существующих исламских религиозно-политических организациях приводятся в [Приложении](#).

Глава 1. Исламские НРПО в меняющемся мире

С.6-19. Убийство президента с забибой [\[1\]](#)

Военный парад 6 октября 1981 г. в пригороде Каира проходил, казалось, по намеченному плану. В небе ревели истребители, через площадь перед почетной трибуной проходили колонны танков, бронетранспортеров, тягачи с пушками на прицепах. Еще один рутинный парад, на которых любил присутствовать президент А.Садат.

Скучали немногочисленные гости и дипломатические представители тех стран, с которыми садатовский режим не успел рассориться. Никто не обратил особого внимания на то, что один тягач с солдатами в кузове остановился: все привыкли к тому, что в Египте Садата что-то останавливается, ломается, портится – даже на парадах. От тягача отделилась группа одетых в военную форму людей с автоматами. Рефлекс сработал у кинооператоров, которые побежали к тому пункту, где должны были пересечься удивленные и испуганные взгляды сидящих на почетных трибунах иностранных гостей египетского президента и траектории автоматных очередей. Треск автоматов, взрывы гранат. Началась и молниеносно закончилась террористическая акция. Через несколько часов стало известно, что А.Садат скончался в больнице от полученных ран. (Было убито и несколько человек из почетных гостей.)

Это событие было первоначально отнесено к египетской политической хронике, однако некоторое время спустя выяснилось, что оно принадлежит к хронике религиозно-политической: А.Садат был убит членами организации Аль-Джихад (Священная война)[\[2\]](#). Почему же столкнулись в смертельной схватке президент с закибой на лбу и исламская группировка? Ответить на этот вопрос нельзя без обращения хотя бы к сравнительно недавней истории.

Отношение к религии режима, установившегося после революции 23 июля 1952 г. было сложным, шло по нескольким переплетавшимся линиям.

Первая линия – это борьба против религиозно-политической организации «Братья-мусульмане», существовавшей в стране еще с довоенных времен. Впрочем, сначала, в период некоторой неопределенности, связанной с отсутствием у пришедшей к власти организации «Свободные офицеры» четкой политической программы, а также из-за того, что определенная часть руководящих фигур этой организации была тем или иным образом связана с «братьями-мусульманами», отношение к ней было положительным.

В сентябре 1952 г. были амнистированы члены организации, заключенные в тюрьмы при короле Фаруке. Им было возвращено конфискованное имущество, а при создании нового кабинета министров предполагалось три министерских портфеля распределить среди представителей «Братьев-мусульман». В 1954 г. А.Садат писал: «Отношение Революции к “братьям” было таким, что все были склонны считать ее (революцию 1952 г. – А.И.) делом их рук»[\[3\]](#).

Более того, спустя много лет один из руководителей египетских «братьев-мусульман» Омар Тлемсани объявил их «творцами» революции 23 июля 1952 г. и утверждал, что еще в 1951 г. были установлены тайные контакты между «братьями» и Гамалем Абдель Насером. Контакты эти якобы имели целью разработать план восстания, определить политическое содер-

жание будущей революции. В соответствии с секретным соглашением Г.А.Насер обязывался сразу после переворота приступить к претворению в жизнь программных принципов «Братьев-мусульман» во всех областях. Омар Тлемсани утверждает даже, что Г.А.Насер дал «клятву верности» (байа) «братству», к которому, по его словам, принадлежали также и такие «свободные офицеры» как Камаль-ад-Дин Хусейн, Абд-аль-Латыф Багдади, Хусейн аш-Шафии, Халед Мохи эд-Дин[4].

Но эта идиллия длилась недолго. 26 октября 1954 г. на митинге в Александрии член «братства» Абд-аль-Латыф совершил неудавшееся покушение на Насера. Заработал аппарат госбезопасности. Более семи тысяч «братьев» было арестовано, 867 из них были приговорены Народным трибуналом к различным срокам тюремного заключения и каторжных работ. Несколько руководителей организации были повешены 8 декабря 1954 г., а вместе с ними – покушавшийся на жизнь Насера боевик.

Дело в том, что сразу же после революции «Братья-мусульмане» стали оспаривать у «Свободных офицеров» власть. Во время первой встречи Насера и тогдашнего «верховного наставника» «братства» аль-Худайби последний потребовал «немедленного претворения в жизнь учения Корана», на что Насер ответил, что революция 23 июля – «война против социального гнета, политического деспотизма и британского империализма и поэтому она не что иное, как претворение в жизнь учения Корана»[5].

В январе 1953 г. «Братья-мусульмане» потребовали у Насера образовать специальный комитет, которому представлялись бы на рассмотрение и утверждение все законы до их принятия; «братья» предлагали также провести референдум о создании в Египте исламского государства[6]. Ответ насеристского руководства всегда был отрицательный.

В январе 1954 г., после инспирированных «братством» беспорядков организация была официально распущена. Тогда-то она и попыталась убрать Насера и захватить власть силой.

В середине 60-х годов наступил второй этап конфронтации между египетским руководством и «Братьями-мусульманами». Его специфическая черта заключалась в том, что более четко определилась социально-политическая ориентация Египта – на некапиталистический путь развития. Именно против нее и была направлена в первую очередь подрывная деятельность «братьев-мусульман».

В 1966 г. – новый процесс, новые казни. Среди повешенных «братьев-мусульман» – Сайид Кутб, идеолог организации.

Суровое подавление «братства» кроме своего прямого результата, по видимому, имело целью продемонстрировать силу исламским деятелям, прямо не участвовавшими в организации. Они были поставлены перед дилеммой: либо вступить в открытую борьбу с руководством страны, либо поддержать его. Большинство выбрало второе.

И здесь мы касаемся еще одного аспекта отношения египетского руководства к религии – подчинения религиозного комплекса (духовенства,

мечетей, религиозных учебных заведений, пропагандистских центров и т.п.) государственному аппарату.

В середине 50-х годов исламское духовенство было лишено монополии в области судопроизводства, управление вакфами было передано в распоряжение министерства вакфов (религиозных дел), что подорвало экономическую основу мечетей. В сентябре 1954 г. это министерство приняло решение об исключении из пятничных проповедей в мечетях политических вопросов, рекомендовав ограничиться такими темами, как «чистота тела и одежды», «советы по сельскохозяйственным вопросам», «вопросы морали» и т.п. (После подавления движения «братьев-мусульман» в 1954–1955 гг. это решение было отменено.)

В дальнейшем, после образования в 1961 г. Арабского социалистического союза (АСС), тексты пятничных проповедей, произносимые в мечетях, направлялись в министерство вакфов, а также в Секретариат пропаганды и идеологии АСС с целью «укрепления идейного сотрудничества между органами, занимающимися идеологией и пропагандой в Республике»[\[7\]](#), а на самом деле – для осуществления контроля за пропагандистской деятельностью духовенства.

По закону 1961 г. о развитии культово-образовательного комплекса Аль-Азхара президенту республики было предоставлено решающее слово в определении статута этого всемирно известного теологического центра религиозной жизни в Египте. Он стал назначать ректора и главного имама Аль-Азхара и сам возглавил его высший совет. Иными словами, президент юридически стал главой исламских религиозных деятелей в стране.

Для чего же понадобилось египетскому руководству «сращивать» госаппарат и религиозный комплекс? Оно стремилось, и это третий аспект в его отношении к религии, использовать религию в качестве одного из инструментов решения насущных социально-политических проблем.

Так, во-первых, для руководства страны был характерен в 60-е годы своего рода «религиозный популизм». Обращение к массам мыслилось возможным преимущественно на языке религиозных понятий и символов. Характерный образец – выступление Г.А.Насера на первомайском митинге в 1966 г. «Религия, – говорил он тогда, – это единство, религия – это чтоб мы давали деньги мусульман мусульманам, а не изымали денег мусульман в пользу одного человека или одной семьи или небольшого числа эксплуататоров. Религия – это социальная справедливость. Тот, кто хочет претворить религию в жизнь, должен отдавать деньги мусульман мусульманам, говоря: “...Это и есть религия”. Тогда мы скажем ему: “Ты стал социалистом, так как устанавливаешь социальную справедливость и равенство между людьми”»[\[8\]](#).

Во-вторых, и это связано с общей установкой на использование религии в политических целях, египетское руководство стремилось к осуществлению сближения между исламом и христианством. Поэтому «религиозный популизм» в Египте имел двойной исламско-христианский характер. В своей речи на митинге в г. Александрии 28 июля 1963 г. Г.А.Насер произнес о ре-

лигии программные слова, которые в дальнейшем цитировались очень часто. «Мы гордимся, – говорил он, – что следовали религии с первых дней нашей Революции... И в этом – великий секрет ее успеха – следование религии, обращение к религии»[9]. Но он подразумевал не один только ислам. В начале этой речи Г.А.Насер сказал: «Мы гордимся тем, что следуем религии. Каждый из нас своей: мусульманин – своей, христианин – своей. Ведь религия представляет собой верный, истинный путь»[10].

Такая двойная (исламско-христианская) религиозность была закреплена и в египетских официальных документах. В Национальной хартии, программном документе Арабского социалистического союза, в качестве одной из «гарантий революции» фигурировала «непоколебимая вера в бога, его пророков и апостолов, его священные посланничества»[11]. В-третьих, провозглашение египетским руководством курса на некапиталистическое развитие (в Египте его называли «социализм») подкреплялось также обращением к религии. Выше мы привели образец рассуждений о «социалистическом характере» ислама. Это один из многих примеров, обилие которых побудило некоторых исследователей рассматривать идеологические воззрения египетского руководства как «исламский социализм», считая, что под «религией» в Хартии подразумевался только ислам. Здесь важно подчеркнуть еще раз, что государственные и партийные деятели в Египте не говорили, как правило, об «исламском социализме» или «христианском социализме». Они вели речь о «социалистическом характере» как ислама, так и христианства. Это нюанс, но нюанс очень важный для понимания отношения египетского руководства к религии в рамках идеологии «арабского (египетского) социализма».

И поэтому мусульмане – члены государственного и партийного руководства говорили о «социалистическом характере» ислама, христиане – о «социалистическом характере» христианства. Например, христианин-копт Камаль Рамзи Стино, член Высшего исполнительного комитета АСС, в своих сочинениях заявлял, что «не является христианином тот, кто не верит в социализм»[12].

На египетском книжном рынке в те годы появлялись произведения, если можно так выразиться, религиозно-национально-объединительного характера, явно инспирированные правящей группой. Они имели целью создание синкретической исламско-христианской религии как основы для «уничтожения злобы, ненависти и разделения между сынами одной нации (египетской. – А.И.) из-за различий в их догматах»[13].

Коптская церковь прилагала старания в обосновании правительственной политики в разных формах. Например, в апреле 1968 г. произошло так называемое «зейтунское чудо»[14]. Интересна цель, с которой, по мысли составителей официальной публикации коптской церкви, «явилась» дева Мария: «Она явилась, чтобы мобилизовать народ Египта на отвращение от этой страны израильской агрессии, чтобы мусульмане и копты снова посещали Священную Землю (Иерусалим)»[15]. Интронация в 1971 г. нового коптского папы – Шеннуды III дала повод представителям коптской церкви заявить о своей верности «священному единству», связывающему мусульман и хри-

стиан, о «необходимости борьбы за усиление национального единства: ведь мы одна нация, у нас один общий враг, общая борьба, общая судьба»[\[16\]](#).

Наконец, предпринимались попытки использовать ислам и христианство во внешнеполитических целях, например для антисионистской пропаганды, рассчитанной на страны распространения этих двух религий[\[17\]](#).

Результаты курса в отношении религии, который проводило насеристское руководство, были неоднозначны.

Да, руководство Аль-Азхара, египетские исламские идеологи, связанные с этим крупнейшим исламским центром, выполняли поставленные перед ними задачи, идеологически поддерживая курс правительства Египта.

Но эта поддержка была формальной и, по правде сказать, в значительной степени лицемерной. Характерно в этом отношении следующее признание главного шефа-редактора «Журнала Аль-Азхара»: «Некоторые авторы (в период правления Г.А.Насера. – А.И.) писали и говорили о мусульманском социализме или об арабском социализме в свете ислама... чтобы, используя современную терминологию, привлечь к вере введенных в заблуждение отступников»[\[18\]](#).

Влияние религиозных деятелей на массы неизмеримо усилилось благодаря тому, что им в этом помогал предоставленный в их распоряжение государственный пропагандистский аппарат. Страну буквально захлестнул поток религиозной литературы. Достаточно сказать, что из примерно 35 книг и брошюр, которые выходили в насеровском Египте ежемесячно, около 30 в той или иной степени были посвящены религии (из них девять десятых – исламской тематике, остальное – христианской)[\[19\]](#). И это не считая газетных и журнальных статей. Резко возросло количество мечетей. К 1963 г. оно удвоилось по сравнению с дореволюционным периодом и составило в 1966 г. более 15 тыс.[\[20\]](#)

После своего прихода к власти в 1970 г. А.Садат стал использовать с полной нагрузкой религиозные структуры и идеи в процессе переориентации Египта. Достаточно ярко степень «согласованности» между установками садатовского руководства и идеологическо-пропагандистской деятельностью улемов, включенных в государственные структуры, иллюстрируют два примера из огромного множества. В апреле 1974 г. А.Садат выступил с докладом, в котором излагались принципы «политики открытых дверей», т.е. прозападной и прокапиталистической переориентации Египта. Доклад получил название «Октябрьский документ» (Варака Уктубар). Майский же номер крупнейшего египетского религиозного журнала «Трибуна ислама» (Минбар аль-ислям, издается Высшим советом по исламским делам) опубликовал следующие статьи: «“Октябрьский документ” и правопорядок», «Духовные ценности в “Октябрьском документе”», «“Октябрьский документ” – интегральный метод строительства общества», «Исламские понятия, извлеченные из “Октябрьского документа”», «Ислам и политика открытых дверей в экономике» и т.п. В марте 1975 г., незадолго до так называемого «синайского соглашения» – первого этапа на пути к кэмп-дэвидскому сговору, появилась явно инспирированная властями брошюра, изданная Академией исламских

исследований Аль-Азхара, в которой говорилось, что «ислам призывает к немедленному согласию на предложение мира, от кого бы это предложение ни исходило»[\[21\]](#).

И что примечательно! Лексикон саатовской пропаганды, используемые ею клише, рассчитанные на массовое сознание, были практически те же, которые можно было найти в египетской пропаганде и ранее. Так, говорилось об «арабском социализме», главным аспектом которого является «религия, в которую мы веруем – как мусульмане, так и христиане». При этом лозунги, оставшиеся от прежних времен, наполнялись антидемократическим и антикоммунистическим содержанием.

Таким образом, религиозный комплекс, контролировавшийся и направлявшийся государством, в новых условиях переориентировался достаточно оперативно.

Сложнее обстояли дела в области отношений между режимом и «Братьями-мусульманами», а также другими религиозно-политическими организациями, действовавшими независимо от государства.

После смерти Г.А.Насера (28 сентября 1970 г.) «братья-мусульмане» были, по-видимому, настроены оптимистически. Они сразу же выступили со своей программой перестройки египетского общества. Уже в октябре 1970 г. вышла в свет брошюра одного из членов этой организации – Мухаммада Галляля Кишка «Чего хочет египетский народ». Оказывается, «египетский народ» (читай: «братья-мусульмане») «хотел» отказа от процесса прогрессивных социально-экономических преобразований, разрыва с Советским Союзом, борьбы против прогрессивных сил внутри страны. Кроме того, в брошюре, представлявшей собой открытое письмо А.Садату, ставились задачи «проведения исламской политики»[\[22\]](#).

Заявка «братьев-мусульман» и других реакционных сил в значительной степени была выполнена. Факты, связанные с внутри- и внешнеполитической переориентацией Египта, достаточно хорошо известны. Что же касается области религии, то, например, конституция, принятая 11 сентября 1971 г., усиливает религиозное прикрытие режима. Ислам объявляется государственной религией (ст. 2), заявляется, что «семья строится на принципах религии» (ст. 9), ставится задача повышения уровня религиозного образования (ст. 12). Закон № 63 от 1 августа 1976 г. запрещает продажу алкоголя в общественных местах. 15 августа 1977 г. было принято постановление, запрещающее гражданам, не постящимся в месяце рамадан, открыто это демонстрировать. Закон № 47 от 18 июля 1978 г. запрещает государственным служащим пить спиртные напитки и играть в карты в клубах и общественных местах. Народный совет (Маджлис аш-шааб) в 1977 г. всерьез рассматривал законопроект о введении смертной казни за неверие и выступление против ислама. «Конституционная реформа» 22 мая 1980 г. превратила исламский шариат в источник законодательства. В начале 1980 г. было объявлено о плане строительства тысячи новых мечетей. И это при том, что к этому времени в стране уже было 40 тыс. мечетей (из которых 15 тыс. – в Каире и его пригородах)[\[23\]](#).

А.Садат пытался подчеркивать свое родство с «братьями-мусульманами», заявляя, что восхищался Хасаном аль-Банной, основателем «братства»[\[24\]](#). Его ежепятничным молениям в мечети уделялось много места в субботних выпусках всех египетских газет.

Эти заигрывания с консервативными религиозными силами имели четкую политическую цель. Египетский президент стремился использовать религиозный фактор в борьбе против всех прогрессивно-патриотических сил в стране. В 1973 г. Саудовская Аравия получила разрешение египетского правительства на создание и финансирование в АРЕ тысячи «исламских комитетов по борьбе против атеистического марксизма»[\[25\]](#). С антисоветскими целями поощрялись призывы «братьев-мусульман» «вернуть в лоно ислама мусульманские народы Советской России»[\[26\]](#). Проправительственная пресса захлебывалась призывами к мусульманам объединиться для борьбы против «красной власти в Афганистане и советского экспансионизма»[\[27\]](#). Египетские «братья-мусульмане» не без согласия со стороны правительства становились членами наемных банд, забрасывавшихся в Демократический Афганистан из соседних стран.

Символом примирения между «братьями-мусульманами» и правящим режимом стала встреча А.Садата с «верховным наставником» «братства» Омаром Тлемсани, состоявшаяся в сентябре 1979 г. в г. Исмаилийя. Она завершила процесс, начало которому было положено еще в 1971 г., когда при посредничестве саудовского короля Фейсала была организована встреча А.Садата с египетскими «братьями-мусульманами», находившимися за рубежом. Тогда египетский президент поспешил заявить им об «общности целей в борьбе против атеизма и коммунизма». Именно после этой встречи наметилось улучшение отношений между египетскими «братьями-мусульманами» и садатовским режимом.

Однако полного сближения между А.Садатом и консервативными исламскими группировками все же не произошло. Поощряемое режимом исламское движение стало настолько широким, что начало дробиться на фракции, политические программы которых нередко существенно отличались друг от друга не только в деталях, но и по принципиальным вопросам.

Среди этих организаций следует особо выделить Исламскую партию освобождения, наиболее заметной акцией которой был неудачный штурм военного колледжа в Каире в апреле 1974 г.

С 1975 г. на сцену египетской религиозно-политической жизни выходят «исламские группы» (аль-джамаат аль-ислямийя), те самые, которые было разрешено создать Саудовской Аравии. Исследователи отмечают высокий уровень организованности этих групп и считают, что именно их члены составили те 40 тыс. человек, которые собрались в ноябре 1979 г. на коллективную молитву на каирской площади Абдин.

Известный египетский публицист Мухаммад Хасанейн Хейкал отмечает, что «при попустительстве и поощрении со стороны властей»[\[28\]](#) исламские группы, созданные в университетах, набирали силу. Большую роль в их экспансии сыграла финансовая поддержка и даже снабжение оружием со

стороны богатейшего человека Египта – Османа Ахмада Османа, а также Мухаммада Османа Исмаила, губернатора Асьюта и бывшего генерального секретаря Арабского социалистического союза.

Перед исламскими группами была поставлена задача вытеснить насестристов и других представителей прогрессивных сил из органов студенческого самоуправления и молодежного движения. В значительной степени это удалось. Так, в 1978/79 учебном году в Александрийском университете члены Исламских групп заняли все 60 мест в руководстве студенческой ассоциации на медицинском факультете, столько же – на инженерном, 47 из 48 мест – на юридическом, 43 из 60 – на фармацевтическом.

Захватив командные посты, они стали еще более настойчиво, чем раньше, навязывать в университете свои порядки. Занятия каждый день стали начинаться с молитвы. Как нерелигиозные перестали отмечаться национальные праздники. Были пересмотрены программы и многие темы, например дарвинизм, за свое «несоответствие исламу» были выброшены из учебного курса. Были запрещены празднества, сопровождавшиеся музыкой. Был установлен контроль за меню в студенческой столовой на предмет соответствия блюд исламской сунне – обычаю. Пресекались встречи наедине юношей и девушек. С несогласными расправлялись силой. В ход пошли ножи.

Исламские группы, несомненно, готовились к более серьезным делам. Летом 1981 г. во время организованных полицией обысков в Верхнем Египте было обнаружено 3 тыс. единиц оружия, принадлежавшего исламским группам. У них была припрятана даже зенитная пушка! Нашли, насколько можно судить, не все, так как в период, непосредственно последовавший за убийством А.Садата в октябре 1981 г., именно в Верхнем Египте вспыхнули ожесточенные бои между исламистами и полицией.

В 1977 г. в Египте много шума наделала подпольная религиозная группа Ат-Такфир ва-ль-хиджра, программа которой видна из самого названия этой организации – «Обвинение в неверии и уход от мира». Программа эта явно позаимствована у крайних группировок «братьев-мусульман». Члены организации исходили из того, что египетское общество не является мусульманским, а обществом «неверных», которые отошли от «истинного ислама». Вследствие этого, считали они, «истинным мусульманам» необходимо изолироваться от такого общества, совершить духовную хиджру (исход) от мира – по аналогии с хиджрой пророка Мухаммада из Мекки, где не признавали его учение, в Медину. Похищение и убийство членами группы бывшего министра вакфов аз-Захаби возмутило египтян. На организацию, имевшую свои филиалы во многих городах страны, обрушились репрессии. 400 человек было арестовано, из них 20 – приговорены к каторжным работам, пять – к смертной казни.

Примечательно следующее. В июле 1977 г. каирский еженедельник «Роз Эль-Юсеф» обнародовал данные, из которых следовало, что члены организации Ат-Такфир ва-ль-хиджра пользуются исключительно большим влиянием среди студентов, практически целиком контролируют всю их жизнь на коммерческом факультете Каирского университета, инженерном –

Университета Айн-Шамс, медицинском – Александрийского, естественно-научном, инженерном, агрономическом – университета Аль-Мансура, на различных факультетах университета в Асьюте. Еженедельник, однако, не рассказал читателям, что ячейки этой организации паразитировали на легальных, созданных с благословения правительства исламских группах, назначением которых было бороться против влияния коммунистической идеологии. Члены Обвинения в неверии внедрялись в исламские группы, становились их руководителями, участвовали в официальных мероприятиях, формально представляли исламские группы, но на деле проводили собственную политико-идеологическую линию[29].

Место разогнанной организации заняли другие с подобной программой, а возможно, ее остатки, несколько реорганизованные и изменившие название – «Братство священной борьбы» (уничтожена в августе 1977 г.), «Молодежь Мухаммада», действовавшая преимущественно в сельской местности, «Священная война» и др.

Если сравнительно умеренные «братья-мусульмане» (они были представлены печатным органом «Ад-Дава» – «Призыв») выражали готовность сотрудничать с А.Садатом, то у других к президенту накопились самые разные претензии.

С точки зрения одних религиозных экстремистов, А.Садат являлся предателем. Он, бывший член организации «Братья-мусульмане», активно участвовал в ее подавлении в годы правления Г.А.Насера. Достаточно вспомнить в этой связи, что именно он был председателем Народного трибунала, вынесшего смертный приговор Сайиду Кутбу – идеологу организации, который стал мучеником, почитаемым всеми религиозно-политическими экстремистами в Египте и других арабских странах.

Другие, и их было большинство, не могли простить А.Садату принятие закона № 40 от 2 июля 1977 г., запретившего создание политических партий на религиозной основе и тем самым лишившего все религиозно-политические группировки (в том числе и «Братьев-мусульман») возможности действовать легально.

Третьим не нравилось заигрывание А.Садата с египетскими христианами, а также поощряемое режимом сближение между христианами и мусульманами[30]. На это мусульманские экстремисты отвечали террористическими акциями против христиан. Все правление А.Садата было отмечено межконфессиональными стычками, нередко переходившими в кровавые побоища между мусульманами и христианами. Убийство коптского священника в сентябре 1978 г., поджог церкви девы Марии (той самой, где в апреле 1968 г. состоялось «зейтунское чудо») в апреле 1979 г., стычки в Асьюте в апреле 1980 г. и в Александрии год спустя, коптский погром в июне 1981 г. в столичном районе Завия Эль-Хамра (35 убитых и 50 раненых), взрыв в каирской церкви Шубра в августе 1981 г. (трое убитых и 56 раненых) – вот яркие примеры из большого списка антихристианских выступлений, инспирированных членами экстремистских исламских НРПО.

Не по душе им было и провозглашавшееся режимом сближение между исламом, христианством и иудаизмом – попытка религиозного обоснования треугольника «США – Израиль – Египет»[\[31\]](#).

Наконец, и это самое главное, протест широких масс египтян вызвала политика саатовского руководства. Империалистическое присутствие в стране, крушение надежд широких слоев в связи с проводившейся правительством А.Садата «либерализацией» экономики, катастрофический рост имущественного неравенства, заключение сепаратного мира с Израилем и рост изоляции Египта в арабском и исламском мире, другие социально-экономические и политические беды Египта – все приводило к расширению оппозиции режиму. Но за несколько десятилетий религиозная окрашенность политического действия стала неотъемлемым элементом политической культуры в стране. Для многих религия была единственной формой выражения политического протеста.

Такое положение привело к тому, что внутри исламского движения в Египте сформировались два взаимодополняющих течения: во-первых, более или менее умеренное просадатовское, которое требовало лишь признания «братьев-мусульман» в качестве политической организации в рамках существующего режима (все остальное их устраивало), и, во-вторых, экстремистское, выступавшее против курса А.Садата, выразившегося, в частности, в сговоре с Израилем, разрыве с арабскими и исламскими странами, проникновении в страну западных монополий и т.п. Общим знаменателем для обоих являлись ретроградность, антикоммунизм, панисламизм, антихристианская и антикоптская направленность.

А.Садат сознавал опасность режиму, исходившую от оппозиционных исламских организаций: буквально за несколько дней до его гибели были произведены многочисленные аресты среди руководителей исламского движения. Тогда же был арестован и «верховный наставник» «братьев-мусульман» Омар Тлемсани. Однако смертельный удар богобоязненному президенту был нанесен малоизвестной группировкой Священная война...

Что же оставил убитый президент своим преемникам? За семь лет политики «открытых дверей» руководство страны отказалось едва ли не от всех социально-экономических достижений предшествующего периода. Экономическая активность ограничивалась в основном открытием новых банков (из которых более половины – иностранные), созданием предприятий в сфере услуг и т.п., то есть ростом тех сфер, в которых возможен быстрый оборот капитала. В этот период инфляция составляла, согласно официальным данным, 20% в год, а по подсчетам независимых экономистов, – 40%. Доля заработной платы в расходах по государственному бюджету снизилась за семь лет с 46 до 31%, а реальная заработная плата уменьшилась в среднем в два раза. 5% населения, оказавшиеся на вершине образовавшейся социальной пирамиды, присваивали 25% национального дохода, 10% самых богатых египтян потребляли 50% всех товаров. В стране было официально зарегистрировано 823 миллиардера, а 37% всего населения оказались ниже официальной черты бедности. Крайне обострилась проблема жилья; египтяне нуж-

дались по меньшей мере в 3 млн квартир. За счет собственного производства страна только на 40–50% удовлетворяла потребности в продуктах питания. В поисках работы и лучшей доли страну покинули 4 млн человек. Египет попал в зависимость от капиталистического Запада, прежде всего – США. Эта крупнейшая арабская страна оказалась в изоляции в арабском мире вследствие проведения ее руководством политики сепаратных сделок.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в стране в связи с деятельностью религиозно-политических организаций, Мухаммад Хасанейн Хейкал писал: «Мы имеем дело с бомбой замедленного действия. Ее оболочка – исламская, начинка, крайне взрывоопасная, представляет собой смесь утраченных грез, разочарований, фрустраций, подавляемого гнева целого народа, обуреваемого экономическими, социально-культурными и национальными проблемами»[32].

Несмотря на ряд изменений в политике Египта при президенте Мухаммаде Хусни Мубараке (стремление восстановить в максимально возможном объеме отношения с арабскими странами, сведение к минимуму связей с Израилем, расширение сотрудничества с социалистическими странами, придание политической оппозиции реальной роли в жизни страны и т.п.), политическому руководству не удалось решить все те проблемы, которые накапливались и обострялись в предшествующий период. Особенно острыми остаются проблемы экономические. Растет имущественное неравенство. В одном только Каире в 1987 г. проживало 17 тыс. миллионеров. При этом четверть миллиона каирцев, не имея возможности купить или снять жилье, ютилась в кладбищенских склепах.

Религиозный экстремизм не только не идет на убыль, но и, насколько можно судить, распространяется, выступает в новых формах. В дополнение к уже существующим НРПО появляются новые. В 1984 г. заставила о себе говорить группа Фармавиты, получившая свое название по имени предводителя группы шейха Мухаммада Салима аль-Фармави, живущего в местности Шабра Эль-Хайма. Его последователи считают, что он общается непосредственно с Аллахом. Они отрицают любой труд, заявляя, – что мусульманин должен заниматься только религиозным поклонением. Считая, что и болезнь, и исцеление – от Аллаха, не принимают лекарств. Они не учатся сами и не отдают детей в школу. Единственным источником знаний о мире для них является Коран[33].

Деятельность фармавитов, как и упоминаемой ниже группы Самавиты, – проявление тенденции к созданию религиозных общин, претендующих на то, чтобы быть своего рода контробществом. Они используют традиции религиозно-мистических (суфийских) орденов, которые всегда были влиятельными среди малосостоятельных горожан[34]. Они оказывают немалое влияние (негативное) на политическую обстановку в стране.

С осени 1985 до лета 1986 г. органам поддержания порядка в Каире много неприятностей доставила новая религиозно-политическая группировка экстремистского толка – Самавиты (так они называют себя по имени своего руководителя Абдаллаха ас-Самави, слово может переводиться и как «небес-

ные»). В этот период они занимались поджогами видеоклубов, кинотеатров, ресторанов, автомобилей, принадлежавших полиции и банкам. Таким образом самавиты боролись против «неисламских», с их точки зрения, форм жизни – порнографии, алкоголизма, банковской деятельности, которая видится ими как получение запрещенной шариатом лихвы. Доставалось, естественно, и полиции, которая олицетворяла для самавитов существующее в Египте, опять-таки «неисламское», государство. Арестованные члены группы обвинялись также в незаконном хранении огнестрельного оружия и боеприпасов, в деятельности, направленной на изменение политического строя в стране. Они планировали убийство многих политических деятелей, писателей, журналистов, а также шейха исламского официального культово-образовательного комплекса Аль-Азхар. Было даже намерение убить (в феврале 1986 г.) президента Египта Хусни Мубарака. Главная направленность подготовленного ими «черного списка» – прогрессивные силы. Первым в нем стояло имя Халеда Мохк эд-Дина, руководителя Национальной прогрессивной (левой) партии Египта.

Одни наблюдатели выводят самавитов из организации Священная война, отмечая, что вербовка новых членов этой группы происходила на встречах, которые организовывали оправданные по суду члены организации Священная война, в частности родной брат Халеда аль-Ислямбули (убийцы А.Садата)[35]. Другие отмечают, что ядро группы Самавиты существовало как минимум с 1974 г. Высказываются и предположения об их связи с организацией Обвинение в неверии и уход от мира[36].

Самавиты не считают Египет исламской страной, для них это «страна неверных», как, впрочем, и все другие страны распространения ислама, кроме Ирана. Поэтому члены организации должны вести «священную войну» против своих соотечественников и всех «отошедших от ислама». Запрещается служить в египетской армии, поскольку она защищает «государство неверных». Все эти, в общем-то не новые для фундаменталистов идеи излагаются в книге ас-Самави «Вехи нашего призыва» (Маалим дааватина).

Программа группы Самавиты оказалась невыполненной, если не считать серии поджогов. Но журнал «Аш-Шираа» сделал интересное наблюдение. Самавиты, как и члены других экстремистских группировок, очень откровенны и обстоятельны на судебных заседаниях, стремятся не упустить ни одной детали из своих «деяний». Они, видимо, надеются на фиксацию в материалах суда их заслуг перед «истинным исламом»...

События, происходящие в Египте, показывают, что затянувшаяся схватка между государством и исламскими НРПО далека от окончания.

[1] Забиба – след, подобный мозоли, который образуется на лбу от частых поклонов с касанием земли или пола во время молитвы. Считается признаком особого религиозного усердия мусульманина.

[2] Некоторые советские авторы ошибочно утверждают, что А.Садат был убит членами организации Ат-Такфир ва-ль-хиджра (Обвинение в неверии и уход от мира). На процессе же, проходившем в Каире в конце 1982 – начале 1983 г., обвинение выдвигалось именно против членов организации Священная война.

- [3] Аль-Гумхурийя. Каир. 06.09.1954.
- [4] Аль-Ватан аль-араби. Париж – Бейрут. 1984. № 390. С. 29.
- [5] Преступления шайки «братьев». Каир, 1965. С. 62 (на араб. яз.).
- [6] Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. М., 1974. С. 47.
- [7] Аль-Иштираки. Каир. 05.02.1966.
- [8] Аль-Иштираки. 21.05.1966.
- [9] Собрание речей, заявлений и высказываний президента Г.А.Насера. Ч. 4 (февраль 1962 – июнь 1964). Каир, [б.г.]. С. 304 (на араб. яз.).
- [10] Там же.
- [11] Имеется в виду деятельность трех посланников (пророков) так называемых богоданных (богооткровенных) религий – Моисея, Иисуса, Мухаммада.
- [12] Stino Kamal Ramzi. La philosophie de la nativité. Le Caire, [б.г.]. С. 5.
- [13] Бушра Захарий Михаил. С посланником Бога. Так благовествовали о нем Евангелия. Каир, 1972. С. 8 (на араб. яз.).
- [14] Речь идет о том, что начиная со 2 апреля 1968 г. дева Мария «являлась» верующим в квартале Зейтун на окраине Каира в форме светящегося ореола на куполе церкви ее имени.
- [15] Зейтунское чудо. Явление девы Марии. Каир, 1968. С. 16 (на араб. яз.).
- [16] Аль-Ахрам. Каир. 15.11.1971.
- [17] Например, сионизм связывался с иудаизмом, указывалось, что иудеи приложили руку к распятию Иисуса Христа и, как считают некоторые мусульманские традиционалисты, отравили пророка Мухаммада.
- [18] Цит. по: Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. М., 1982. С. 220.
- [19] См.: Ежемесячный бюллетень депонированных изданий. Каир, разные номера за 60-е годы (на араб. яз.).
- [20] Le mois en Afrique. P., décembre 1980 – janvier 1981. № 180–181. С. 121; Аль-Иштираки. 05.03.1966.
- [21] Фараг Мухаммад. Исламская военная стратегия. Каир, 1975. С. 78 (на араб. яз.).
- [22] Кишк Мухаммад Галяль. Чего хочет египетский народ? Бейрут, 1970. С. 92, 93 (на араб. яз.).
- [23] Rochot P. La Grande Fièvre du monde musulman. P., 1981. С. 144.
- [24] Monde. 07.10.1981.
- [25] Mirel P. L’Egypte des ruptures. L’Ere Sadate, de Nasser à Moubarak. P., 1982. С. 109.
- [26] Rochot P. La Grande Fièvre du monde musulman. С. 146.
- [27] Там же. С. 144.
- [28] Хейкал Мухаммад Хасанейн. Осень гнева. История начала и конца эры Садата. Бейрут, 1983. С. 302 (на араб. яз.).
- [29] Шукри Гали. Религиозная реакция берется за оружие // Конфессиональная проблема в Египте. Бейрут, 1980. С. 45 (на араб. яз.).
- [30] В 1977 г. состоялась встреча между коптским папой Шеннудой III и шейхом Аль-Азхара, одновременно проходили совместные исламо-христианские моления в Каире и Александрии. В 1976 г. в парламент было проведено восемь представителей коптской общины, а в 1979 г. их уже было 14. Садат не только ежесвятнично молился в мечети. Он не забывал и о христианстве: например, его можно было увидеть и закладывающим первый камень больницы Святого Марка, и участвующим в церковной церемонии бракосочетания сына члена парламента – копта, и в других акциях подобного рода.
- [31] Теоретики «триалога» в Египте мотивировали его необходимость и возможность как историческими связями между тремя «богоданными», или «авраамовыми», религиями, так и общими задачами борьбы против «атеистического коммунизма».
- [32] Monde. 23.08.1984.
- [33] Куль аль-араб. Париж – Бейрут. 23.05.1984.

[34] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. М., 1986. С. 213.*

[35] *Аль-Хавадис. Лондон – Бейрут. 1986. № 1559.*

[36] *Аш-Шираа. Бейрут. 1986. № 238.*

С.19-27. Несостоявшееся пришествие спасителя

В религиозно-политической жизни Саудовской Аравии самый конец 70-х годов был ознаменован событиями сенсационными. В ноябре 1979 г. вооруженная группа захватила и некоторое время удерживала святыню исламского мира – мекканскую мечеть, где находится Черный камень – предмет поклонения всех мусульман. Через некоторое время в Восточной провинции произошли антиправительственные выступления под религиозными лозунгами. Выплеснулись на поверхность давно зревшие в недрах саудовского общества проблемы.

Саудовская Аравия – родина пророка Мухаммада, основателя ислама. В 1927 г. Ибн Сауд, создатель королевства и родоначальник династии Саудитов, был объявлен на Всеисламском конгрессе в Мекке хранителем общемусульманских святынь в Мекке и Медине. Многочисленное исламское духовенство играет большую роль в религиозной, общественной и политической жизни страны. Исламская идеология занимает прочное место во всей системе образования. Религиозная полиция нравов – Лига поощрения добродетели и осуждения греха наблюдает за исполнением всех основных предписаний ислама, касающихся поведения правоверного мусульманина. До сих пор сохраняются основанные на шариате нормы судопроизводства. За воровство отсекают руку, прелюбодеяние женщины наказывается побиением камнями[1].

В области внешней политики королевство стремится в максимальной степени использовать «исламскую карту». Укреплению позиций Саудовской Аравии и организаций, которые способствуют распространению саудовского влияния в исламских странах, в большой степени содействовала щедрая финансовая помощь этого государства. Так, в период между двумя исламскими совещаниями в верхах (в Мекке – Таифе, январь 1981 г. и Дакке, декабрь 1983 г.) Саудовская Аравия безвозмездно выделила на нужды развития в странах распространения ислама 1 млрд долл. В тот же период саудовский Фонд развития на льготных условиях предоставил кредиты на сумму 5 млрд 232 млн саудийских реалов (около 1,5 млрд долл.) 25 странам – членам организации Исламская конференция. В дополнение к этому только во второй половине 1983 г. Судан получил кредит в размере 7 млн суданских фунтов (около 5,5 млн долл.) от исламского банка имени короля Фейсала на развитие мелкого и ремесленного производства; кредитов на сумму 50 млн долл. было выделено Иордании для импорта сырой нефти Исламским банком развития (ИБР – основан Саудовской Аравией, Кувейтом, Ливией, Объединенными Арабскими Эмиратами, основной капитал – саудовский); в Тунисе в декабре 1983 г. было подписано соглашение о финансировании саудовскими деловы-

ми кругами нескольких проектов на общую сумму 400 млн долл. (к этому времени ими уже было вложено в тунисскую экономику 240 млн долл.); ИБР выделил Йеменской Арабской Республике кредит на сумму 7,5 млн долл. на нужды внешней торговли; поддержка государственного бюджета ЙАР Саудовской Аравией составила в 1983 г. 345 млн саудийских реалов (около 100 млн долл.); Джибути получила кредит от ИБР на нужды сельскохозяйственного развития в размере 2 млн долл.; что касается Алжира, то в августе 1983 г. было подписано соглашение с ИБР о получении кредитов для нужд внешней торговли на сумму 11 млн долл., а за год (с августа 1982 по август 1983 г.) эти кредиты составили 970 млн долл.; Ираку ИБР выделил 25 млн долл. на нужды внешней торговли; Марокко получило 25 млн долл. на импорт сырой нефти; НДРИ получила заем в 5,3 млн долл. на нужды здравоохранения; в ноябре 1983 г. было передано 28,5 млн долл. Организации освобождения Палестины – последняя ежеквартальная выплата из годовой суммы 85,5 млн долл. – регулярных взносов Саудовской Аравии в фонд ООП[2].

подавляющая часть приведенных фактов имеет отношение в первую очередь к сфере экономической и является одним из проявлений той тенденции, которую академик Е.М.Примаков назвал «субимпериализмом»[3]. Но они интересуют нас в рамках рассматриваемой темы еще и потому, что подобная помощь сопровождается требованием осуществлять «исламскую политику», не препятствовать деятельности НРПО, курс которых совпадает с политикой Саудовской Аравии, но нередко идет вразрез с намерениями правящих кругов этих государств. Иными словами, эта «помощь» может являться и зачастую является формой вмешательства во внутренние дела арабских и других стран распространения ислама под «исламским» прикрытием.

Имеются многочисленные факты, свидетельствующие и о прямой поддержке Саудовской Аравией НРПО в странах Ближнего Востока. Мухаммад Хасанейн Хейкал сообщает в своей «Истории начала и конца режима Садата» о прямом «поощрении Саудовской Аравией религиозной реакции в Египте»[4]. (Объектом подобного вмешательства стал не только Египет.)

В 1971 г. король Саудовской Аравии Фейсал предложил тогдашнему шейху Аль-Азхара Абд-аль-Халиму Махмуду ни много ни мало 100 млн долл. для поддержания улемами этого крупнейшего исламского центра «борьбы против коммунизма и атеизма».

Предложенные деньги – правда, не 100, а 40 млн долл. – религиозные деятели получили и использовали. Сам Абд-аль-Халим Махмуд написал несколько антикоммунистических брошюр, были переведены на арабский язык и опубликованы книги соответствующего содержания, среди которых – сборник пасквилей, сочиненных ренегатами коммунистического и рабочего движения, ударившимися в религиозный мистицизм, «Божество, которое умерло». Было построено несколько мечетей.

Летом того же 1971 г. король Фейсал организовал встречу между А.Садатом и «братьями-мусульманами», жившими за рубежом, что в дальнейшем немало способствовало активизации деятельности ассоциации в

Египте. Выше уже рассказывалось о деятельности в стране исламских групп, частично финансировавшихся из саудовских фондов.

Наряду с этим в Саудовской Аравии происходят социально-политические процессы, которые самым непосредственным образом влияют на положение и роль религии в жизни страны, на отношение НРПО к правящему режиму.

Капиталистические отношения проникают во все сферы экономической деятельности, хотя Саудовская Аравия и остается многоукладной страной, в которой значительную роль играют феодальные и даже дофеодальные отношения[5]. «Нужды развития национальной экономики, необходимость учитывать социальные сдвиги и интересы новых классовых слоев и группировок, приведение надстройки в соответствие с новыми условиями – все это служит побудительной причиной того, что саудовские правящие круги в послевоенные годы провели ряд мероприятий по модернизации системы государственного управления и законодательства»[6]. Исследователи единодушны в том, что государство в Саудовской Аравии выражает интересы двух классов – феодалов и буржуазии[7] и споры ведутся только по вопросу: называть этот режим «буржуазно-феодальным» или «феодально-буржуазным»?

Наиболее существенные изменения в направлении модернизации государства и всего строя жизни отмечаются с 60-х годов. Назовем только некоторые начинания в этой области. В 1962 г. было официально отменено рабство. Была принята программа из 10 пунктов, обнародованная королем Фейсалом при вступлении на престол 2 ноября 1964 г., которая предусматривала принятие конституции, проведение реформы судебной системы. В период правления Фейсала (убит 25 марта 1975 г.) были проведены отдельные мероприятия в области рабочего законодательства: принят закон о социальном обеспечении (1964 г.), закон о трудовых отношениях (1969 г.), закон о социальном страховании (1970 г.). В 1968 г. был издан декрет о распределении среди населения необрабатываемых земель, разработана и обнародована программа перевода бедуинов на оседлость – прикреплению их к земле и приобщению к земледельческому труду. Заметно возросли расходы на просвещение и здравоохранение. При Фейсале в стране появились первые кино-театры и телевидение. В 1960 г. открыта первая школа для девочек. Постепенно женщины получают доступ к общественной и профессиональной деятельности[8].

Однако даже эти ограниченные нововведения встречали яростное противодействие со стороны некоторых наиболее консервативных религиозных кругов. В середине 60-х годов приходилось прибегать к помощи полиции, для того чтобы оградить школы для девочек от враждебных выходов фанатиков. Сентябрь 1965 г. ознаменовался тем, что «братья-мусульмане», действующие и в Саудовской Аравии, предприняли попытку заговора против короля. Заговорщики считали его модернизаторские начинания противои-сламскими[9].

Как же случилось, что исламские НРПО выступили против короля – «хранителя всемусульманских святынь»? Для ответа на этот вопрос рассмот-

рим место религиозных институтов в политической системе Саудовской Аравии и ту роль, которую им отводит королевская администрация.

Сразу отметим, что в Саудовской Аравии уже давно наметилась тенденция к ограничению роли религиозных институтов. Так, ст. 9 Основного закона Королевства Хиджаз 1926 г. (действует до сих пор в некоторых районах страны) распределяла дела государства по следующим шести основным разделам: 1) шариатские дела; 2) внутренние дела; 3) иностранные дела; 4) финансовые дела; 5) дела народного просвещения; 6) военные дела. К шариатским делам ст. 10 относил «дела и вопросы, касающиеся шариатских судов, обоих святых мест (Мекки и Медины. – А.И.), вакфов (недвижимой собственности, принадлежащей исламским институтам – мечетям и т.п. – А.И.), славных мечетей и других религиозных учреждений». Поскольку король располагает всей полнотой законодательной и исполнительной власти, под его безраздельным господством находились (и находятся до сих пор) все оставшиеся разряды государственных дел. Правда, ст. 5 гласила, что «Его Величество связан постановлениями славного шариата», но, как показывают факты, на деле это не всегда было так. Например, в 1927 г. улемами (знатоками мусульманского права) была издана фетва (суждение по конкретному вопросу) с требованием, чтобы Ибн Сауд, тогдашний король Хиджаза, Неджда и зависимых территорий (будущей Саудовской Аравии) запретил проживавшим в стране шиитам – о них мы еще будем говорить – публично молиться, отмечать годовщину смерти имама Али и других членов его семьи, совершать паломничество в Кербелу и Неджеф. Фетва требовала разрушить места поклонения шиитов и запретить им исполнять свои религиозные ритуалы. Король признал эти требования чрезмерными и отклонил их[10]. А ведь речь шла о сугубо религиозном вопросе!

Что же касается внутренних дел (по классификации, даваемой Основным законом 1926 г.), то здесь королевская власть безраздельно диктовала свою волю. Некоторые улемы заявили в 1928 г., что телеграф неприемлем для мусульман, так как является результатом деятельности сатаны. Телеграф, а в дальнейшем и радиовещание все же были введены. Резкий протест мекканских улемов по поводу изучения рисования и географии в школе был оставлен без внимания[11].

Можно было бы продолжить этот список. Но самое главное то, что в 1962 г. законодательно был закреплен чисто совещательный характер Юридического совета, состоящего из 20 мусульманских юристов-улемов и принадлежащего к числу центральных государственных органов. Программа улучшения страны, определявшая статус Юридического совета, указывала:

«Коран и традиции[12] неизменны, но они не могут применяться к современным проблемам (без соответствующего истолкования); новый совет – механизм для применения такого рода»[13].

Но часто король и королевская администрация выступают с собственными обоснованиями различных мероприятий модернизаторского характера. Так, учреждая службу телевидения, король Фейсал обосновал это нововведение тем, что в Коране нет прямого указания на запретность телевиде-

ния. На телестудию были приняты в качестве дикторов несколько девушек. Допустимость этого оправдывалась тем, что в данном случае отсутствовал запрещаемый шариатом прямой контакт между мужчиной и женщиной, не состоящими в родстве [14]. Все это, если разобраться, мелочи. Более серьезные вопросы – определение цен на нефть, модернизация армии, финансовая деятельность, определение дальнейшей стратегии социально-экономического развития страны – решаются, в сущности, помимо духовенства. Оказывается, достаточно его молчания, которое истолковывается как одобрение мероприятий короля и его администрации.

Подводя итог, можно сказать, что религиозный комплекс в Саудовской Аравии постепенно все в большей степени ограничивается консультативно-апологетическими функциями. Когда же эти функции духовенство не может или не согласно выполнять, обходятся без него.

Однако, как указывалось выше, духовенство традиционно имеет значительный вес во всех сферах жизни страны. Оно болезненно реагирует на ограничение своей роли и связанных с ней привилегий, ибо не может не видеть тенденции, направленной на уменьшение его значения в социально-политической жизни.

В Саудовской Аравии существует множество влиятельных религиозных объединений – Джамаа ас-саляф ас-салих (Группа подражания благочестивым предкам), Ахль ат-тавхид (Единобожники), Джамаа ат-таблиг (Группа предупреждения о грядущем Страшном суде), Джамаа тахфиз аль-Куран (Группа сохранения Корана), Ахль ад-даава (Призывающие) и т.д. Вооруженная группировка – Группа Джухаймана, совершившая нападение на мечеть в Мекке, – экстремисты, отколовшиеся от Группы подражания благочестивым предкам. Группа Джухаймана обвиняла короля Саудовской Аравии в том, что он в своей деятельности «расходится с исламским шариатом» [15].

К вооруженной акции в Мекке Группу Джухаймана подтолкнул момент идеологического порядка. Группа в течение длительного времени занималась выкладками, связанными с предсказаниями о приходе махди – исламского мессии, спасителя. Эти предсказания, приписываемые пророку Мухаммаду, указывают время, место и условия, в которых махди должен прийти в мир. Что касается времени, то это «конец времен», как говорится в одном из предсказаний. Конец XIV в. по мусульманскому летосчислению мог быть истолкован именно как «конец времен». Место точно указано в одном из предсказаний – между Черным камнем и следом ноги, оставленным, как считают мусульмане, библейским Авраамом (Ибрахимом). Что касается условий, то они связаны с усилением несправедливости. «Наполнится Земля несправедностью и несправедливостью, – говорится в одном из предсказаний. – И появится муж из моих потомков. Будет он править семь или девять лет и наполнит Землю справедливостью и правдой, как наполнилась она несправедностью и несправедливостью». И это условие, как считали члены группы, также было соблюдено и выражалось в «несправедности» королевского режима.

Группа решила нанести удар по антиисламской, с ее точки зрения, королевской власти, захватив Мекку и провозгласив нового «повелителя правоверных» – халифа. Группа была разгромлена, а оставшиеся в живых были казнены «в назидание современникам и потомкам».

Можно только гадать, почему Группа Джухаймана верила в успех этой отчаянной акции. То ли она состояла из совершенно оторванных от жизни фанатиков, которые всерьез верили, что 1-го числа месяца мухаррама 1400 г. хиджры наступит конец света. То ли они ожидали какой-то широкой поддержки (представители министерства внутренних дел Саудовской Аравии заявляли о том, что нападение в Мекке – дело рук Группы подражания благочестивым предкам, среди членов которой были проведены массовые аресты), то ли по другим, неизвестным нам, причинам.

Фактом остается то, что ноябрьские события 1979 г. в Мекке – очередная проба сил в сложном противоборстве между государством и религиозными деятелями. Не исключено также, что эти события – выражение глубинных, социальных противоречий, например между феодальными и полуфеодальными кругами, с одной стороны, и сторонниками более последовательного капиталистического развития страны – с другой.

Иные причины у тех выступлений, которые имели место в ноябре 1979 г. в провинции Эль-Хаса (Восточная провинция). В ней третью часть населения составляют шииты, количество которых, по разным данным, составляет от 130 тыс. до 160 тыс. [16] Не исключено, что их значительно больше, так как шиитам их вероучение разрешает в случае необходимости скрывать свои действительные религиозные убеждения и принадлежность. Шииты подвергаются религиозной дискриминации: они не признаются равноправной стороной в шариатских судах и государственных учреждениях, не пользуются равными с суннитами правами в различных областях жизни. Они дискриминируются также в сфере производственной деятельности, в частности в оплате труда. Приведем свидетельство коммуниста из Саудовской Аравии. «Саудовское правительство, – пишет он, – притесняет шиитов в отправлении ими своих религиозных обрядов. Оно смотрит на них как на граждан второго сорта. Их селения и деревни заброшены, дороги непроходимы, не уделяется никакого внимания образованию и медицинской помощи. Шииту не разрешается забивать животных и продавать их мясо. Его свидетельство не принимается в шариатских судах. Шиитская женщина не имеет права поступить в педагогическое училище. Книги шиитских улемов, все публикации, посвященные шиитскому толку, изымаются на саудовских таможнях и сжигаются, их ввоз в страну запрещен» [17].

И здесь мы сталкиваемся с тем, что религиозные деления сложно переплетаются с делениями классовыми. В провинций Эль-Хаса сосредоточена основная часть саудовского пролетариата, преимущественно на нефтеразработках и в портах. И поэтому трудящиеся-шииты подвергаются двойному угнетению – религиозному и классовому.

На эти, внутренние, условия наложилось то, что в 1978–1979 гг. в шиитском Иране происходила народная революция, ведущую роль в которой

стало играть исламское духовенство. В Восточной провинции возникли религиозно-политические организации, симпатизирующие иранской революции, – Аль-Фаджар (Заря), Хусейновы[18] комитеты мучеников[19]. Это в дополнение к уже существовавшей с середины 70-х годов организации Исламской революции на Аравийском полуострове. Немалое влияние на возникновение этих групп оказали, по-видимому, и религиозные деятели Ирана, взявшие курс на экспорт «исламской революции».

В ноябре 1979 г. отмечался шиитский праздник ашура – годовщина смерти Хусейна. Этот праздник превратился в политическую манифестацию, в дальнейшем переросшую в беспорядки, охватившие 80 городов и селений Восточной провинции[20]. Широкие народные выступления проходили под самыми разными лозунгами: «Аллах велик!», «Да здравствует исламская революция и наш вождь Хомейни!», «Религия пророка Мухаммада едина. Долой дискриминацию!», «Шииты и сунниты – братья!», «Да здравствует иранская революция!», «Свободу политическим заключенным!», «За свободу родины и счастье народа!», «Долой сговор Картера – Бегина – Садата!». Уже по одним только лозунгам можно судить, насколько разными были силы, участвовавшие в этих выступлениях, – от традиционалистско-религиозных до левых. Выступления эти были подавлены.

В стране, развитие которой характеризуется большой сложностью, не решены противоречия, которые могут привести к новым вспышкам активности НРПО.

[1] Нельзя не отметить, что большую роль в выпячивании этих, в каком-то смысле «экзотических», моментов сыграли западные журналисты и путешественники. Не обошлось здесь и без желания продемонстрировать «дикость» мусульман в противовес «гуманности» европейцев. Да и сами саудовские средства информации и пропаганды не прочь подчеркнуть верность Саудовской Аравии исламским установлениям. А.М.Васильев, советский специалист по Саудовской Аравии, пишет в этой связи: «Что касается отрубания рук за воровство, то эта крайняя мера наказания применялась гораздо реже, чем это может показаться со стороны. Для этого факт воровства нужно было точно установить, вор должен быть совершеннолетним и психически нормальным и действовать по собственной воле... Украденная вещь должна была стоить по меньшей мере три дирхема и до кражи находиться под замком. Если вор разбивал замок, а другой брал вещь, то руку отрубить было нельзя ни тому, ни другому. Воровство у близких родственников не считалось таковым. Для установления факта преступления требовалось два свидетеля. В случае голода или дороговизны отрубание руки не применялось» (Васильев А.М. Некоторые особенности социально-политической структуры Саудовской Аравии // Народы Азии и Африки. 1980. № 5. С. 63).

[2] Подсчитано по: Аш-Шарк аль-Авсат. Лондон. 29.08, 01.09, 05.10, 19.10, 31.10, 02.11, 07.11, 30.11, 02.12, 09.12.1983.

[3] Примаков Е.М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982. С. 44–51.

[4] Хейкал Мухаммад Хасанейн. Осень гнева. С. 268–269 (на араб. яз.)

[5] См.: Озолинг В.В. Экономика Саудовской Аравии. М., 1975.

[6] Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979. С.22.

[7] Каминский С.А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981. С. 54; Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях. С. 201.

[8] Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях. С. 22–24.

- [9] Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М., 1976. С. 87.
- [10] Васильев А.М. Некоторые особенности социально-политической структуры Саудовской Аравии. С. 64.
- [11] Аль-Араби. Эль-Кувейт, 1980. № 256. С. 49.
- [12] Здесь неточный перевод в цитируемом исследовании. Вместо «традиции» должно быть «Сунна», т.е. сборник преданий о пророке Мухаммаде.
- [13] Цит. по: Каминский С.А. Институт монархии в странах Арабского Востока. С. 48.
- [14] Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях. С. 26.
- [15] События ноября – мухаррама 1979 г. в Саудовской Аравии (издание Коммунистической партии Саудовской Аравии). [Б.м.], 1980. С. 11 (на араб. яз.).
- [16] Васильев А.М. Некоторые особенности социально-политической структуры Саудовской Аравии. С. 64; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. С. 91.
- [17] Мухаммад Абдаллах. Идеиные дискуссии. [Б.м., б.г.]. С. 132–133 (на араб. яз.).
- [18] Хусейн в данном случае – это сын имама Али ибн Аби-Талиба (VII в.), почитаемый в шиизме в качестве святого-мученика.
- [19] События ноября – мухаррама 1979 г. в Саудовской Аравии. С. 21 (на араб. яз.).
- [20] Там же. С. 23.

С.27-34. «Пятая колонна»

«Братья-мусульмане», обращаясь к истории своей ассоциации, утверждают, что Сирия стала первой арабской страной, куда из Египта распространилась ее деятельность[1].

Первые практические шаги в этом направлении датируются серединой 30-х годов. Сам Хасан аль-Банна, основатель ассоциации, оказывал целенаправленное воздействие на сирийцев, проживавших в то время в Каире и обучавшихся в религиозном университете Аль-Азхар. Его приближенными стали сирийцы Мухаммад аль-Хамид и Мустафа ас-Сибай. Ассоциация засылала в Сирию своих эмиссаров, как это имело место в 1935 г., когда страну посетили с конкретной целью превращения «братства» в межарабскую организацию Абд-ар-Рахман ас-Саати и Мухаммад Асад аль-Хаким. В результате этих усилий в 1937 г. в г. Алеппо (Халебе) и было создано первое объединение сирийских «братьев-мусульман».

К тому времени в Сирии уже существовали религиозные ассоциации, например в том же Алеппо – объединение Дар аль-аркам. Для их объединения под эгидой «братства» потребовалось несколько лет. В начале 40-х годов действовавшие в стране исламские религиозно-политические группировки наконец объединились в ассоциацию, принявшую название «Братья-мусульмане». В ст. 1 своего устава новая организация провозгласила себя частью ассоциации, созданной Хасаном аль-Банной. «Генеральным инспектором» (аль-муракиб аль-амм) сирийского филиала ассоциации стал Мустафа ас-Сибай, который в этом своем новом качестве вошел в Учредительную ассамблею (Аль-Хайа ат-тасисийя) братства. Таким образом, начало 40-х годов можно считать временем превращения египетской ассоциации «Братьев-мусульман» в межарабскую организацию.

Единство сирийских и египетских «братьев» под руководством каирского центра было продемонстрировано и в марте 1954 г., когда «генеральный наставник» (аль-муршид аль-амм) ассоциации аль-Худайби почтил своим присутствием тренировочный лагерь «братьев-мусульман» в г. Хомсе, где, по-видимому, и закончился X съезд организации, начавший свою работу в декабре 1953 г. в г. Аммане (Иордания).

Начало 50-х годов в Сирии стало периодом относительной активизации «братьев-мусульман». Они открыто создавали свои военизированные лагеря – в Хомсе, Хаме, Латакии, горных районах. Ими предпринимались и попытки сыграть какую-то роль в политической жизни страны. В парламентских выборах 1954 г. «братья-мусульмане» участвовали не как члены своей партии, а как независимые или члены других партий. В Национальное собрание был выбран ряд «братьев», среди которых был шейх Рауф Абу-Таук, а также один из руководителей Народной партии, Мааруф ад-Давалиби. Как независимый на частичных выборах 1955 г. в Национальное собрание баллотировался, правда, безуспешно, и руководитель «братьев-мусульман» Мустафа ас-Сибай[2].

Некоторых успехов сирийский филиал ассоциации добился благодаря поддержке сил, выступавших против египетско-сирийской унии в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР).

Примечательно, что после отделения Сирии от Египта главой сирийского правительства, созданного в декабре 1961 г., стал «брат-мусульманин», действовавший под прикрытием Народной партии, – Мааруф ад-Давалиби. Излагая программу своего правительства, он сразу поспешил заверить, что будет охраняться частная собственность, будут пересмотрены или аннулированы проведенные акты национализации. Кроме того из секвестра освободили собственность западных компаний, арестованную в период египетско-сирийского объединения. Была ограничена деятельность партий и профессиональных союзов. В правительство вошел и один из руководителей «братьев-мусульман», Исам аль-Аттар. Предполагалось даже, что именно он станет премьер-министром[3].

Переломным в истории сирийских НРПО, как и в истории всей страны, стал 1963 год, когда после военного переворота 8 марта к власти пришла партия Баас (Партия арабского социалистического возрождения – ПАСВ). Последующее развитие страны не было лишено противоречивости, откатов назад, но итог этого развития являлся, несомненно, положительным, подтвердил антифеодальный, антиимпериалистический характер самого переворота. Так, уже в 1963 г. была проведена ренационализация банков и страховых обществ, в закон 1958 г. об аграрной реформе был внесен ряд существенных поправок, направленных против крупных земельных собственников и феодалов. Состоявшийся в октябре 1963 г. VI Общеарабский съезд партии Баас высказался за антиимпериалистический курс во внешней политике страны, подтвердил намерение руководства партии и государства в Сирии укреплять отношение дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, другими социалистическими странами. В декабре 1964 г. сирийское правитель-

ство заявило о национализации всех нефтяных и минеральных ресурсов. В начале января 1965 г. были опубликованы так называемые «социалистические декреты», послужившие основанием для национализации 115 крупных и средних промышленных предприятий.

Естественно, реакционные силы в стране встретили проводившиеся или провозглашавшиеся мероприятия такого рода в штыки. Важная роль отводилась ими использованию религии и НРПО, которые стали своего рода «пятой колонной» в стране. Так, в крупнейшей мечети Дамаска – мечети Омейядов в марте 1963 г. правительство подверглось проклятию и ему была объявлена «священная война».

С февраля того же года в г. Хомсе и других городах мелкие и средние торговцы объявили забастовку. В это же время им удалось спровоцировать волнения среди учащейся молодежи в г. Хаме.

Провоцируемые реакционными силами волнения, в которых активно участвовали сирийские НРПО, в первую очередь, «Братья-мусульмане», стали практически постоянными. В апреле 1964 г. в Хаме опять начались антиправительственные выступления среди учащейся молодежи, которые были использованы реакционными религиозными деятелями: в мечети Ас-Султан с кафедры опять звучит призыв к «священной войне» против режима. В конце января 1965 г. торговцы Дамаска объявили забастовку в знак протеста против начавшейся в промышленности национализации.

Главная характерная черта наступившего этапа в истории сирийских НРПО заключается в том, что они выступали против любых мероприятий, ущемлявших привилегии феодалов, крупной и средней буржуазии. До этого «братья-мусульмане» в Сирии позволяли себе даже, как это сделал в 1959 г. их верховный наставник Мустафа ас-Сибай, говорить о «социализме ислама», поддерживать идею национализации и аграрной реформы. По-видимому, в тот период они считали себя достаточно сильными для того, чтобы поставить под свой контроль необходимые для дальнейшего развития страны мероприятия в области промышленности и сельского хозяйства. Сейчас же ситуация изменилась: мероприятия режима поддерживали прогрессивные и массовые политические партии, профессиональные организации. Эти изменения в политическом курсе организации были закреплены и изменением в руководстве. В 1964 г. умер разбитый параличом Мустафа ас-Сибай. Его место занял выдвинувшийся до этого в руководители «братства» Исам аль-Аттар. (Правда, в том же 1964 г. Исаму аль-Аттару, отправившемуся в паломничество в Мекку, было запрещено возвращаться на родину. После нескольких лет пребывания в Саудовской Аравии в 1968 г. он перебрался в Западную Германию, где и находится до сих пор.)

Изменение обстановки в стране, а также изменение политического курса «братьев-мусульман» сопровождалось и поиском новых форм и методов борьбы, для которых во все большей степени характерными становились насильственность и экстремизм. Под предлогом защиты торговцев от национализации стали создаваться вооруженные формирования «братьев-мусульман»[\[4\]](#). Именно в этот период возникают в г. Хаме Фаланги Мухам-

мада (Катаиб Мухаммад), которыми в 1964–1965 гг. руководил Марван Хадид, в г. Халебе – созданное шейхом Абд-ар-Рахманом Абу-Гудда (в настоящее время находится в Саудовской Аравии) полувоенное Движение исламского освобождения (Харака ат-тахрир аль-ислями), в г. Хомсе и других населенных пунктах – мелкие военизированные формирования, такие, как Воинство Аллаха (Джуд Аллах), Фидайны Аллаха (Фидайю Аллах) и др.

Наконец, после 1963 г. у НРПО в Сирии появилась еще одна характерная черта – упор в идеологической и пропагандистской областях на борьбу против правящего режима как «неверного» и «антиисламского» – «алавитского» и «христианского». При этом подчеркивалось, что часть сирийского, руководства состоит из выходцев из алавитской общины[5]. Еще с начала 60-х годов выпячивалось и то, что один из основателей общепарабской партии Баас, Мишель Афляк – православный христианин. Нынешний режим характеризуется пропагандистами «братьев-мусульман» как «крестово-алавитский», а конфликт их организации с государством преподносится, в русле превратной конфессиональной логики, как «борьба 90% сирийского народа против 10% алавитов, захвативших власть»[6]. Выпячивается «братьями-мусульманами» и тот факт, что у истоков партии Баас стоял и выходец из алавитской общины Заки аль-Арсузи[7], все это с единственной целью: представить правящую партию в качестве религиозной и антиисламской, а мероприятия режима – как враждебные действия вероотступников в отношении мусульман. Основываясь на фетве (законоведческом заключении), с которой еще в XIV в. выступил известный суннитский законовед Ибн-Таймийя (1263–1328), алавиты провозглашаются «неверными», «еретиками», «вероотступниками», которых дозволяется убивать[8]. Близкий к сирийским «братьям-мусульманам» великий муфтий Иерусалима шейх Саад-ад-Дин аль-Алями пошел еще дальше и заявил в своей фетве, что обязанностью каждого верующего является – ни мало ни много! – «убить сирийского президента»[9].

Таким образом, постоянно усиливался конфессиональный (религиозно-общинный) аспект в идеологии ассоциации «Братьев-мусульман» в Сирии, сложилась их готовность стать зачинщиками и орудием разжигания межобщинной розни в стране.

Волнения на религиозной почве регулярно вспыхивали и в последующий период. Осуществлялись также террористические акты, жертвами которых становились функционеры партии Баас, коммунисты, представители профсоюзов, религиозные деятели, поддерживавшие режим, но чаще случайные люди в учреждениях, кафе, магазинах. В апреле 1967 г. в Дамаске и больших городах произошли выступления после опубликования в журнале «Народная армия» (Джайш аш-шааб) статьи, которую традиционалисты расценили как резкую критику ислама. Руководство страны и армии постаралось замять скандал. Номер журнала был изъят и уничтожен. Содержание статьи известно исследователям только по изложению в западной прессе, например во французской газете «Монд».

После непродолжительного перерыва, в феврале 1973 г. в г. Хаме вспыхивают беспорядки в связи с принятием новой конституции страны.

Весной 1976 г. проходят манифестации, организованные «братьями-мусульманами» в знак протеста против участия сирийских войск в урегулировании ливанского кризиса.

Самым крупным террористическим актом этого периода было убийство в июне 1979 г. тридцати двух курсантов артиллерийской школы в г. Халебе, организованное членом ассоциации «Братья-мусульмане» Ибрахимом Юсуфом. Прогрессивные силы страны расценили это преступление как часть плана, направленного на снижение боеспособности Сирии – страны, противостоящей империалистическо-сионистскому диктату [10].

Год 1980-й характерен тем, что политическое руководство Сирии использовало в отношении существующих в стране НРПО, в первую очередь «братьев-мусульман», целый комплекс самых разнообразных мер. Эти меры явились ответом на постоянное напряжение, в котором «братья-мусульмане» держали крупные города страны практически начиная с лета 1979 г. Боевики организации осуществляли многочисленные террористические акты, направленные против представителей прогрессивных сил в стране, а также алавитских религиозных деятелей. По некоторым данным, за год с небольшим (конец 1979 – начало 1980 г.) в результате террористических актов погибла тысяча человек [11]. Фактически легально «братья-мусульмане» вели свою пропаганду, распространяли листовки. В феврале – марте 1980 г. в г. Халебе торговцы, симпатизирующие «братьям-мусульманам», почти постоянно бастовали. В городе устраивались демонстрации и беспорядки. Объектами разрушений и поджогов становились общественные здания, бюро партии Баас, кооперативы. Были зарегистрированы враждебные акты в отношении советских граждан, в частности был нанесен ущерб представительству Аэрофлота.

«Вооруженное революционное насилие против реакционного насилия» – такую формулировку одного из методов решения вопроса привела в своей передовой статье газета «Тишрин» [12]. По всей стране создавались группы ополчения, в которых участвовали члены партий, входивших в прогрессивный Национальный фронт, рабочие, крестьяне, представители интеллигенции. Поддержку режиму на своих экстренных съездах выражали общественные и профессиональные организации. Одновременно проводилась пропагандистская кампания, имевшая целью, с одной стороны, дискредитировать «братьев-мусульман» как врагов ислама и прислужников империализма и сионизма, а с другой – продемонстрировать верность политического руководства страны идеалам и ценностям ислама. Тон кампании задал сам Хафез аль-Асад в своем выступлении 8 марта 1980 г. в Дамасском университете, где он сказал, в частности, следующее: «Многие граждане нашей страны и особенно те, которые знают меня лично, могут подтвердить, что я верую в бога и миссию ислама... И когда ислам, вследствие действий некоторых людей (имеются в виду баасисты, стоявшие у власти в 1966–1970 гг., которые нередко демонстрировали в резкой форме свое отрицательное отношение к исламу. – А. И.), оказался в опасности, я был вместе с несколькими товарищами его самым верным защитником» [13].

Наконец, 7 июля 1980 г. Народное собрание Сирии приняло закон о смертной казни за принадлежность к организации «Братья-мусульмане». Закон предусматривал мораторий в 60 дней, в течение которого члены организации могли сдать власть без риска быть казненными, что и сделало примерно 800 человек.

Такое массированное наступление на НРПО в Сирии не могло не повлиять на политику этих организаций, на их судьбы в целом. Так и произошло, когда в конце 1980 г. на конгрессе в ФРГ в руководстве «братьев-мусульман» произошел раскол. Меньшая часть, возглавляемая «историческим» лидером сирийского «братства» Исамом аль-Аттаром, выступила за продолжение борьбы «законными методами», имея в виду методы политические. Большая часть руководства, представлявшая так называемых «внутренних» «братьев-мусульман» (т.е. действующих непосредственно внутри страны в отличие от «внешних», обосновавшихся в некоторых арабских, а также западноевропейских странах), заявила о готовности продолжать борьбу с использованием террористических и других экстремистских форм. Исследователи утверждают даже, что Исам аль-Аттар был отстранен от руководства сирийскими «братьями-мусульманами» и заменен триумvirатом сторонников насильственных методов борьбы – Али аль-Баянуни, Саидом Хава, Аднаном Саад-ад-Дином [14]. Именно «внутренние» «братья-мусульмане» и стали исполнителями новой серии террористических актов 1981 г.

В том же 1981 г. произошел еще один раскол, на этот раз уже среди «внутренних» «братьев-мусульман». Аднан Окля (1950 г. рожд.) создает в декабре 1981 г. экстремистскую военизированную группировку Боевой авангард (Ат-талиа аль-мукатия), которая ставит перед собой задачу немедленного установления в стране халифата. Организацию отличают политический экстремизм и отказ от какого бы то ни было сотрудничества с политическими партиями. Этот очередной раскол внутри исламского движения в Сирии явился следствием борьбы за господство в его руководстве. Дело в том, что в январе 1981 г. был образован Исламский фронт (Аль-Джабха аль-ислямийя), главой которого стал аль-Баянуни. Фронт был образован «братьями-мусульманами», Партией исламского освобождения и рядом независимых религиозных деятелей. Исламский фронт и руководимые Саидом Хава и Аднаном Саад-ад-Дином «братья-мусульмане», а также ряд оппозиционных партий в марте 1982 г. объявили о создании Национального альянса за освобождение.

Представленные в Национальном альянсе дважды, «братья-мусульмане» в качестве цели исламского движения в Сирии провозглашают создание исламского государства. Один из нынешних руководителей «братства», Сайд Хава, заявляет, что при создании такого рода государства «будут приняты во внимание религиозные, этнические, исторические и социальные характеристики Сирии»; «исламское правительство», уверяет он, создаст условия для нормальной жизни всех религиозных общин – суннитов, христиан, исмаилитов, друзов, алавитов. Другой руководитель – Аднан Саад-ад-Дин, ведя речь о будущем исламском государстве, заявляет, что в нем будет раз-

решена деятельность политических партий, но при условии, что их идеология не будет расходиться с религией. Руководство сирийского «братства» спешит заявить, что исламское государство, каким оно им видится, призвано стать «защитным барьером против коммунистической опасности»[15].

Переход большей части руководства «внутренних» «братьев-мусульман» на умеренные позиции обусловлен несколькими причинами. Не последнюю роль сыграло то, что в феврале 1982 г. в г. Хаме сирийский режим дал решительный бой религиозным экстремистам.

Многие документы, относящиеся к этому времени, например интервью сирийского президента[16], специальное заявление ЦК Сирийской коммунистической партии[17], заявление регионального руководства партии Баас[18], позволяют восстановить ход событий в февральские дни 1982 г. В ночь со 2 на 3 февраля, примерно в 3 часа, жители г. Хамы были разбужены громкоговорителями, установленными на минаретах мечетей. Люди с удивлением и растерянностью слушали заявление о том, что якобы во всей Сирии началось восстание против режима. Им предлагалось включиться в борьбу. Для этого нужно было отправиться в ближайшую мечеть – для получения оружия.

За два часа до этого мусульманские боевики, общим числом около 500, вооруженные автоматами, минометами и гранатометами, рассредоточились по городу, заняв исходные позиции. По сигналу они начали штурм общественных зданий, помещений партии Баас и компартии. Многие баасисты и коммунисты были хладнокровно убиты «братьями-мусульманами», имевшими на руках заранее заготовленные «черные списки». По некоторым сведениям, около 250 человек было ими казнено за четыре дня, в течение которых боевики действовали в городе. Население не пошло за провокаторами. «Государству, – отмечал сирийский президент, – не оставалось ничего другого, как избавить город от этих террористов»[19].

В связи с событиями в г. Хаме обращают на себя внимание несколько моментов. Примерно за две недели до них была ликвидирована попытка антиправительственного мятежа в армии, и нельзя исключать, что она была частью широко задуманного плана, в котором «братьям-мусульманам» отводилась своя роль.

«По меньшей мере удивительным» назвал обозреватель парижского журнала «Африк-Ази» тот факт, что о событиях в г. Хаме первыми и в одно и то же время заявили государственный департамент США и руководители «братьев-мусульман», находившиеся в Бонне[20]. «Действуя подобным образом, – продолжает журналист, – американские власти если даже и не подчеркнули свою прямую ответственность за события в Хаме, та продемонстрировали особый интерес к ним»[21].

Наконец, политические наблюдатели в разных странах отметили связь во времени между объявлением Израиля в декабре 1981 г. об аннексии оккупированных Голанских высот и событиями начала февраля 1982 г. в Сирии. Оказалось, намеренно делалось все для того, чтобы ослабить противостояние Сирии агрессивной политике США и Израиля. Попытка дестабилизации,

осуществленная «пятой колонной», выступившей под исламским знаменем, однако, не увенчалась успехом.

Политика, проводимая сирийским руководством по отношению к исламским НРПО (принятие суровых законов, касающихся боевиков этих организаций, с одновременными мораториями на их исполнение, объявление амнистий в отношении фундаменталистов, готовых сложить оружие и не возобновлять свою деятельность, создание массового ополчения из представителей прогрессивных партий, введение чрезвычайных мер по поддержанию общественного порядка и защите безопасности граждан, пропагандистские и разъяснительные акции и т.п.) дала результаты. В частности, по сведениям информированного исламского журнала «Аш-Шираа», группировка Боевой авангард, возглавляемая Аднаном Оклей, отказалась от ведения боевых операций, осудила свою прошлую деятельность и объявила «бессрочное перемирие» с правящим режимом. Руководители группировки обосновались в Дамаске. Что же касается так называемых внутренних «братьев-мусульман», то у их нынешнего руководителя Аднана Саад-ад-Дина появился конкурент – Абд-аль-Фаттах Абу-Ода[22]. Исламскому движению наверняка суждены новые расколы...

[1] Ризк Джабир. *Братья-мусульмане и заговор против Сирии*. Каир, [б.г.]. С. 115 (на араб. яз.).

[2] Багдаш Халед. *Об исторических и актуальных проблемах*. Никосия, 1983. С. 35 (на араб. яз.).

[3] *Религиозный вопрос и конфессии (издание партии Демократический Баас, бывшее Движение 23 февраля)*. [Б.м., б.г.] С. 33 (на араб. яз.).

[4] *Новейшая история арабских стран (1917–1966)*. М., 1968. С. 86.

[5] Алавиты, или нусайриты, – крайняя шиитская секта, в учении и культе которой сочетаются элементы шиизма (например, обожествление имама Али) и христианства (например, культ Христа). Кроме того, вероучение секты расходится с исламом суннитского толка в вопросе о переселении душ и т.п. В настоящее время составляют около 11% населения Сирии, примерно 3 тыс. алавитов проживает также в Ливане, в районе г. Триполи (Шпажников Г. А. *Религии стран Западной Азии*. С. 23, 168, 178.)

[6] См., например: Ризк Джабир. *Братья-мусульмане и заговор против Сирии*. С. 10 (на араб. яз.).

[7] Там же. С. 25.

[8] Там же. С. 87–88.

[9] См.: *Monde diplomatique*. P., 1983. № 353.

[10] См.: *О преступлении «братьев-мусульман» в Халебе и позиции Сирийской коммунистической партии*. Дамаск, 1979 (на араб. яз.).

[11] Rochot P. *La Grande Fièvre du monde musulman*. С. 149–150.

[12] Тишрин. Дамаск. 08.03.1980.

[13] Тишрин. 09.03.1960.

[14] Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans (1928–1982)*. P., 1983. С. 158.

[15] *Monde diplomatique*. 1983. № 348.

[16] *Monde*. 02.08.1984.

[17] *О заговоре американского империализма и «братьев-мусульман»*. (Решение ЦК Сирийской коммунистической партии.) // *Нидааль аш-Шааб*. 1982. № 294 (на араб. яз.).

[18] Аль-Баас. Дамаск. 22.02.1982.

[19] *Monde*. 02.08.1984.

[20] *Afrique – Asie. P., 1982. № 260. С. 30.*

[21] *Там же.*

[22] *Аш-Шураа. 1966. № 238. С. 10.*

С.34-39. Тень исламской республики

В настоящее время Партия призыва (Хизб ад-дава) сочиняет свою историю, рассказывая ее всем, кто хочет слушать. По этим рассказам получается, что еще в 1957–1958 гг. это была хорошо организованная подпольная партия, располагавшая ясной политической программой. Однако анализ религиозно-политического движения в Ираке позволяет сделать вывод о том, что первоначально, после антимонархической июльской революции 1958 г., речь могла идти не столько о партии, сколько об объединении шиитских улемов, которые попытались сыграть определенную роль в условиях республиканского правления. Их возглавлял Мухсин ат-Табатабаи аль-Хаким^[1]. В этот период шиитские улемы и их предводитель прославились тем, что последний издал фетву, разрешающую убийство коммунистов как «атеистов и неверных». Фетва сыграла свою, пускай не главную, роль в кровавой расправе с коммунистами во время переворота 1963 г.

Вплоть до 1968 г. Партия призыва была орудием антикоммунизма в руках режима, установившегося в Ираке. Ее зависимый, несамостоятельный характер проявлялся, в частности, и в том, что она не имела устоявшегося названия, не говоря уж о программе, если не считать программой задачу ведения исламской пропаганды, чем шиитские улемы занимались всегда. Партия называлась в среде верующих «Фатимитской партией», по имени Фатимы, дочери пророка Мухаммада, жены Али и матери Хасана и Хусейна – первых трех имамов, признаваемых шиитами законными правителями мусульманской общины после смерти пророка. Опорными пунктами пропаганды были ее филиалы, так называемые «библиотеки аятоллы аль-Хакима», расположенные в местах расселения шиитов. Пропагандист назывался «призывающий» (дай), отсюда и слово «призыв» в названии партии, причем само слово «партия» (хизб) означает также и «группа», «объединение».

После того как в 1968 г. в результате переворота к власти в Ираке вновь пришла партия Баас, положение Партии призыва ухудшилось, так как баасисты стремились к проведению секулярной политики, вытеснению религии из социально-политической сферы. С этой целью предпринимались различные акции, вплоть до казни в 1974 г. пяти членов Партии призыва по обвинению в антиправительственной деятельности. Вместе с тем, не чинились препятствия тем духовным лицам, иракцам и иранцам, которые выступали против соседнего шахского Ирана, с которым Ирак был в конфликте (речь шла о застарелых территориальных спорах). Так, аятолла Хомейни, будущий лидер революции в Иране, находился в 1963 г. в Неджефе, одном из шиит-

ских центров на территории Ирака, откуда вел антишахскую деятельность, направляя в страну послания, тексты листовок и т.п.

1975 год, когда было заключено так называемое «алжирское соглашение» между Ираком и Ираном, можно считать в определенном смысле переломным для судеб Партии призыва. В соответствии с одним из пунктов этого соглашения имам Хомейни был выслан в том же году из Ирака, который обязался не использовать других шиитских религиозных деятелей и иранских шиитских паломников для ведения подрывной деятельности против Ирана.

Четкое и законченное выражение тенденция исключения религии из практическо-политической деятельности государства получила в выступлениях президента Иракской Республики Саддама Хусейна, датируемых концом 70-х годов. Его позицию по данному вопросу можно обобщить следующим образом. Во-первых, заявляется светский характер государственной идеологии. «Баасистская идеология, – говорит Саддам Хусейн, – является не новой религиозной идеологией, а новой светской идеологией»[2]. Во-вторых, подчеркивается уважительное отношение к различным религиям в Ираке. «Мы должны уважать нашу правоверную исламскую религию, а также уважать тех сынов нашего народа, которые исповедуют другую религию»[3]. В-третьих, гарантируется свобода вероисповедания («Пусть все отправляют свои обычные религиозные обряды как хотят, и мы не будем вмешиваться в их дела»[4]). В-четвертых, особо обосновывается отказ государства от вмешательства в чисто религиозные проблемы. «Мы не популяризируем через государство специфические черты того или иного исламского направления», так как это могло бы привести к «явной религиозной дискриминации»[5], «разорвало бы наш народ на части»[6]. Наконец, в-пятых, выдвигается требование невмешательства в дела государства со стороны религиозных деятелей. «Наше основное условие в этой области, – предупреждал иракский президент, – пусть они в своей деятельности будут далеки от противоречия или столкновения с нашей политикой изменения и строительства общества в соответствии с выбором Партии арабского социалистического возрождения»[7].

Революция 1979 г. в Иране привела к еще большему ужесточению политики государства в отношении шиитского духовенства вообще и Партии призыва в особенности.

Летом 1979 г. руководитель информационного ведомства Ирака подчеркивал: «У нас религия ограничена домом или мечетью. Мулла не имеет права говорить с кафедры о политике. Если он это сделает, он будет арестован и судим»[8]. В июне 1979 г. аятолла Мухаммад Бакер ас-Садр, духовный глава иракских шиитов, был помещен под домашний арест, а затем казнен[9]. 31 марта 1980 г. был принят закон о смертной казни за принадлежность к Партии призыва. Весной 1980 г. часть шиитского населения Неджефа и Кербелы, а также пограничных с Ираном населенных пунктов (всего около 30 тыс. человек, по некоторым данным, 150 тыс.[10]) была выслана из Ирака в направлении Ирана.

В сентябре 1980 г. началась ирано-иракская война. Война против страны, провозгласившей себя исламской республикой, привела, кроме всего прочего, к трансформации отношения баасистского руководства к религии.

Правящий в Ираке режим стал в значительно большей степени апеллировать к своей связи с шиизмом. Стало подчеркиваться, что страна является центром мирового шиизма. Ведь на ее территории похоронены, в частности, имам Али и его сын Хусейн. Шиитские центры теологии и образования всегда находились в Ираке (Неджеф, Кербела и др.). 8 августа 1979 г. Саддам Хусейн заявил в одной из речей: «Мы (иракцы. – А.И.) являемся потомками имама Али»[\[11\]](#). К этому времени стало известно, что генеалогия самого президента Ирака восходит именно к имаму Али Ибн Аби-Талибу, и умалчивал он об этом исключительно из скромности[\[12\]](#). Несколько сотен миллионов динаров было израсходовано на реконструкцию святых мест в Неджефе и Кербеле, которые, кстати сказать, президент республики стал часто посещать для участия в религиозных церемониях[\[13\]](#).

Война все в больших масштабах сопровождалась взаимными религиозно-пропагандистскими нападками. Несколько примеров. Иран обвиняет иракский режим в «безбожии». Другая сторона не остается в долгу. Иракское министерство вакфов и религиозных дел публикует фетву, в которой улемы, кстати сказать, пожелавшие остаться неизвестными, налагают на аятоллу Хомейни проклятие и объявляют его «вероотступником» (кяфир) и «еретиком» (зиндик)[\[14\]](#). Основанием для обвинения аятоллы Хомейни в вероотступничестве послужило его заявление, что настоящую справедливость в этом мире установит только махди – шиитский мессия. (Напомним, что это одно из основных положений шиитского вероучения.)

Религиозная оппозиция иракскому режиму распустила в шиитской среде слух, что прах имама Али якобы перенесся из Неджефа в Кум, центр иранского шиизма, где находится «штаб-квартира» Хомейни. Сила этого пропагандистского хода состоит в том, что иракские власти не могут опровергнуть данное утверждение, скажем, продемонстрировав прах имама Али, находящейся в закрытой раке, огороженной литой серебряной решеткой. Открыть раку значило бы осквернить прах убитого имама Али, похороненного без бальзамирования более тысячи трехсот лет тому назад.

Ирак стремится ограничить внешнеполитическое влияние Исламской республики Иран и привлечь на свою сторону симпатии арабских режимов, отношения с которыми у него не во всех случаях достаточно хорошие. Так, на исламской встрече в верхах в Таифе (Саудовская Аравия, январь 1980 г.) президент Ирака Саддам Хусейн обратил особое внимание участников встречи на опасность «экспорта революции (иранской. – А.И.) в соседние страны»[\[15\]](#) и довольно ясно указал на существование расхождений между шиизмом имамитского толка, который исповедует исламское руководство в Иране, и остальными направлениями ислама[\[16\]](#).

Братоубийственная иракско-иранская война заставила шиитские НРПО Ирака окончательно определиться в своих политических симпатиях. Они решительно выбрали сторону Ирана, точнее, иранского режима. На сво-

ем съезде весной 1982 г. Партия призыва заявила, что она «приносит клятву верности имаму Хомейни» и следующим образом определила свое отношение к Исламской республике Иран: «Мы не союзники этого государства, а его неотъемлемая часть в любых обстоятельствах... Наша обязанность – принять и претворять в жизнь любую программу, предлагаемую исламским государством Ирана»[17].

17 ноября 1982 г. в Тегеране было объявлено о создании Высшего совета исламской революции в Ираке, в который кроме Партии призыва вошли несколько других шиитских НРПО. Среди них – Организация исламского действия (Муназзама аль-амаль аль-ислями)[18]. Считается, что она была создана в Кербеле в 1979 г. (по другим данным, в 1975 г.) и имела своим руководителем, а скорее вдохновителем, уроженца и жителя этого иракского города Мухаммада Ширази. С 1981 г. движением руководит племянник аятоллы Ширази по материнской линии Мухаммад Таки аль-Мударриси.

Организация с самого начала своего существования не признавала авторитет Мухаммада Бакера ас-Садра и соответственно была независимой от Партии призыва. Она расходилась с упомянутой партией и по вопросу о методах и формах борьбы. Организация исламского действия выступала за вооруженную борьбу, хотя реально такая борьба в форме террористических актов внутри страны и за границей (Италия, Югославия, Греция, Франция в 1980–1982 гг.) началась только после получения помощи от нового иранского режима.

Еще одна организация – Борцы за веру (Аль-Муджахидун) – была создана в 1980 г. Ею руководит Азиз Бакр аль-Хаким, младший брат Мухаммада Бакра аль-Хакима, председателя Высшего совета исламской революции в Ираке. Входят в Высший совет и такие группы, как Воинство имама (Джунд аль-имам), отколовшееся от Партии призыва, а также Партия Аллаха (Хизб Аллах)[19].

Организации, входящие в Высший совет, чрезвычайно слабы. Это можно сказать с уверенностью и о Воинстве имама, и о Борцах за веру, и о Партии Аллаха, общее количество членов которых, по некоторым сведениям[20], не превышает нескольких сотен.

Явным преувеличением являются утверждения официальных представителей Партии призыва, что достаточно разбить в Ираке «барьер страха» и сторонники партии миллионами выйдут на улицу, требуя установления исламской республики[21]. Неверными оценками влияния шиизма вообще и шиитских НРПО в Ираке можно отчасти объяснить ошибочную уверенность Высшего совета исламской революции в Ираке и его иранских покровителей в том, что сам факт проникновения иранского исламского воинства на территорию Ирака приведет к восстанию народа и установлению исламской республики. Уже сформированное из шиитских улемов Ирака временное правительство, о создании которого должны были объявить в Басре в случае занятия ее иранцами, не раз отправляли из тыловых обозов обратно в Тегеран[22].

Сами руководители проиранских иракских НРПО говорят о различиях в теории, стратегии и тактике своих организаций. Партия призывает разработать так называемую «четырёхэтапную стратегию», в соответствии с которой на первом плане задачей партии являлось укрепление «исламского сознания» в мусульманах посредством распространения книг и брошюр религиозно-пропагандистского характера, организации соответствующих лекций и конференций. Второй этап заключается в политической борьбе, конечной целью которой является установление исламского государства (это уже третий этап). На четвертом же этапе должно произойти полное освобождение исламской уммы – сообщества верующих. Организация исламского действия, не соглашаясь с Партией призывает, делает основную ставку на вооруженную борьбу, террористические акты, считая, что требуется одновременное осуществление задач всех четырех этапов стратегии, предлагаемой Партией призывает. «Еще больше за вооруженную борьбу» – только так можно обозначить отличие организации Борцы за веру от позиции Организаций, исламского действия.

Но различия между организациями и группами во многом проистекают из конкуренции между различными шиитскими улемами – выходцами из Ирака и их кланами, территориальными объединениями. А каждый шиитский улем достаточно высокого уровня (мардже, аятолла и т.п.) фактически может стать руководителем движения или партии, так как вокруг него постоянно группируется некоторое количество последователей.

[1] Здесь необходимо сделать два уточнения. Во-первых, в статье французского востоковеда Криса Кучеры (*Monde diplomatique*. 1984. № 364), одной из самых серьезных по рассматриваемому вопросу, Мухсин ат-Табатабаи аль-Хаким ошибочно называется Мухсин аль-Вахим и тем самым скрадывается родственная связь между ним и многочисленными аль-Хакимами, которые в настоящее время играют большую роль в проиранских НРПО в Ираке, например в организации Борцы за веру (Аль-Муджахидун). Во-вторых, предводителем и организатором шиитских улемов с 1958 г. объявляется Мухаммад Бакер ас-Садр. В качестве высшего шиитского авторитета в стране Мухаммад Бакер ас-Садр сменил Мухсина ат-Табатабаи аль-Хакима только в 1970 г., после смерти последнего.

[2] Хусейн Саддам. *Взгляд на религию и культурное наследие*. Багдад, 1980. С. 17 (на араб. яз.).

[3] Хусейн Саддам. *Арабское наследие и современность*. Багдад, 1980. С. 52 (на араб. яз.).

[4] Хусейн Саддам. *Взгляд на религию и культурное наследие*. С. 22 (на араб. яз.).

[5] Там же. С. 20.

[6] Хусейн Саддам. *Арабское наследие и современность*. С. 52 (на араб. яз.).

[7] Хусейн. Саддам. *Взгляд на религию и культурное наследие*. С. 24 (на араб. яз.).

[8] *Le Nouvel Observateur*. P., 16.08.1978.

[9] *Тарик аш-Шааб*. 1980. № 9.

[10] *Monde*. 06–07.02.1983.

[11] Искандар Амир. *Саддам Хусейн: борец, мыслитель, человек*. Париж, 1980. С. 18 (на араб. яз.).

[12] Там же. С. 19–21.

[13] *Bagdad*. 1981. № 135. С. 25–26.

[14] *Фетвы и заявления религиозных деятелей Ирака, осуждающих ереси и заблуждения Хомейни*. Багдад, 1982. С. 17–20 (на араб. яз.).

[15] *Арабо-персидская борьба. Париж, 1981. С. 272 (на араб. яз.).*

[16] *Там же. С. 279–280.*

[17] *Monde diplomatique. 1984 № 362.*

[18] *В ряде публикаций с этой организацией произошла путаница, вызванная тем, что словом «амаль» передается аббревиатура названия ливанского движения – Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя (Отряды ливанского сопротивления) – так полностью называется движение АМАЛЬ; схожим по звучанию словом «амаль» передается слово «действие» в названии Организации исламского действия.*

[19] *Дополнительные сведения о разных организациях, имеющих одно название – Партия Аллаха, а также об их связях даны в [Приложении](#).*

[20] *Там же.*

[21] *Там же.*

[22] *Аль-Мустакбаль. Париж – Бейрут. 1984. № 381. С. 21.*

С.40-48. Религиозная война накануне XXI века?

В Ливане в 1965 г. был проведен христианско-исламский семинар[1], материалы которого составили большую книгу[2]. В ходе этого семинара мусульманские религиозные деятели подчеркивали «постоянное сближение христианства и ислама», а христиане, в свою очередь, заявляли, что Ливан является «детисцем мирного сосуществования ислама и христианства»[3].

И вдруг ливанский кризис, начавшийся в 1975 г., – кризис, который зарубежные религиозные круги и средства массовой информации нередко пытались изобразить как своего рода религиозную войну между мусульманами и христианами.

Сразу нужно сказать, что трагические события в Ливане вовсе не религиозная война. Они являются результатом обострения социально-экономических проблем на фоне подрывной деятельности империализма и реакции в этой стране, прямым следствием неурегулированности ближневосточного конфликта, который порожден агрессией Израиля против арабских стран. Провоцируя и углубляя кризис, империалистические и реакционные круги стремятся отвлечь арабские народы от борьбы за освобождение оккупированных территорий, обеспечение справедливых прав народа Палестины, разобщить и ослабить силы свободы и прогресса в арабском мире. Американский империализм жаждет расширить свое присутствие в ближневосточном регионе. Газета «Правда» отмечала в этой связи: «Фактически в Ливане переплелось в единый клубок сразу несколько конфликтов. Здесь вылились наружу социально-политические и религиозные противоречия, происходит противоборство реакционных и национально-патриотических сил, действующих совместно с палестинским движением сопротивления. Вспышка этих противоречий, принявших характер затяжного вооруженного конфликта, спровоцирована внешними империалистическими кругами и их союзниками... Развитие кризиса также идет при открытом вмешательстве империалистической агентуры, некоторых западных государств и Израиля»[4].

В 1984 г., к началу десятого года ливанской войны, арабский еженедельник «Аль-Мустакбаль» опубликовал страшные данные за девять лет. В 1975–1984 гг. было убито 168 тыс. человек и ранено 760 тыс. Убытки вследствие разрушений составили 80 млрд лив. ф.; было уничтожено 750 заводов и мастерских, 13 тыс. торговых предприятий, 123 гостиницы, 87 тыс. домов; полному уничтожению подверглись 100 деревень и 3 города (Дамур, Алей, Бхамдун). 135 тыс. человек, занятых в общественном производстве (при общем числе 650 тыс.) эмигрировали из страны (всего страну покинуло 0,5 млн человек). Доля безработных составила 35% самодеятельного населения[5]. За этот период в жилых кварталах разных городов Ливана было осуществлено 5730 взрывов заминированных автомобилей, мин и т.п., в результате чего погибли 1620 человек и были ранены 7020 человек. Было совершено 11360 ограблений, похищен 16471 автомобиль. В настоящее время в стране находится 3 млн единиц легкого стрелкового оружия, 300 тыс. единиц среднего, 2 тыс. танков и бронетранспортеров, 700 тяжелых орудий и ракетных установок; суммарная стоимость оружия и боеприпасов оценивается в 164 млрд лив. ф. Все это оружие распределено между 124 партиями, вооруженными формированиями, организациями, среди которых исламские НРПО составляют большую долю[6].

История еще не закончившейся войны в Ливане не написана. На этих страницах мы ограничимся попыткой рассмотреть социально-политические и религиозные противоречия, которые были использованы силами империализма, сионизма и реакции.

В силу ряда исторических обстоятельств[7] религиозно-общинное деление населения Ливана (примерно 3,5 млн в 1984 г.), получившее название «конфессионализм»[8], наложило глубочайший отпечаток на политическую систему в стране. По неписаному «джентльменскому соглашению» (так называемый Национальный пакт) основные посты в центральном государственном аппарате распределяются следующим образом. Президентом республики может быть только христианин-маронит, премьер-министром – мусульманин-суннит, председателем палаты депутатов (парламента) – мусульманин-шиит, заместителем председателя парламента – представитель православной общины. Министерские портфели распределяются также по установленной системе между представителями различных религиозных общин.

В парламенте соотношение мест, отведенных христианам и мусульманам, определяется как 6:5. 99 парламентских мандатов распределены по 26 избирательным округам. От каждого округа предусмотрено определенное количественное представительство различных религиозных общин в парламенте. Например, в одном из округов, седьмом, баллотируется 8 кандидатов определенной религиозной принадлежности: 2 суннита, 3 маронита, 1 грекокатолик, 2 друза. (В другом округе соотношение представителей религиозных общин в списке может быть иным, но оно всегда фиксировано и, по замыслу, отражает соотношение численности членов разных общин.) На парламентских выборах избиратель должен отдать свой голос за все места в парламенте, предоставляемые данному округу. Иными словами, он голосует за

список, не имея возможности суждения об отдельных кандидатах. Выдвижение кандидата иной религиозно-общинной принадлежности чем те, которые закреплены за данным округом, (скажем, шиита в седьмом, взятом в качестве примера, округе) не разрешается. Не разрешается и выдвижение кандидата на нерелигиозной основе.

В стране существует система религиозных судов. Духовенство различных вероисповеданий имеет право издавать обязательные правовые нормы по вопросам брака, семьи и опеки. В Ливане невозможно заключить гражданский (нерелигиозный) брак, мусульманке выйти замуж за христианина. Правда, те, у кого есть такая возможность, могут заключить гражданский брак за рубежом и он признается действительным. Религиозные общины имеют собственные школы, а некоторых из них – даже высшие учебные заведения.

Ливанская коммунистическая партия указывает, что «в этой (конфессиональной. – А.И.) системе место каждого гражданина, его роль в обществе, перспектива его развития – все это определено с самого рождения его религиозно-общинной принадлежностью в соответствии с иерархией общин. Пост президента республики, председателя парламента, главы правительства, командующего армией, командующих родами войск и даже офицеров и солдат, основные позиции в судопроизводстве и администрации, количественные пропорции служащих на различных уровнях – все это определяется религиозно-общинными делениями»[9].

Эта система, при ее некоторой видимой «демократичности» в отдельных аспектах (например, пропорциональное представительство религиозных общин в парламенте)[10], давала односторонние преимущества маронитской буржуазии, освящала маронитское господство над решающими центрами в различных государственных органах. Для ливанской политической системы характерно преобладание исполнительной власти, концентрирующейся в руках президента, который является «не только главой государства, но и фактическим руководителем правительства»[11]. Президентом же в Ливане, как отмечалось, является представитель маронитской буржуазии.

Указанные черты внутривнутриполитической ситуации в Ливане (религиозно-общинная система) оказывали воздействие на классовую структуру, обостряли и без того острые классовые различия и антагонизмы.

Государство всячески поощряло (предоставляло льготы при получении кредитов, подрядов и т.п.) христианскую буржуазию. В Отчетном докладе ЦК ЛКП IV съезду (июль 1979 г.) приводились следующие статистические данные. В 1973 г. среди владельцев 876 промышленных предприятий 71% составляли христиане, а 29% – мусульмане. Процент христиан среди владельцев промышленных предприятий возрастал пропорционально размерам этих предприятий. Так, христиане составляли 68% владельцев предприятий с числом рабочих от 10 до 24 человек, 76% владельцев предприятий с числом рабочих от 25 до 49 человек, 81% владельцев предприятий с числом рабочих более 50. Христиане владели 80% промышленных акционерных компаний. Та же самая картина наблюдалась в торговле. Среди владельцев 359 пред-

приятый оптовой торговли с количеством рабочих больше 10 христиане владели 66% предприятий, а мусульмане – 34%. Процент христиан среди владельцев торговых предприятий возрастал до 72 и 75 при увеличении размеров предприятия (соответственно до 25–50 и более 50 рабочих). Большая часть капитала в 72% акционерных торговых компаний принадлежала христианам. Христиане составляли подавляющее большинство среди владельцев предприятий в наиболее прибыльных отраслях торговли.

Одновременно происходил процесс слияния торгового и банковского капитала, а в экономике господствовала финансовая олигархия, представленная христианами (маронитами).

Однако здесь важен и такой момент, как рост мусульманской (преимущественно суннитской) буржуазии. Так, в 1957–1958 гг. процент мусульман среди владельцев капиталистических предприятий был ниже и составлял всего около 15. К 70-м годам эта цифра выросла до 25%. Укреплявшаяся мусульманская буржуазия требовала пересмотра Национального пакта в свою пользу, мотивируя это тем, что последняя официальная перепись в Ливане была произведена в 1932 г., а с тех пор процентное соотношение между мусульманами и христианами изменилось в пользу мусульман.

При этом мусульманская буржуазия стремилась использовать в своих целях недовольство трудящихся-мусульман сложившимися в стране порядками. Дело в том, что наиболее бедные и отсталые, наименее развитые в экономическом отношении районы страны – это те, где подавляющее большинство составляют мусульмане, в частности шииты (Южный Ливан, западная часть долины Бекаа, долина Аккар). А наиболее богатые бейрутские кварталы – те, где большинство составляют христиане. Неравенство между беднейшими мусульманами и богачами христианами постоянно воспроизводилось дискриминацией при приеме на работу и ее оплате, системой образования, дававшей преимущества в выборе карьеры христианам, и т.п.

Обезземеливание крестьянства (особенно на юге Ливана) приводило к миграции в города (в первую очередь преимущественно в Бейрут), вследствие чего ряды городского «полупролетариата», а точнее, пауперов, пополнялись за счет южноливанских шиитов. Постоянная угроза Южному Ливану со стороны израильских войск, образование в этом районе марионеточного израильского «государства» майора Хаддада, непрекращавшиеся рейды израильских войск – все это также способствовало росту количества южноливанских беженцев. Они селились на окраинах Бейрута, образуя «пояс нищеты» вокруг столицы.

Примечательно при этом то, что «пояс нищеты» смыкался с лагерями палестинских беженцев. Границы между бидонвиями шиитской бедноты и лагерями палестинских беженцев стирались. Например, в лагере Телль-Заатар[12], население которого составляло в 1972 г. 14101 человек, примерно 23% жителей были ливанцы, подавляющая часть которых прибыла с Юга Ливана[13]. В других палестинских лагерях ливанцы, прибывавшие также и из Горного Ливана в поисках работы, составляли в среднем 15%. Такой высокий процент миграции из Южного Ливана в лагерь Телль-Заатар был вы-

зван общностью религиозной принадлежности выходцев из преимущественно шиитских южноливанских деревень и палестинцев, живших в лагере. Дело в том, что последние в своем подавляющем большинстве также шииты, изгнанные из оккупированной Израилем Верхней Галилеи. Борьба ливанской шиитской бедноты за свои права сливалась, таким образом, с классовой борьбой палестинских трудящихся, лишенных в Ливане элементарных прав[14].

Но, пожалуй, самое главное то, что социально-экономическое развитие страны и миграционные процессы приводили к исчезновению «конфессиональной чистоты» некоторых районов (например, побережья), куда прибывали в поисках работы выходцы из мусульманских районов. Это приводило к нарушению патерналистских отношений между рабочими и предпринимателями одной конфессии (религиозной общины), к совместным выступлениям рабочих различных вероисповеданий. Нарастала классовая борьба пролетариата в городах. Если в 1945–1969 гг. была зарегистрирована всего одна всеобщая забастовка (в 1946 г.), то за пять лет (1970–1975) произошли три такие забастовки. Эксплуататорские группы, принадлежащие к разным конфессиям, почувствовали угрозу своим классовым интересам.

Во второй половине 60-х годов ливанская буржуазия пыталась пригасить разрастающуюся классовую борьбу, прибегая к проповеди «конфессионального равновесия», «христианско-исламского диалога», «сближения» между христианством и исламом. Эту цель преследовал и упоминавшийся выше семинар 1965 г.

Однако рост рабочего класса в численном и политическом отношении, укрепление его единства, обострение классовой борьбы – все это показало неэффективность указанных политико-идеологических приемов. Реакция избрала другой метод – обострение и доведение до взрыва существовавших религиозно-общинных противоречий, с тем чтобы разобщить рабочий класс, всех трудящихся страны.

С этой целью в полной мере были использованы существовавшие НРПО – как христианские, так и мусульманские, образовались новые. Ведущую роль играла здесь полуфашистская партия Ливанские фаланги (Аль-Катаиб аль-любнанийя, основана в 1934 г. Пьером Жмайелем в качестве воензированной молодежной организации маронитской общины; как политическая партия действует с 1943 г.). В основе всей фалангистской пропаганды лежит тезис об исконной враждебности мусульман по отношению к христианам, предпринимаются попытки обосновать «теократический характер» всех арабских государств (кроме Ливана). Арабские государства провозглашаются «исламской империей», которая стремится к «исламизации» всего Ливана и ливанцев[15]. Конечная социально-политическая цель фалангистов заключалась в стремлении сохранить привилегии крупной маронитской буржуазии.

Кроме маронитских «фаланг» Пьера Жмайеля в стране активизируется Национальная либеральная партия Камиля Шамуна, а также региональные объединения, претендующие на то, чтобы выступить от имени христиан, –

Армия освобождения Згорты (Згортанская освободительная армия), Объединение Захле и др.

После расхождений, имевших место в руководстве «фаланг» в мае 1973 г., от этой организации откололась группировка, объявившая о создании Фронта хранителей кедров (Джабха хуррас аль-арза). Собравшись в тренировочном лагере в Кесраване, где их обучали американские морские пехотинцы, несколько сот врачей, адвокатов, журналистов, предпринимателей заявили, что их цель – «защита Ливана». «Защищать» Ливан «хранители кедров» предполагали, как это следовало из их лозунгов, от мусульман, палестинцев и коммунистов.

Что касается мусульман, то даже по оценкам наблюдателей, далеких от симпатий к прогрессивным силам, в стране активно шел процесс «полевления» этой части ливанского населения. Выходцы из мусульманской, особенно шиитской, среды становились активистами профсоюзов, левых партий и организаций. Показательно, например, то, что, по некоторым данным, доля мусульман-шиитов среди членов Ливанской коммунистической партии возросла до 25% [16].

Как традиционалистские слои, так и поднимающаяся буржуазия в мусульманской общине Ливана приступили к созданию собственных религиозно-политических организаций. В настоящее время, когда под влиянием и даже прямым контролем Ирана находятся многие шиитские группировки Ливана, уже забывается или остается и вовсе не известным тот факт, что корни этих многочисленных объединений (Партия Аллаха, Партия призыва, Исламский АМАЛЬ и др.) уходят не в Иран, а в Ирак.

Довольно продолжительное время (50–70-е годы) центром политической деятельности шиитов в Ливане и за его пределами был иракский город Неджеф, в котором располагались учебные заведения – центры подготовки духовенства не только для Ирака, но и для Ирана, Ливана, других стран, где проживают шииты. Первоначально единственным политическим объединением, в которое входили шиитские религиозные деятели Ливана, была Партия призыва. С конца 60-х годов ею руководил видный иракский шиитский деятель Мухаммад Бакер ас-Садр. Летом 1969 г. на встрече, состоявшейся в его доме, было образовано своего рода ливанское крыло этой партии. В него вошли обучавшиеся в Неджефе или проходившие там стажировку Субхи ат-Туфейли, Хасан Курани, Хасан Маляк, Мухаммад Хусейн Фадлялла, Мухаммад Махди Шамсуддин, а также Муса ас-Садр, двоюродный брат Мухаммада Бакера ас-Садра [17].

Все перечисленные деятели сыграли в дальнейшем большую роль в политической жизни Ливана. Субхи ат-Туфейли и Мухаммад Хусейн Фадлялла стали духовными отцами Партии Аллаха, Хасан Курани превратился в активного деятеля Организации исламского действия, Мухаммад Махди Шамсуддин до настоящего времени занимает пост заместителя председателя, а фактически руководителя Высшего шиитского совета Ливана. Что же касается Мусы ас-Садра, то он прибыл в Ливан в 1960 г. и, приняв ливанское гражданство, сменил на посту главу мусульман-шиитов Тира Абдельхусейна

Шарафеддина, а в 1969 г. был избран председателем Высшего шиитского совета Ливана. (Юридически он остается его главой до настоящего времени, так как после его таинственного исчезновения в Ливии 31 августа 1978 г. нет достоверных данных ни о его смерти, ни о том, что он жив.)

Муса ас-Садр создал в феврале 1974 г. Движение обездоленных (Харак аль-махрумун). 6 июля 1975 г. он объявил о создании вооруженного крыла, или «милиции», как принято говорить в Ливане, принадлежащей Движению обездоленных. «Милиция» получила название АМАЛЬ (АМАЛЬ – аббревиатура ее арабского названия: Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя, т.е. Отряды ливанского сопротивления). В программе движения содержался большой заряд демагогии – были призывы к борьбе против «феодалов и других эксплуататоров», против империализма и израильского экспансионизма.

С самого начала движение было внутренне неоднородно, более того – противоречиво. Ливанский наблюдатель характеризует его как не имеющее четких социальных и идеологических границ: в нем соседствуют самые разные силы, которые объединяет общая надежда – улучшить свой социальный и политический статус. Здесь и шиитское духовенство, чье влияние на государственные дела страны долго ограничивалось; в движении участвуют и представители так называемого «политического феодализма», которые все больше понимают, что их политический вес становится обратно пропорциональным возрастающему демографическому весу общины; здесь же и средние слои, состоящие в основном из интеллигентов, к которым относились как к изгоям культуры; сюда же входила и поднимающаяся буржуазия, чье место под солнцем не хотели признавать господствующие христианские слои финансовой и торговой буржуазии; ко всему этому добавлялись, наконец, и настоящие обездоленные, ставшие в основном жертвами миграции из деревни, которые остро воспринимали свое зависимое, ничтожное положение[18].

Новый этап шиитского движения в Ливане наступает после иранской революции 1978–1979 гг. Оно начинает развиваться не только, а порой не столько в зависимости от складывающихся условий в стране, но и во все более возрастающей степени под влиянием обстановки в Иране, его международной политики, борьбы в иранском руководстве и т.п. Например, есть сведения, что по требованию имама Хомейни Партия призыва в Ливане самораспустилась в 1980 г.[19] Но в последнее время появились сообщения о том, что эта организация возобновила свою деятельность в Ливане – не без поддержки группировок в руководстве Ирана, конкурирующих с Хомейни[20]. Более показательны в этом отношении судьбы движения АМАЛЬ. Имам Хомейни со времени своего прихода к власти придавал этому движению большое значение. Так, в феврале 1979 г. один из руководителей АМАЛЬ, Мустафа Шамран, после визита ливанских шиитов в Иран остается по требованию Хомейни в Тегеране для поддержания постоянного контакта по линии Иран – Ливан. Первоначально организация АМАЛЬ, руководителем которой к тому времени стал Набих Берри, поддерживает Иран. Но постепенно отношения между Ираном и руководством АМАЛЬ охлаждаются. Эта организация предпочитает быть ливанской и решать проблемы ливанских шиитов.

Набих Берри не устает повторять, что именно таков завет исчезнувшего Мусы ас-Садра[21].

1982 год стал временем раскола АМАЛЬ и появления в Ливане полностью проиранских организаций. Благоприятствующим, если можно так выразиться, условием здесь стала израильская агрессия 1982 г. В это время в Ливан в качестве добровольцев из Ирана прибывают «стражи исламской революции». Что касается АМАЛЬ, то Ибрахим аль-Амин, тогдашний представитель этой организации в Тегеране, заявил о своей несогласии с Набихом Берри. Одновременно обострились отношения между Набихом Берри и его заместителем в АМАЛЬ Хусейном Мусави. Под давлением Берри последнего исключают из организации, и он создает в Баальбеке (долина Бекаа) целиком ориентированную на хомейнистское руководство Ирана организацию – Исламский АМАЛЬ. Что касается Ибрахима аль-Амина, то он совершает регулярные поездки по маршруту Тегеран – долина Бекаа с целью создания новой организации – Партии Аллаха. В ее создании принимает большое участие Мухаммад Хусейн Фадлялла, возглавляющий две ассоциации – Братское семейство (Усра ат-таахи) и Союз исламских студентов в Ливане (подразумеваются в основном выпускники исламских учебных заведений). Партия Аллаха стала полностью проиранской организацией, финансируемой и направляемой из Тегерана. Так, ежемесячно ей выделяется только на помощь семьям и близким погибших шиитов 4,5 млн лив. ф. Партия Аллаха тесно сотрудничает со «стражами исламской революции», которые в количестве около 3 тыс. находятся в Ливане до сих пор[22].

В Триполи, на севере страны, еще в 1975 г. существовала суннитская НРПО – Исламская группа (Аль-Джамаа аль-ислямийя), связанная с «братьями-мусульманами» Сирии и Египта. Она, объединившись с другими суннитскими группировками, превратилась в дальнейшем в Движение единобожия (Харака ат-тавхид), которое стало широко известным после боев на севере Ливана в 1985 г.

Реакционные силы в Ливане сделали все возможное для того, чтобы разжечь конфликт между разными религиозными общинами в стране, превратить его в затяжную войну, используемую империализмом и сионизмом в собственных интересах. Важным участником всех событий в Ливане стали исламские НРПО.

[1] Одним из импульсов для начала диалога послужило, в частности, то, что Ватикан обнародовал в 1965 г. соборную декларацию «Ностра аэтанэ» (об отношении католической церкви к нехристианским религиям), в которой заявлялось, что «церковь с уважением смотрит также на магометан».

[2] Христианство и ислам в Ливане. Бейрут, 1965 (на араб. яз.).

[3] Там же. С. 167, 193.

[4] Правда. 08.09.1976.

[5] Корреспондент «Юманите» писал, что в связи с ростом безработицы многие трудоспособные ливанцы вынуждены либо переходить на содержание родственников, либо вступать в вооруженные формирования разных организаций, где им платят 900–1000

лив. ф. (при минимальной заработной плате в стране, равной 1450 лив. ф.) (*Humanité*. P., 21.11.1985.). В вооруженных формированиях в 1984 г. насчитывалось 59 тыс. человек.

[6] Аль-Мустакбаль. 1984. № 380. С. 60–62.

[7] Особую, большую роль в закреплении конфессионализма сыграла Франция, бывшая мандатарием Ливана до 1943 г.

[8] В настоящее время не существует официальных данных, касающихся процентного соотношения религиозных общин в стране. Оценочные данные, публикуемые время от времени, могут дать представление о степени расхождения между разными источниками. Одни приводят следующие цифры: мусульмане-шииты – 24%; мусульмане-сунниты – 21; друзы – 6; марониты (ливанские униаты) – 23; греко-православные – 12; греко-католики – 6; армяно-грегорианцы и армяно-католики – 6; протестанты, иудеи, халдеи и др. – 2% (*Rondot P. Les communautés au Liban // Proche – Orient et Tiers – Monde /Spécial «Liban»*. 1983. № 9. С. 49). Другие источники дают иную картину: шииты – около 40%; сунниты – 20; друзы – 10; христиане – 30% (*Wall Street Journal*. N.Y. 15.12.1983). Отдельные публикации поднимают долю шиитов до 43% (*Afrique – Asie*. 1984. № 316. С. 12). Сами данные становятся предметом острой политической борьбы между различными силами, некоторые из них обосновывают свои требования преобразования политической системы Ливана изменениями в процентном отношении между общинами.

[9] Четвертый национальный съезд Ливанской коммунистической партии. Отчетный доклад Центрального Комитета. Июль 1979 г. Бейрут, 1979. С. 93 (на араб. яз.).

[10] Вместе с тем исследователи отмечают, что в стране есть три непризнанные официально общины: алавиты, исмаилиты, курды-сунниты. К тому же сами основы конфессиональной системы дискриминируют большую группу населения – неверующих.

[11] Дадиани Л.Я. Государственный строй Ливана. М., 1973. С. 47.

[12] Лагерь палестинских беженцев в восточной части Бейрута. Уничтожен правохристианскими вооруженными формированиями в августе 1976 г.

[13] Мундус Хани. Труд и рабочие в палестинском лагере. Полевое исследование лагеря Тель-Заатар. Бейрут, 1974. С. 36–38 (на араб. яз.).

[14] На них, как на «иностраных рабочих», не распространялось действие законов о труде.

[15] *Lumières franches sur la Question Libanaise*. Beyrouth, 1975. С. 12.

[16] *Monde*. 12–13.02.1984.

[17] *Аш-Шираа*. 17.03.1986.

[18] *Monde diplomatique*. 1984. № 360.

[19] *Ан-Нахар аль-араби ва-д-дували*. Бейрут, 10–16.11.1986.

[20] *Ан-Нахар аль-араби ва-д-дували*. 17–23.11.1986.

[21] *Monde*. 22.03.1984.

[22] *Аш-Шираа*. 17.03.1986; 04.08.1986.

С.48-56. Невозможность секуляризации?

После достижения независимости (1956 г.) и до 1960 г. в Тунисе была проведена серия внутривластных мероприятий, которые сам их вдохновитель – президент Хабиб Бургиба назвал «детекратизацией». В этот период были осуществлены следующие меры: ликвидация хабусных (религиозно-общинных) владений (декреты от 31 мая 1956 г. и 18 июля 1957 г.), что лишило значительной части доходов исламских деятелей; коренная реформа брачно-семейного кодекса (начата изданием декрета от 13 августа 1956 г.),

который, по оценке тунисского юриста «стал далеко отходить от так называемого исламского права, а то и противоречить ему»^[1]: была запрещена полигамия (многоженство), а также односторонний, объявляемый мужчиной развод (талак), женщина стала пользоваться равным правом на развод, осуществляется охрана ее имущественных и других прав; ликвидация исламских шариатских судов (декреты от 25 сентября и 25 октября 1956 г.); реформа религиозного университета Зейтуна (декреты от 29 марта 1956 г. и 1 октября 1958 г.), в результате которой среднее религиозное образование, даваемое Зейтуной, было включено в систему общего среднего, а в дальнейшем упразднено, а сам университет был превращен в факультет Тунисского университета, произошла девалоризация зейтуновских дипломов и выпускники этого в прошлом престижного учебного заведения вынуждены были для продолжения карьеры обзаводиться светскими дипломами; упразднение коранических школ одновременно с распространением всеобщего образования; кампания против паломничества в Мекку («утечка твердой валюты»), против жертвоприношений во время религиозного праздника ид-аль-адха («расточительство»), против сверхпотребления редких продуктов, приобретаемых на валюту, в месяце рамадан^[2].

«Войной против религиозного традиционализма» восторженно назвал эти и другие мероприятия, проведенные в дальнейшем, один из тунисских министров^[3]. Но вопрос не так однозначен. «Двойственность» – так характеризует другой тунисский автор политику режима в отношении религии^[4]. Упразднив старую религиозную иерархию, он создал новую – во главе с муфтием республики, назначаемым государством и получающим зарплату как обычный служащий. Государство стало заниматься ремонтом старых и строительством новых мечетей. Проповедники в мечетях стали по пятницам произносить стандартные проповеди, подготовленные в Центральном управлении культов.

В результате реформы образования, проведенной в 1959 г., тунисские школьники на всей территории страны и во всех учебных заведениях стали «получать представление о роли и ценности своей религии (ислама. – А.И.)», им стали преподавать основы религии, имея целью «пробудить желание уважать религиозные предписания и следовать им»^[5]. Естественно, такого рода обучение проводилось под лозунгом приобщения детей и молодежи к тунисскому национальному культурному наследию.

В 60-е годы в старших классах школ изучались такие связанные с исламом социально-политические темы, как «государство в исламе», «власть с точки зрения ислама», «социальное равенство», «шура (совет) как исламский принцип», «халифат», «функции шариатского судьи», «международные отношения с точки зрения ислама» и т.п.

Параллельно в ходе уроков «гражданского воспитания» в те же годы ученикам должны были объясняться принципы планирования, социалистического управления экономикой, опыт социалистических стран в области экономических преобразований. (С начала 70-х годов в связи с изменениями в ориентации режима содержание предмета изменилось.) Тунисский исследо-

ватель отмечает в этой связи, что «ученик оказывается объектом двойственного воздействия – религиозного обучения, сильно исламизированного в своем содержании, и гражданского воспитания, которое может быть охарактеризовано как светское и во многих отношениях прогрессивное»[6]. Но эта двойственность, как отмечает тот же автор, решается чаще всего в пользу религиозности, так как оба предмета – как религиозное обучение, так и гражданское воспитание – преподаются учителем с религиозным образованием – выпускником теологического факультета Тунисского университета, а то и выпускником «старой» Зейтуны[7].

В период так называемой «народной консультации» (1970–1971) раздавались призывы восстановить религиозное образование в той форме, в какой оно давалось в Зейтуне, пересмотреть кодекс о браке и семье, с тем чтобы приблизить его к шариату, и т.п. Государство пошло на некоторые отступления от политики, проводившейся до начала 70-х годов. Так, был распространен циркуляр министерства юстиции от 5 ноября 1973 г., запрещающий брак тунисски-мусульманки с немусульманином. В этот же период были осуществлены следующие мероприятия: внесены изменения в расписание работы предприятий и учреждений с целью облегчения поста в месяце рамадан; введены ссуды для покупки жертвенного барана; согласована возможность отлучек с рабочего места для совершения дневных молитв; начато строительство за государственный счет мечетей и т.п. «Частичной секуляризацией», «половинчатой секуляризацией» назвал Первый секретарь Тунисской коммунистической партии М.Хармель политику режима в отношении религии[8].

И академические исследователи[9], и политические наблюдатели[10], и сами члены тунисских НРПО[11] констатируют, что в Тунисе НРПО возникли в начале 70-х годов. Исследователи согласны в том, что главная причина их возникновения – отход в 1969 г. руководства страны от так называемого «социалистического эксперимента Ахмада бен Салаха». В 1962–1969 гг. под руководством Ахмада бен Салаха, занимавшего ряд партийных и правительственных постов (он возглавлял шесть министерств), были осуществлены прогрессивные мероприятия, имевшие целью становление независимой экономики. Было введено планирование, начата ускоренная индустриализация, производственная кооперация в сельском хозяйстве, создавался государственный сектор в промышленности и торговле. В эти годы проводились также некоторые социальные мероприятия, направленные на повышение жизненного уровня трудящихся: было развернуто интенсивное жилищное строительство, семьям рабочих и малообеспеченным гражданам предоставлялись льготы вплоть до бесплатной передачи жилья, повышалась заработная плата, улучшилось медицинское обслуживание, малообеспеченные слои могли пользоваться бесплатной медицинской помощью[12].

После 1969 г. вследствие отхода от этой политики наблюдается обострение социальных противоречий, вызванное прокапиталистической политикой «экономической либерализации», которая выразилась в широкой репри-

ватизации экономики, всемерном поощрении частной инициативы, аферизме и спекуляциях, резком росте имущественного неравенства.

Разумеется, социальный протест выражался по-разному. В 1970 г. по стране прокатилась волна рабочих забастовок. Недовольство выходцев из мелкобуржуазных слоев и мелкой буржуазии проявлялось как в появлении левоэкстремистских группировок, так и зачатков НРПО. Стала поощряться деятельность религиозно-политических организаций, которые рассматривались как противовес левым силам. По выражению тунисского исследователя, «проявились скрывавшиеся до сих пор намерения реакции»[\[13\]](#).

Так, в 1970 г. создается Ассоциация сохранения Корана (Джамийя тахфиз аль-Куран), пользующаяся поддержкой проводников «нового курса» (правительство Хеди Нуиры). Согласно заявлениям ее учредителей, ассоциация ставила перед собой культурно-просветительские цели. Однако ее деятельность вскоре приобрела выраженный политический характер, и общественность страны стала сравнивать ее с движением «братьев-мусульман»[\[14\]](#).

Возникает и «очень простое, почти незаметное»[\[15\]](#) религиозно-политическое движение, вдохновителями которого в качестве публицистов и проповедников являлись учитель Рашид Ганнуши и адвокат Абдельфаттах Муру. В первое время деятельность этого движения ограничивалась лекциями в мечетях, культурно-просветительной деятельностью. Организационные связи возникавшего исламского движения с египетскими «братьями-мусульманами» отрицаются информированными источниками, однако их идейное родство не вызывает сомнений. В лекциях и проповедях заявлялось, что реально существующий ислам в действительности является отступлением от «истинного ислама» и потому общество вновь стало «варварским» (джахилийским), т.е. вернулось к обычаям доисламского периода. «Истинный ислам» является единственной альтернативой существующему упадку мусульманства, так как он предлагает решения основных проблем во всех областях жизни. Нарождавшееся движение сначала ставило перед собой задачу создания группы единомышленников (джамаа), подобной объединению сподвижников пророка Мухаммада, а в дальнейшем – распространения норм ее жизни на все общество.

В 1973–1974 гг. мусульманское движение сосредоточило свою деятельность в лицах, и его маленькой победой можно считать то, что в этот период по требованию его сторонников в учебных заведениях открываются мечети. Это достижение было обусловлено и тем, что государство, отступая от ранее проводившегося им курса, само создавало условия для успешной деятельности группировок, принявших общее название «Движение исламского обновления» (Харака ат-таджид аль-ислями).

На протяжении 70-х годов происходит постепенный рост влияния движения, заметный хотя бы по тому, что тираж издающегося с 1974 г. журнала «Аль-Маарифа» («Знание», директор – Абделькадер Беномар Саяяма, главный редактор – Рашид Ганнуши) возрос за семь лет (к 1980 г., времени его закрытия властями) с 3 тыс. до 25 тыс. экземпляров.

Представляют интерес заключения тунисских исследователей о причинах возникновения исламских НРПО в стране. Яз Бен-Ашур (исследовательский центр юридического факультета Тунисского университета) указывает на ряд разнопорядковых факторов: глубокие общественные изменения, отсутствие стабильности в обществе, классовое неравенство, бегство деревенских жителей в города, низкий уровень общественных служб, в частности транспорта, жилищный кризис, инфляция, безработица. Среди политических факторов он отмечает кризис режима, выразившийся в бюрократизме, коррумпированности высшего чиновничества и крупных политиков, игре в демократические институты, зависимости судебной системы, сосредоточенности политической жизни на вопросах наследования власти тогдашнего президента Х.Бургибы и должностных назначениях при одновременном игнорировании реальных социальных и политических проблем страны. В качестве даты начала кризиса Яз Бен-Ашур, подобно другим тунисским исследователям, указывает 1969 год [16].

К социально-политическим причинам, рассмотренным выше, добавляются еще два важных момента. Во-первых, указанные противоречия воспринимались в форме «нравственного кризиса», т.е. через призму религиозно окрашенного нравственного сознания. Образ жизни европеизированной буржуазии был вызовом этике вынужденной простоты, распространенной в народе. И кстати сказать, технократы, находившиеся у власти, эту этику поощряли, сознательно способствовали ее укоренению. Во-вторых, другой тунисский автор, бывший министр культуры, известный общественный деятель Хабиб Булярес, видит причину этого роста в ограничении и без того ограниченной демократии. Для ведения политической деятельности оставалось только два пути, считает он, – профсоюзы и мечеть. Общая закономерность видится ему в том, что «закрытая и репрессивная политическая система широко распахивает двери для выражения недовольства через религию» [17]. Он же приводит слова коммуниста, который говорил ему с горечью: «Если мы соберем десять человек, распространим листовку, то нам грозит продолжительное тюремное заключение. У исламистов же есть мечети – место для собраний, совместная молитва – повод для собрания, минбары (кафедры) – трибуны для обращения к толпе. И все это им не стоит и гроша, так как религиозные строения находятся на содержании государства. Как же тут не развиваться исламистскому активизму?» [18].

В ноябре 1979 г. в пригороде Туниса состоялся первый съезд движения. В дополнение к Рашиду Ганнуши и Абдельфаттаху Муру в руководство выдвинулись адвокат Хасан Годбани и журналист Хабиб Мукни. Цель съезда состояла в объединении различных отрядов мусульманского движения в стране. И действительно, первое время движение оставалось единым под руководством «эмира» – Рашида Ганнуши. В своем манифесте движение, получившее название Исламское направление (Аль-Иттиджах аль-ислями), выступает за исламизацию общества. Она должна заключаться, во-первых, в полном восстановлении правовых и нравственных норм шариата и, во-вторых, в ориентации страны на исламские установления и ценности на всех

уровнях – местном, в рамках Магриба, всего арабского региона и мира в целом[19].

Еще в период формирования Движения исламского направления от него откололось другое, получившее название Прогрессивное исламское направление (Аль-Иттиджах аль-ислями ат-такаддуми)[20]. Руководящие фигуры этого движения, например Мадаини Бенсалех, считают, что и сам раскол, и появление Прогрессивного исламского направления вызваны двумя факторами. Во-первых, события января 1978 г. в Тунисе, когда происходили массовые выступления трудящихся против режима и его социально-экономического курса, «показали нам (членам исламского движения. – А.И.), что в Тунисе идет борьба, имеющая социально-экономический характер, а именно борьба классов. Для нас эти события были неожиданностью, мы их не предвидели, и некоторые из нас, членов движения, стали понимать, что мы находимся в стороне от реальных общественных проблем и поэтому не можем предложить реальной альтернативы». Во-вторых, иранская революция на ее первом этапе продемонстрировала, что можно сочетать такие понятия, как «ислам», с одной стороны, и «антиимпериализм», «демократия», «революция» – с другой[21]. Прогрессивное исламское направление считает, что «проблема масс не в том, чтобы молиться или не молиться, а в том, чтобы молиться в условиях наличия прав и фундаментальных свобод и отсутствия эксплуатации»[22].

Исламистам в Тунисе не удалось сохранить единство. Кроме указанных НРПО возникла Исламская партия совета (Хизб аш-шура аль-ислями), которая поддерживала хомейнистский Иран. Возникла и организация, выступающая за ведение активной подпольной борьбы – Исламский авангард (Ат-Талиа аль-ислямийя). Несколько позднее всплыли факты наличия в стране ячеек Исламской партии освобождения (Хизб ат-тахрир аль-ислями).

В 1981 г. возросла нескоординированная активность групп, которые и пресса, и представители правительства именовали «хомейнистскими». Поджоги и грабеж учреждений и магазинов, демонстрации, драки в университете, захват факультета естественных наук, где был взят заложником ректор, – все это переполнило чашу терпения правительства. И хотя Движение исламского направления отрицало свою причастность к событиям и осуждало акты насилия, осуществлявшиеся участниками волнений под исламскими лозунгами, в июле правительство принимает решение арестовать более или менее видных исламистов. Было арестовано несколько сот человек, 107 из них в сентябре 1981 г. осуждены на различные сроки тюремного заключения – от четырех до одиннадцати лет. Среди осужденных на каторжные работы за «посягательство на достоинство главы государства, распространение ложных сообщений и принадлежность к непризнанной организации» – руководители Исламского направления Рашид Ганнуши и Абдельфаттах Муру. Чтобы убрать с улиц тунисских городов видимые признаки распространения влияния НРПО, в сентябре 1981 г. правительственный циркуляр запретил ношение «конфессиональной (религиозно-общинной. – А.И.) одежды» в школах и общественных заведениях.

Но осуществленные режимом репрессивно-административные меры, как и следовало ожидать, не привели к исчезновению исламского движения, о чем свидетельствуют, например, новые репрессивные акции правительства. Так, 5 января 1983 г. в разных городах были проведены аресты учителей, распространявших среди школьников листовки религиозно-политического содержания. 11 января того же года были арестованы 22 члена организации Исламская тенденция, а летом – 29 членов тунисского филиала межарабской Исламской партии освобождения, среди которых было 18 военнослужащих (2 офицера и 16 сержантов) и 11 гражданских лиц. В конце августа состоялся суд над членами Исламской партии освобождения, которые были приговорены к разным срокам тюремного заключения (от 2 до 8 лет).

28 января 1984 г. информационный комитет движения Исламское направление – руководящая группа, сформированная после заключения в тюрьму в 1981 г. руководителей этой и других исламских НРПО в Тунисе – обратилась к властям с просьбой легализовать движение. Трудно было найти более неудобный момент: недавно, буквально несколько дней тому назад прошли так называемые хлебные бунты, участие в которых, если не организацию их, официальные лица приписывали членам тунисских НРПО [23]. Многие члены этих групп были арестованы, около четырех десятков человек дали подписки о невыезде. В ответ на просьбу о легализации Исламского направления информационный комитет в полном составе (Хабиб ас-Сузи, Абдельваххаб аль-Кафи, Рашид Айяш и Мухаммад Наджиб Хусейри) был арестован полицией [24].

Однако в рамках «улучшения отношений с оппозицией» в течение того же, 1984 г. члены информационного комитета организации Исламское направление были освобождены. Кроме того, в июне президентом были помилованы 8 человек, приговоренные к смертной казни за участие в «хлебных бунтах». 1 августа 1984 г. президент по случаю своего дня рождения (Хабибу Бургибе исполнился тогда 81 год) амнистировал 17 руководителей организации Исламское направление, осужденных на различные сроки тюремного заключения. Это помилование стало выражением того соглашения, которое было достигнуто между режимом и руководством организации. Последнее взяло на себя обязательство отказаться от политического радикализма, использования насильственных методов, связей с заграницей [25].

Одновременно правящая элита стала заигрывать с НРПО. Например, в полуофициозном журнале «Аль-Фикр» (его основателем и ответственным директором являлся Мухаммад Мзали – бывший тунисский премьер-министр и тогдашний официальный преемник Хабиба Бургибы) была опубликована статья о путях преодоления «кризиса молодежи». Для его решения предлагается воссоздать коранические школы, в которых дошкольники будут изучать Коран и воспринимать исламские нормы поведения. Такое «верное традициям (асиль) исламское воспитание» приведет, по мысли автора, выступающего с таким предложением, к благотворным изменениям в экономической и общественной жизни. Исламизация детей, молодежи и всего общества призвана стать и барьером перед «красной опасностью» [26].

Но члены НРПО подобные заигрывания не приняли. Во время пресс-конференции в июне 1985 г. по случаю пятилетия Движения исламского направления (считается, что оно основано в 1981 г.), Рашид Ганнуши и Абдельфаттах Муру выдвинули режиму ряд серьезных политических претензий. Проведение референдума по семейному кодексу с целью его отмены, отказ от государственного контроля за деятельностью мечетей, возможность создавать политические партии на религиозной основе – вот только некоторые их требования[27]. На протяжении всего последующего периода не спадала напряженность в отношениях между НРПО и государством в Тунисе, проявлением которой стали, в частности, судебные процессы над исламистами в 1987 г.

Оценивая место и роль исламских НРПО в политической жизни Туниса, нужно отметить, что они, несмотря на антикапиталистическую фразеологию некоторых их руководителей, находятся в целом на правом фланге тунисских оппозиционных сил. Объективно они выступают против прогрессивных достижений собственной страны в социально-экономической и культурной областях.

[1] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé // Le Maghreb musulman en 1979. P., 1981. С. 67.*

[2] *Обязанностью мусульманина является воздержание от еды, питья, развлечений в дневное время в течение всего месяца рамадан – девятого месяца мусульманского календаря. Все это разрешается делать после захода и до восхода солнца, т.е. ночью, превращаемой в период обильных праздничных трапез в кругу родственников и друзей. Дневное воздержание в литературе не вполне точно называется постом.*

[3] Boularès Habib. *L'islam: La peur et l'esperance. P., 1983. С. 198.*

[4] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé. С. 73.*

[5] *См.: Nouvelle conception de l'enseignement, plaquette éditée par le Secrétariat d'Etat à l'éducation nationale. Tunis, 1958.*

[6] Sraïeb Noureddine. *Laïcisation et/ou religiosité dans l'enseignement secondaire tunisien // Islam et politique au Maghreb. P., 1981. С. 237.*

[7] *Там же. С 239*

[8] *Ан-Нахдж. Никосия, 1984. № 5. С. 115, 117.*

[9] Zghal A. *Le retour du sacré chez les jeunes tunisiens // Le Maghreb musulman en 1979. С. 61.*

[10] *Monde. 27.01.1982.*

[11] *См.: Lamalif. Casablanca, 1982. № 141.*

[12] *Тунис. (Справочник). М., 1978. С. 92–97.*

[13] Sraïeb Noureddine. *Laïcisation et/ou religiosité dans l'enseignement secondaire tunisien. С. 238.*

[14] *Ворончанина Н.И. Мусульманское движение в современном Тунисе: теория и практика // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985. С. 210.*

[15] *Lamalif. 1982. № 141.*

[16] *Ben Achour Y. Islam perdu, islam retrouvé. С. 72.*

[17] *Boularès Habib. L'islam: la peur et l'espérance. С. 51.*

[18] *Там же. С. 52.*

[19] *Ворончанина Н.И. Мусульманское движение в современном Тунисе: теория и практика. С. 214–215.*

[20] В материалах на французском языке называется «Исламисты-прогрессисты», а также «Группа 15/21» – по названию журнала, издающегося на арабском и французском языках, где «15» – это начавшийся XV в. хиджры, а «21» – грядущий XXI век.

[21] *Lamalif*. 1982. № 141.

[22] Там же.

[23] Аль-Мустакбаль. 1984. № 360. С. 27.

[24] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 03.03.1984.

[25] *Monde*. 03.08.1984.

[26] Бенбелькасем Нуреддин. Кризис молодежи, его причины и пути решения // Аль-Фикр. Гунис, 1984. № 10. С. 35–36 (на араб. яз.).

[27] *Monde*. 11.06.1985

С.56-60. Фундаменталисты[1] против «повелителя правоверных»

В начале 80-х годов марокканские источники указывали на существование в стране ряда религиозно-политических организаций. В Касабланке это Ассоциация исламской молодежи (Джамийя аш-шабиба аль-ислямийя), «братья-мусульмане» (Аль-Ихван аль-муслимун), Авангард ислама (Талиа аль-ислям), Партизаны ислама (Ансар аль-ислям), Чистые братья (Ихван ас-сафа), в Уджде – Призыв к добру (Ад-Даава иля-ль-хайр), Ассоциация исламского возрождения (Джамийя аль-баас аль-ислями), в Танжере – Люди истины (Ахль аль-хакк), Шавене – Исламский призыв (Ад-Даава аль-ислямийя)[2]. Этот список может быть продолжен.

Исследователи, специально занимавшиеся этими и некоторыми другими марокканскими организациями, указывают на те их черты, которые характеризуют их как НРПО. Прежде всего, это «неофициальные» ассоциации, которые действуют «по единой схеме, основанной на скрытности, чтобы не сказать секретности»[3]. Подчеркивая свою независимость и «неофициальность», они отмежевываются и от официальных религиозных организаций и лиг, и от исламских мистических братств, издавна существующих в Марокко. Наконец, их связи ориентированы на религиозные организации на Востоке арабского мира, а не на местную религиозную иерархию[4]. Разумеется, каждая из перечисленных организаций обладает указанными чертами в степени, присущей только ей, некоторые из ассоциаций действуют открыто. Различаются они и по степени влияния на социально-политическую жизнь.

Особого внимания заслуживает Ассоциация исламской молодежи. Эта организация заставила говорить о себе, когда 18 декабря 1975 г. в Касабланке ее члены убили одного из лидеров прогрессивного Социалистического союза народных сил, Омара Бенджеллуна. Руководитель ассоциации Абделькрим Мути скрылся в Саудовской Аравии. По более позднему признанию одного из основателей, а затем вице-председателя ассоциации, Брахима Камаля, она была создана специально для физического уничтожения «противников ислама» из числа прогрессивных политических деятелей и интеллигенции.

Исламская революция в Иране оказала значительное влияние и на марокканские НРПО. 1979–1980 годы оказались временем острых разногласий внутри Ассоциации исламской молодежи, которую в свое время организовали Абделькрим Мути и Брахим Камаль. Примерно в конце 1979 г. от нее откололась группировка под руководством Абделькрима Мути, выступавшая за активистские формы и методы борьбы против режима с использованием «иранского опыта». Группировка Священная война в дальнейшем все больше подпадала под иранское влияние, как в идеологическом, так и в финансово-организационном отношении. От организации Священная война отпочковывается Исламская группировка (Аль-Маджмуа аль-ислямийя), которая возражает против слепого следования за Ираном. Еще один отколовшийся от организации Исламская молодежь, некий Халид аш-Шаркави, создал в Париже из марокканских эмигрантов Организацию исламского действия (Муназзама аль-амаль аль-ислями), которая является, по-видимому, ячейкой в сети организаций, создаваемых и финансируемых Ираном. Одновременно возникает полностью проиранская военизированная Группа Мустафы аль-Марджави, ставящая своей целью установление в Марокко «исламской республики» силой[5].

Таким образом, в начале 80-х годов власти в Марокко вынуждены были иметь дело с трудно контролируемыми антиправительственными группами, готовыми прибегнуть к экстремистским формам борьбы. Королевский режим незамедлительно отреагировал на создавшуюся ситуацию. Первый серьезный удар по марокканским НРПО был нанесен властями еще в конце 1979 г. Есть сведения, что в это время полиция произвела аресты среди членов НРПО по спискам, предоставленным саудовскими властями. Как оказалось, среди участников нападения на мекканскую мечеть в ноябре 1979 г. были и марокканские исламисты[6]. Весной 1980 г. было принято решение о закрытии журнала «Аль-Джамаа» («Единение»), который издавал Абдессалям Ясин, состоявший в Ассоциации исламской молодежи со времени ее основания. В последнем номере, вышедшем в первом квартале 1980 г., издатели журнала выразили свою поддержку Ирану, отмечая, что только в этой из всех стран распространения ислама правят не деспоты, а истинные мусульмане. Одновременно выражалось одобрение участникам нападения на мечеть в Мекке, а саудовские руководители обвинялись в «отступлении от ислама».

Была ускорена подготовка к суду над убийцами Омара Бенджеллуна, тянувшаяся с 1977 г., причем один из арестованных главных обвиняемых, Абделязиз Наамани, в том же 1977 г. исчез из-под стражи при явном попустительстве властей. На состоявшемся в сентябре 1980 г. судебном процессе двое из обвиняемых были приговорены к смертной казни, восемь – к пожизненному тюремному заключению (из них двое, Абделькрим Мути и Абделязиз Наамани, заочно). Ход судебного разбирательства (например, публичное раскаяние Брахима Камала, который был оправдан) и приговоры процесса 1980 г. сыграли свою роль в дальнейшем расколе и значительном ослаблении исламского движения в Марокко.

Некоторое время марокканские НРПО не давали о себе знать. Правда, в январе 1982 г. в Танжере произошли волнения, которые власти объяснили подстрекательством НРПО. Было разгромлено и подожжено несколько лавок и кафе, торгующих спиртными напитками и обслуживающих иностранцев. Власти были особенно обеспокоены этими выступлениями еще и потому, что они могли быть истолкованы как антиамериканские: в это время в порту Танжера находились с визитом два американских атомных авианосца – «Ни-миц» и «Эйзенхауэр».

С серьезными проблемами режим столкнулся и в начале 1984 г. В январе в крупнейших городах Марокко имели место крупные волнения и беспорядки, вызванные ухудшением материального положения самых широких слоев населения, в первую очередь – трудящихся, и ростом дороговизны. В Касабланке, Уджде, Марракеше, Тетуане против демонстрантов были использованы войска, имелись убитые и раненые.

Режим ответил репрессиями на народные выступления. По сообщению Марокканского информационного агентства, было арестовано 1800 человек. На судебных процессах, которые происходили с февраля 1984 г. в 13 городах страны, подавляющее большинство арестованных было приговорено к различным срокам тюремного заключения – от двух месяцев до 10 лет. При этом правящий режим решил воспользоваться случаем, для того чтобы заодно расправиться и с другими своими противниками [7]. 23 января король выступил с заявлением, что январские выступления были результатом заговора, в котором большую роль сыграли те, кого он назвал «хомейнистами». Заговор имел целью воспрепятствовать работе четвертой конференции глав государств и правительств исламских стран в Касабланке [8]. Как считают политические наблюдатели, удар был направлен в первую очередь против левых сил: всего лишь 71 обвиняемый из всех представших перед судом действительно принадлежал к НРПО. И это при том, что всего было арестовано около 2 тыс. человек.

Но вернемся к членам НРПО. Сам ход событий показывает, что королевский режим имел четкую цель – нанести по ним удар, а события января 1984 г. послужили удобным поводом для репрессий. Так, еще в декабре 1983 г. был заключен под стражу Абдессалам Ясин, который после закрытия в 1980 г. журнала «Аль-Джамаа» издавал последовательно запрещавшиеся печатные органы исламских групп: «Обращение» (Аль-Хитаб), «Миссия» (Ар-Рисаля), «Заря» (Ас-Субх). Он обвинялся в призыве к восстанию против существующей власти. Суд над ним был «подверстан» к процессам над участниками январских волнений 1984 г.

Во время суда над Абдессаламом Ясином было арестовано несколько десятков членов марокканских НРПО, находившихся в зале суда и поблизости от него. 30 апреля было произведено еще несколько арестов среди школьных учителей. А 21 июня начался новый процесс над 71 членом НРПО (из которых 20 человек обвинялись заочно). Обвинение и в этом случае связывало аресты и сам процесс с январскими событиями. Находившиеся на скамье подсудимых обвинялись в заговоре против монархии, деятельности,

направленной на установление в Марокко исламской республики, нарушении порядка, принадлежности к преступной группе, создании подпольных групп боевиков (в которых осуществлялась военная подготовка их членов, обучение изготовлению бомб), намерении физически уничтожить ряд политических деятелей, распространении листовок подрывного содержания[9], публикации текстов, порочащих главу государства. В ночь с 30 на 31 июля был оглашен суровый приговор. 13 человек (из них 7 заочно) были приговорены к смертной казни, и среди них – руководитель военизированной группы Мустафа аль-Марджави. 34 человека были приговорены к пожизненному тюремному заключению (из них 13 заочно), 8 человек – к 20, 9 – к десяти и 7 – к четырем годам тюремного заключения. Заочно к смертной казни был приговорен и Абделькрим Мути.

10 июля 1985 г. были произведены новые аресты среди членов и без того ослабленных марокканских НРПО, а 22 августа того же года начался процесс над 26 фундаменталистами, обвиняемыми в «выступлении против внутренней безопасности государства». Королевский режим стремился максимально использовать политические возможности, предоставлявшиеся процессом. На этот раз в подготовке и заброске мусульманских боевиков в Марокко был обвинен соседний Алжир.

14 членов Ассоциации исламской молодежи (из них 9 заочно) были приговорены к смертной казни, 3 человека – к пожизненному тюремному заключению, 9 человек – к 20 годам тюремного заключения.

Параллельно с суровейшим подавлением исламских НРПО, действовавших в Марокко, королевский режим наводил порядок в связанном с государством религиозном комплексе. Выступая перед исламскими деятелями в феврале 1984 г., король Марокко привлек их внимание к росту количества построенных на частные средства мечетей, руководимых имамами, которых по своему усмотрению выбирают те, кто занимался строительством этих культовых сооружений. Он объявил, что отныне право на произнесение проповедей будут иметь только имамы мечетей и проповедники, состоящие на государственной службе. В том же, 1984 г. король ужесточил контроль за религиозными деятелями. Министром вакфов (религиозных дел) вместо аль-Хашими аль-Филяли был назначен Абд-аль-Кабир аль-Мадгари. Официально объявленная причина замещения аль-Филяли – преклонный возраст, но есть сведения, что он сам подал в отставку из-за мер, ограничивающих свободу действий религиозных деятелей[10]. Ведь согласно королевскому дахире (декрету) теперь министр внутренних дел Идрис аль-Басри и вверенное ему министерство стали контролировать те области, которые раньше находились в ведении министерства вакфов. Так, теперь именно министерство внутренних дел одобряет назначение имама в мечети, знакомится с заранее подготовленными текстами проповедей, которые одобряет (или не одобряет). В 40 провинциях при губернаторах установлены должности для специальных консультантов из числа лауреатов факультета шариата, которые дополнительно прошли обучение в школе подготовки административных кадров в Кенитре.

В их задачу входит координация действий между представителями министерства внутренних дел и министерства вакфов.

Таким образом, передача части функций министерства вакфов министерству внутренних дел, во-первых, приводит к еще большему ужесточению контроля государственного аппарата за религиозной деятельностью в стране и, во-вторых, является отражением недоверия бывшему руководству министерства вакфов. Не были ли люди из этого министерства связаны с исламистами, судебные процессы над которыми начались в июне 1984 г.? Именно такое предположение высказывает информированный арабский еженедельник «Кулль аль-араб»^[11]. Даже если это и так, представляется, что принимаемые режимом меры направлены на то, чтобы монопольно распоряжаться исламом и использовать его как орудие проведения политики, угодной королю. Ведь согласно конституции страны король является «повелителем правозверных» (амир аль-муминин), а к тому же ислам всегда был идеологической опорой режима. А ведь опыт арабских стран показывает, что монополию на политическое использование ислама нетрудно утратить.

^[1] *Фундаменталистами во франкоязычной литературе (а в последнее время и в советской) называют сторонников приведения в соответствие установлениям ислама всех сторон социально-экономической жизни общества.*

^[2] *Chaoui Mohamed. Islam et politique au Maroc // Lamalif. 1980. № 121. С. 16.*

^[3] *Etienne B., Tozy M. Obligations islamiques et associations à Casablanca // Le Maghreb musulman en 1979. С. 246–247.*

^[4] *Там же.*

^[5] *Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 387. С. 37.*

^[6] *В некоторых публикациях муссируются слухи о том, что среди нападавших был и один из руководителей Ассоциации исламской молодежи, Абделькрим Мути (Leveau R. Islam officiel et renouveau islamique au Maroc // Le Maghreb Musulman en 1979. С. 212.)*

^[7] *Даже по свидетельству печатных органов, симпатизирующих марокканскому режиму, аресты производились и среди тех, кто не принимал участие в январских волнениях; главная «вина» арестованных была в их оппозиционных настроениях (Monde. 20.07.1984.).*

^[8] *Аш-Шарк аль-Авсат. 24.01.1984.*

^[9] *С листовками произошло что-то не вполне понятное. На суде доказывалось, что в страну в январе 1984 г. были провезены листовки, опубликованные в Иране и направленные против проведения исламской встречи в верхах. Указывалось даже их количество: 500 шт. для Танжера, Агадира, Феса и Марракеша, 800 шт. – для Рабата (Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 387. С. 36.). Но международные наблюдатели – юристы отметили, что в материалах дела сами листовки отсутствовали (Monde. 27.07.1984.).*

^[10] *Lamalif. 1984. № 153. С. 2.*

^[11] *Кулль аль-араб. 1984. № 98.*

С.61-69. В защиту социалистической ориентации

В Алжире, сравнительно недавно (в 1962 г.) добившемся независимости, исламские НРПО играют роль орудия борьбы против развития страны по пути социального прогресса. Сами алжирцы называют членов этих организаций сокращенно – FM, что означает «братья-мусульмане» («freres musulmans»). С приправленным горечью юмором они расшифровывают это сокращение и иначе – «fusils mitrailleurs» – «ручные пулеметы». Алжирские НРПО дали много примеров насильственной борьбы против социалистической ориентации страны.

Еще в начале 50-х годов один из руководителей религиозно-реформаторской Ассоциации улемов, Мухаммад аль-Башир аль-Ибрахими, по свидетельству алжирских авторов, привнес в ассоциацию «восточный дух», «дух Машрика» – Востока арабского мира. Это выразилось в том, что при нем особенно укрепились ее связи с саудовской правящей династией и ассоциацией «Братья-мусульмане»^[1]. Однако эти контакты с «братьями-мусульманами» не получили организационного выражения, как это имело место, например, в Сирии или Иордании. При несомненном идейном родстве алжирских НРПО с египетскими «братьями» прямые и стойкие организационные связи между ними отсутствуют. Это проявляется, в частности, в другом названии: члены алжирских НРПО называют себя «призывающие» (ахль ад-дава).

Зачатки алжирских НРПО сформировались непосредственно после провозглашения независимости в рамках ассоциации Ценности (подразумевается Исламские ценности – Аль-Кьям). Первоначально ассоциация занималась религиозно-просветительской деятельностью. Но по мере все более четкой ориентации Алжира на некапиталистическое развитие ассоциация превращалась в политическую организацию, выступавшую против такой ориентации. В конце концов она была распущена, а ее деятельность запрещена распоряжением министра внутренних дел от 17 марта 1970 г.

В Алжире постепенно укреплялся курс на социалистическое развитие, определенный еще Алжирской хартией – принятым в апреле 1964 г. программным документом, который провозглашал самоуправление основной формой «перерастания национальной народной революции в революцию социалистическую»^[2]. Был осуществлен ряд социально-экономических мероприятий в этом направлении. В мае 1966 г. были национализированы иностранные шахты, рудники и страховые компании. В 1967–1968 гг. в руки государства перешла основная часть контролировавшихся иностранцами банков и промышленных предприятий. В результате ряда целенаправленных мер к 1969 г. в стране практически была введена государственная монополия внешней торговли. В 1967–1969 гг. были приняты и осуществлены законы о выборности руководства на уровне коммун и вилай (областей). В ноябре 1971 г. был опубликован закон о социалистическом управлении предприятиями, расширивший права рабочих и служащих. К концу 1975 г. ассамблеи трудящихся были созданы на многих сотнях предприятий государственного

сектора. В феврале 1971 г. проведена национализация нефтегазовой промышленности, охватившая всю добычу газа в стране и приведшая к установлению государственного контроля над иностранными компаниями. В ноябре 1971 г. был принят закон об «аграрной революции», в соответствии с которым началось перераспределение обрабатываемых земель и строительство так называемых социалистических деревень (кооперативных поселков). Одновременно осуществлялся ряд мер по поднятию материального и культурного уровня жизни народа. В первой половине 70-х годов было введено бесплатное медицинское обслуживание, освобождены от уплаты налогов беднейшие слои трудящихся, повышена оплата труда промышленным и сельскохозяйственным рабочим[3]. 27 июня 1976 г. была принята Национальная хартия, «исключительно важный документ, закрепляющий социалистическую ориентацию развития АНДР»[4].

Естественно, проведение прогрессивных социально-экономических преобразований, в первую очередь аграрной реформы, резко усилило размежевание классовых и политических сил в стране. Именно в этот период проявился антисоциалистический, антипатриотический характер религиозно-экстремистских организаций. Во многих местах членами НРПО распространялись листовки, утверждавшие, что молитвы, произносимые на земле сельскохозяйственных кооперативов, не имеют силы[5]. «Противоречащими исламу» провозглашались мероприятия, ограничивавшие частную собственность, вводившие рабочее самоуправление, вовлекавшие женщин в активное участие в общественно-политической жизни.

Революционное руководство Алжира приняло ряд мер, которые призваны исключить возможность использовать ислам в целях, расходящихся с политическим курсом руководства страны.

Непосредственно после достижения независимости было создано министерство хабусов (религиозно-общинного имущества), в ведение которого перешли все вопросы, связанные с исламом. (В 1970 г. оно стало министерством традиционного просвещения и религиозных дел, а в 1977 – министерством религиозных дел.) В задачу министерства входит организация отправления культа в мечетях, которых в 1980 г. насчитывалось 5289. В результате принятия ряда детализированных декретов работники культа – имамы мечетей, проповедники, муэдзины и т.п. (в 1980 г. их было зарегистрировано 5193) юридически были приравнены к работникам других министерств[6]. Государство взяло на себя религиозное образование служителей культа. Священнослужителей готовят в трех главных центрах: в г. Мефтах, неподалеку от столицы (около 100 слушателей), в открытом в 1981 г. в г. Таманрасете на юге страны Исламском институте (50 слушателей, среди которых 20 – из африканских стран), а также в открытом в 1984 г. Исламском университете при мечети эмира Абделькадера в г. Константина (рассчитан на 650 студентов).

Предмет «исламское воспитание» включен и в школьную программу. В соответствии с президентской инструкцией, изданной в мае 1984 г., этот предмет будет введен и в курс высших учебных заведений. Большое значение

государство придает организации сети исламских культурных центров. Созданный в 1973 г. столичный исламский культурный центр, находящийся в ведении министерства религиозных дел, долгое время оставался единственным в стране. Недавно его филиалы были открыты в Тизи-Узу, Бискре, Оране, Айн-Салихе, Константине и других городах. По пятилетнему плану развития страны (1980–1984) предполагалось построить 26 исламских культурных центров – по количеству вилай (областей) страны. Под правительственной эгидой ежегодно проводятся семинары исламской мысли, ставшие международными.

Эти правительственные мероприятия – выражение позиции политического руководства страны по отношению к исламу. Руководство правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО) характеризовалось стремлением выделить и развить прогрессивные аспекты в историческом наследии ислама. В Национальной хартии (1976 г.) отмечалось, что «для своего возрождения исламский мир имеет лишь один выход – преодолеть реформизм и вступить на путь социальной революции... Мусульманские народы во все большей степени осознают, что, только усиливая свою борьбу против империализма, решительно продвигаясь по пути социализма, они смогут наилучшим образом ответить на установления их веры, приведут дела в согласие с принципами»[\[7\]](#). Отношение руководства страны к исламу лапидарно выразил алжирский президент: «Алжир – это мусульманская страна, которая трудится над построением социалистического общества»[\[8\]](#).

Однако активность НРПО не идет на убыль. Об этом свидетельствует хроника их деятельности за последние несколько лет.

В марте 1981 г. члены НРПО в университетах (Алжир, Аннаба, Константина, Стиф, Батна) совершали нападения на прогрессивно настроенных студентов. В отдельных случаях устраивались «исламские трибуналы», перед которыми прогрессистов заставляли каяться в «прегрешениях». В сентябре того же года в Лагуате и его окрестностях, на юге Алжира произошли перестрелки между религиозными экстремистами и силами безопасности, а чуть позднее – волнения среди учащихся, в результате которых имелись убитые и раненые[\[9\]](#).

В 1982 г. была отмечена активизация НРПО. Они демонстрировали свое несогласие с «официальным исламом» тем, что в июле призвали верующих в мечетях прервать пост в месяце рамадан на день раньше срока, который определило министерство религиозных дел. Значительно более серьезным событием стало побоище, спровоцированное религиозными экстремистами в студенческом городке Бен-Акнун в г. Алжир. В результате один студент был убит, десять – тяжело ранены. Здесь, как и на других университетских территориях, члены НРПО стали использовать в качестве баз для собственной деятельности открытые по их же требованиям мечети, превратив их в центры антиправительственной пропаганды. Газета «Эль-Муджахид», отмечая, что открытие мечетей в университетах являлось выражением уважения политического руководства страны к исламу, заявляла о «недопустимости

превращать эти молитвенные центры в очаги агитации и напряженности»[10].

В первой декаде ноября 1982 г. в открытой продаже появилась книга с проповедью насильственной и организованной борьбы против «сил зла», под которыми подразумевались правители в странах распространения ислама, в том числе и в Алжире. «Обязанностью, которую налагает ислам и человеческий обычай, является выступление добрых против злых, если те поднимают голову. Точнее, если злые становятся руководителями общества, то в этом случае необходимостью и долгом становится восстание, направленное против них, а неизбежностью – сопротивление насильственными методами с целью передачи власти в обществе в руки благодетельных, сознательных, осознающих свою социальную ответственность»[11]. При этом особо указывалось на то, что успех сулит «объединенное групповое действие»[12].

В конце ноября на другой университетской территории – у мечети Алжирского университета, в самом центре города собралось несколько тысяч членов НРПО, которые провозгласили это сборище первым съездом алжирских религиозно-политических организаций. «Съезд» прошел без эксцессов. Но непосредственно после него многие алжирцы были несказанно удивлены, обнаружив утром в своих почтовых ящиках листовку, извещавшую о... свержении существующего режима и установлении в стране «исламской республики». Эта провокация успеха исламистам не принесла. В одном из своих выступлений в декабре 1982 г. алжирский президент заявил в связи с деятельностью НРПО: «Мы не колеблясь примем все меры, необходимые для защиты Родины и единства Нации»[13].

В том же месяце алжирские власти арестовали большую группу членов НРПО (примерно 30 человек), располагавших гранатами, автоматами, самодельными бомбами. Отдельных боевиков, которым удалось скрыться, жандармерия вылавливала вплоть до конца января 1983 г. Операция сопровождалась перестрелками, с обеих сторон имелись убитые и раненые. Среди арестованных был и один из руководителей алжирских НРПО – преподаватель отделения общественных наук Алжирского университета Аббаси аль-Мадани. Алжирская пресса обвиняла его в том, что он «под прикрытием религиозных положений проповедует ретроградные идеи»[14]. Сами НРПО характеризовались как «мелкие группки, практикующие нетерпимость, прибегающие к провокациям, отличающиеся сектантством и активизмом. Во имя ислама они проповедуют обращение к насилию с целью заставить алжирский народ отказаться от его достижений»[15]. (Суд над этими религиозными экстремистами закончился в апреле 1985 г.)

Летом 1984 г. в «исламском движении» Алжира произошел раскол. Появилась организация Призыв ислама (Нида аль-ислям). В первом воззвании этой организации ставилась задача «дать мусульманским странам структуры и институты, соответствующие Миссии ислама»[16], что мало отличалось от призывов других НРПО в Алжире и за его пределами. Момент, по которому у Призыва ислама возникли расхождения с другими исламскими

НРПО, заключался в том, что эта организация отвергала все формы насилия как «неисламские».

Новый всплеск активности НРПО пришелся на период разработки нового текста Национальной хартии. Как известно, весной 1985 г., на сессии ЦК партии ФНО, президент Алжира объявил о национальной дискуссии, имевшей целью «обогащение» Национальной хартии, внесение в нее ряда необходимых поправок. Никакого текста для обсуждения опубликовано не было, но все средства массовой информации уделяли большое внимание освещению различных точек зрения. Большое место в дискуссиях было отведено исламу. И если значительная часть публикаций свидетельствовала о том, что их авторы не видят никакого противоречия между исламом и социализмом, то в ходе обсуждения правые силы заявляли, что единственная «хартия», в которой нуждается алжирский народ, – это Коран. Раздавались призывы к полному и буквальному претворению в жизнь норм шариата, были и выступления против участия женщин в политической, экономической и культурной жизни.

Экстремистские требования правых сил не были выполнены, и они не отказались и, видимо, не собираются отказываться от проведения в жизнь своей программы, используя НРПО для ее осуществления. В конце августа 1985 г. в полицейской казарме г. Сумаа, в нескольких десятках километрах от столицы, была совершена кража большого количества легкого стрелкового оружия и боеприпасов. А 12 сентября алжирские газеты получили заявление, подписанное таинственной и до того неизвестной организацией Исламский джихад имени шейха Садика аль-Мунзири. Эта организация, взяв на себя ответственность за кражу оружия, выступила с экстремистскими религиозно-политическими требованиями. В первой половине сентября в окрестностях г. Алжира службой безопасности была разгромлена часть группы Мустафы Буиали, одного из религиозно-политических деятелей, приговоренного заочно к пожизненному тюремному заключению во время процесса над религиозными экстремистами в апреле 1985 г. 21 октября в ходе операции, стоившей жизни пяти жандармам, была разгромлена еще одна группа. Оказалось, что и эта вооруженная стычка не последняя: в ноябре в пригороде столицы были отмечены перестрелки с членами экстремистских НРПО [17].

НРПО паразитируют на некоторых противоречиях и трудностях, с которыми сталкивается Алжир. Так, стремясь использовать частный капитал в целях ускоренного претворения в жизнь экономической программы, руководство страны не препятствовало развитию частного сектора, налагая на него, однако, некоторые ограничения. Уже к началу 80-х годов частный сектор был широко представлен в текстильной, кожевенно-обувной, пищевой промышленности, в строительстве, туризме, торговле, сфере обслуживания. Так, в текстильной промышленности частные предприятия обеспечивают от 70 до 100% выпуска большинства видов товаров. В жилищном строительстве и подрядных работах их доля равна 30%, а в сфере услуг составляет 63%. В 1980 г. в частном секторе трудились 35% всех занятых в несельскохозяйственном производстве [18]. В 80-х годах был принят ряд законодательных ак-

тов, которые, регулируя работу частного сектора, одновременно поощряли вложение частных капиталов в производственную сферу: закон № 82–11 1982 г. о частных национальных капиталовложениях, декрет № 83–734, регламентирующий частные капиталовложения на реновацию, закон № 83–18 (1983 г.), разрешающий приобретать государственные земли в частное владение без ограничения предельных размеров продаваемых участков[19].

Поощряя частный сектор, политическое руководство Алжира ставит перед ним конкретные задачи, направленные, в конечном счете, на ускоренное экономическое развитие страны, укрепление экономической независимости, развитие труднодоступных и отсталых районов, создание новых рабочих мест, уменьшение импорта продовольственных товаров и т.д. Но само наличие частного предпринимательства, масштабы которого расширяются, приводит к тому, что растет и имущественное расслоение, возникает социально-политическая напряженность.

В Алжире многое делается для повышения жизненного уровня народа, однако остается ряд жгучих социально-экономических проблем, наличие которых констатирует алжирская пресса. Так, в стране официально зарегистрировано 750 тыс. безработных[20]. Остается чрезвычайно острым жилищный кризис. В 1977 г. из 2972 тыс. семей 1152 тыс. имели совершенно неудовлетворительные жилищные условия. В 1982 г. количество семей возросло до 3379 тыс., рост же жилищного фонда планировался из расчета лишь 100 тыс. квартир в год[21]. Остаются неграмотными 70% взрослого населения[22].

НРПО пытаются использовать недовольство алжирцев, направить его против самой ориентации на социалистическое развитие. Об этом было недвусмысленно и самокритично сказано на страницах газеты «Эль-Муджахид», органа ЦК партии Фронт национального освобождения (ФНО): религиозно-политические экстремисты «проникают через брешь, которая образуется между решением и исполнением»[23].

Противоречиво влияет на политическую жизнь в стране и арабизация. Некоторые аспекты этого процесса, под которым подразумевается постепенное планомерное замещение французского языка арабским в административных органах, образовании и всех других областях жизни страны, приводили к некоторому росту влияния ислама, активизации исламских НРПО.

Это произошло, прежде всего, потому, что исторически сложилось такое соотношение между французским и арабским языками, при котором в недалеком прошлом французский язык, язык иностранной колонизации, становился языком «этой», «дольней», жизни – администрации, образования, современного производства и т.п. Арабский же язык, язык Корана, все более становился сакральным, священным, «потусторонним», языком «иной», «горней», жизни[24]. Расхожая ассоциация массового сознания в настоящее время – тесная взаимосвязь, если не идентичность, умения говорить по-арабски и религиозной принадлежности. (Автору этих строк, арабисту, неоднократно приходилось объяснять простым алжирцам, что он не является мусульманином.)

Реакционные силы, по-своему интерпретируя арабизацию, ставили знак равенства между ней и исламизацией общества. Это с особой силой проявилось в октябре 1976 г., когда религиозные экстремисты с ведрами краски и молотками в руках пытались уничтожить в столице и других городах всякий след французского языка на улицах. Эти действия сопровождались призывами следовать во всем установлениям ислама. Алжирская пресса тогда отвергла подобную трактовку процесса арабизации и культурного возрождения вообще [25]. Общественность осознала, что арабизация внутренне противоречива.

Есть еще один аспект этой проблемы. Так, французский ежемесячный журнал «Монд дипломатик», рассматривая причины роста влияния НРПО в молодежной среде в Марокко, указывал, в частности, на проводившуюся правительством в 70-х годах кампанию арабизации. Из-за отсутствия в Марокко собственных учительских кадров, способных вести занятия на арабском языке, их приглашали из стран Арабского Востока. Многие из прибывших в страну учителей являлись «братьями-мусульманами», и преподавание арабского языка они подменяли религиозной пропагандой в духе программных установок «братства» [26]. Эта констатация справедлива не только для Марокко, но и, быть может даже в большей степени, для Алжира.

Распространению религиозного сознания на волне арабизации способствовало и то, что в настоящее время Алжир вынужден импортировать из-за границы подавляющую часть книг на арабском языке. Здесь сказывается отсутствие и достаточного количества авторов, пишущих по-арабски, и необходимой полиграфической базы. При этом религиозная (исламская) литература, импортируемая из других арабских стран, особенно из Египта, Саудовской Аравии, Ливана, возросла в ежегодном денежном выражении с 4103 тыс. алж. дин. в 1980 г. до 15525 тыс. алж. дин. в 1982 г., т.е. в 3,8 раза. Возросла и ее доля во всей массе ввозимых арабских книг – с 27,17% в 1980 г. до 35,35% – в 1982 г. [27]

В результате последовательного перевода средней общеобразовательной школы на преподавание на арабском языке молодежь знает его значительно лучше, чем представители старшего поколения. Алжирские социологи подметили в конкретных условиях арабизации ряд зависимостей в поведении и социальной ориентации молодежи. Так, те молодые люди, которые хорошо знают арабский язык и регулярно читают различную литературу на нем, более часто совершают религиозные обряды. В зависимости от того, на каком языке занимаются студенты высших учебных заведений – на французском или арабском, различается их отношение к некоторым актуальным для страны проблемам. Например, за совместное обучение мальчиков и девочек выступает 63% арабоязычных студентов и 81% франкоязычных, за право женщины участвовать в политической жизни – соответственно 34% арабоязычных и 61% франкоязычных [28]. Учащиеся, владеющие одним лишь арабским языком, легче поддаются пропаганде исламских НРПО. Совершенно справедливо алжирские авторы указывают, что процессы, происходящие в стране в области культуры, «не должны становиться средством идеологической ма-

нипуляции в руках групп давления, стремящихся к политической власти»[29].

Еще одним фактором, в некоторой степени способствовавшим относительному росту влияния НРПО в стране, является существование религиозных ассоциаций, т.е. местных объединений верующих. Они имеют в качестве председателя имама, в них входят и представители органов местного самоуправления, а также граждане, проживающие в данном районе или населенном пункте. В 1980 г. таких ассоциаций насчитывалось 715[30]. Во второй половине 1982 г. произошел их резкий количественный рост. Алжирские газеты во множестве публиковали платные объявления новообразованных ассоциаций с призывом переводить деньги на такие-то счета в банках на богоугодные цели, например строительство мечетей. На рынках и в частных магазинах появились кружки для сбора пожертвований. События последующего времени показали, что во многих религиозных ассоциациях стали главенствовать представители религиозно-политических организаций, проводящих антиправительственный курс. Такое положение сохраняется в значительной степени и сейчас.

Может подействовать на формы деятельности НРПО и степень их влияния также оценка, данная исламу в новом, «обогащенном» тексте Национальной хартии (1986 г.), в которой заявляется, что именно «ислам сформировал алжирское общество». Религия провозглашается важным фактором общественного развития страны[31]. Количество мечетей выросло (по данным 1988 г.) до 7800 (6160 действующих и 1640 строящихся). Кому дано получить политический выигрыш от обращения к исламу?

[1] Саад-ал-Лакх Абу-ль-Касим. Школы арабской культуры в арабском Магрибе. // Ас-Сакафа. Алжир, 1984. № 79. С. 87 (на араб. яз.).

[2] Цит. по: Алжир (справочник). М., 1977. С. 73.

[3] Там же. С. 75–78.

[4] Аргентов В.А. Алжир на новом пути. М., 1982. С. 46.

[5] Аль-Вахда. Алжир, 1983. № 133. С. 33.

[6] При сравнении количества мечетей с количеством работников культа сразу видна нехватка последних. Алжирская пресса указывала в 1981 г., что примерно в 3 тыс. мечетей отсутствуют имеющие соответствующее образование и официально назначенные имамы. Подобные «бесхозные» мечети нередко превращались исламскими НРПО в свои опорные пункты (El-Moudjahid. Alger. 06.01.1981.).

[7] Charte nationale. Alger, 1976. С. 21–22.

[8] El-Moudjahid. 27–28.11.1981.

[9] Algérie-Achialité. Alger, 8–14.10.1981.

[10] El-Moudjahid. 04.11.1982.

[11] Худейр Идрис. Философия экономики в исламе. Алжир, 1982. С. 104 (на араб. яз.).

[12] Там же.

[13] El-Moudjahid. 03–04.12.1982.

[14] El-Moudjahid. 10–11.12.1982.

[15] Révolution Africaine. Alger, 1982. № 979. С. 5.

[16] L'intégrisme islamique dont on parle // Nidaou el Islam. Alger, 1984. С. 2.

[17] Humanité. 15.10.1985; 25.10.1985; 04.11.1966.

- [18] Кулькова С. Социалистическая ориентация и частное предпринимательство // *Азия и Африка сегодня*. 1986. № 1. С. 44.
- [19] Там же. С. 44–46.
- [20] *Algérie-Acfualité*. 18–24.11.1982.
- [21] *El-Moudjahid*. 09.11.1982.
- [22] *El-Moudjahid*. 10–11.09.1962.
- [23] *El-Moudjahid*. 30.12.1982.
- [24] Lacheraf Mostefa. *L'Algérie: Nation et Société*. Alger, 1978. С. 324.
- [25] *El-Moudjahid*. 22–23.10.1976.
- [26] Рамоне Игнасио. На западной окраине арабского мира (Монд дипломатик) // *За рубежом*. 1984. № 12. С. 15.
- [27] *Révolution Africaine*. 14–20.01.1983. С. 24.
- [28] Аз-Зааби Мухаммад Ахмад. Билингвизм и культурное единство в Алжире // *Аль-Мустакбаль аль-араби*. Бейрут, 1982. № 6. С. 68 (на араб. яз.).
- [29] Chellig-Aïnad-Tabet N. *La femme musulmane moderne vue par les lycéens algériens // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 163.
- [30] Souriau C. *Quelques données comparatives sur les institutions islamiques actuelles au Maghreb // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 368.
- [31] *El-Moudjahid*. 07.01.1986.

С.69-73. Неполная хроника одного месяца

Раздел книги, посвященный деятельности НРПО в арабских странах, обречен на незавершенность. Ни в одной из них вопрос с этими организациями не решен окончательно. Затянувшаяся схватка между государством и фундаменталистской оппозицией продолжается. Удлиняется список акций, осуществляемых от имени исламских НРПО как в арабских странах, так и за их пределами. Сложно учесть все вновь возникающие группы, проследить связи между событиями, происходящими в разных странах Ближнего и Среднего Востока и Европы – везде, где действуют организации, претендующие на то, чтобы выступать от имени арабских мусульман. Сложности эти неизмеримо возрастают еще и потому, что исследователь ограничен материалами прессы, а значительная часть этой активной деятельности ведется тайно, более того – окутывается «дымовой завесой» умышленной дезинформации со стороны как самих НРПО, так и тех, кто ими манипулирует. И только спустя некоторое время, да и то не всегда, выясняется истинная картина того или иного события.

Вместо заключения этого, «незавершаемого» раздела автор решил дать своего рода срез деятельности НРПО в течение одного месяца – июня 1987 г. Выбор именно этого периода обусловлен только стремлением автора привести по возможности наиболее свежий материал о деятельности этих организаций. В остальном этот месяц не отличается от других: в хронике НРПО каждодневными явлениями стали похищения заложников, демонстрации, аресты, судебные процессы, угрозы, смертные казни и т.п.

1 июня на борту вертолета, перевозившего ливанского премьер-министра Рашида Караме произошел взрыв, в результате которого премьер был смертельно ранен. (Получили ранения и сопровождавшие его офицеры, а также министр внутренних дел Абдалла ар-Раси.) Ответственность за это убийство взяли на себя две дотоле неизвестные организации – Секретная ливанская армия и Организация мести за мучеников ислама. Р.Караме боролся за сохранение единства Ливана, демократизацию жизни в стране, укрепление ливанско-сирийских отношений.

3 июня в Тунисе был вынесен приговор первой группе лиц, арестованных 14 мая (всего около 250 человек) во время беспорядков, проходивших под религиозно-политическими лозунгами. Манифестанты требовали освобождения арестованного в марте 1987 г. лидера тунисских фундаменталистов Рашида Ганнуши. 20 членов Движения исламского направления (ДИН) были приговорены к различным срокам тюремного заключения (от 2 до 6 лет) по обвинению в «нарушении порядка».

В тот же день в интервью агентству Франс Пресс главный редактор бейрутского журнала «Аш-Шираа» Хасан Сабра сообщил, что заложники, захваченные в ливанской столице в разное время от имени организации Исламский джихад, переправлены в Тегеран. Среди них два американца – директор бейрутского филиала агентства Ассошиэйтед Пресс Терри Андерсон и декан сельскохозяйственного факультета Американского университета в Бейруте Томас Сазерленд, а также французы – журналист Жан-Поль Кофман и дипломаты Марсель Картон и Марсель Фонтен. По словам ливанского журналиста, сам имам Хомейни создал специальный комитет для «изучения материалов о заложниках», в который вошли видные деятели Исламской республики Иран. Хасан Сабра утверждал, что «Иран держит в руках ключ к проблеме, и ни один заложник не будет выпущен на свободу, пока не будут удовлетворены его требования: Вашингтон должен разблокировать миллиарды долларов (иранских авуаров в банках США. – А.И.) и продолжить поставки оружия. Париж должен решить финансовый спор (в связи с суммами, предоставленными Франции шахским режимом. – А.И.) и перестать поддерживать Ирак». Все эти заявления были самым серьезным образом восприняты в журналистских кругах всего мира. Журнал «Аш-Шираа» считается очень информированным в вопросах, касающихся положения в Иране и проиранских НРПО. Так, именно он в октябре 1986 г. первым сообщил о поставках американского оружия Ирану, с чего начался знаменитый «Ирангейт».

В тот же день во Франции (в городах Париж, Страсбург, Марсель, Лион, Безансон, Тулуза, Пуатье) в ходе широкомасштабной полицейской акции были задержаны 57 человек, подозреваемых в принадлежности к мусульманским фундаменталистским кругам, – граждане Ливана, Сирии, Ирана, Марокко, Туниса и Алжира. 28 человек были освобождены по истечении легального срока задержания, 27 высланы из страны в последующие дни. О двоих сообщили, что они предстанут перед судом за нелегальное хранение оружия.

4–7 июня в Египте, по официальным данным, было арестовано 500 фундаменталистов – членов НРПО. Арестованные подозреваются в причастности к покушениям, имевшим место в мае – июне 1987 г. (6 мая – покушение на бывшего министра внутренних дел Хасана Абу-Баша, 4 июня – попытка убийства главного редактора еженедельника «Аль-Мусаввар» Макрама Мухаммада Ахмада). По сведениям египетской оппозиции, общее количество арестованных составило 4 тыс. человек.

8 июня в Венеции началось тринадцатое по счету ежегодное совещание глав государств и правительств семи наиболее развитых капиталистических государств (США, Японии, Великобритании, Франции, ФРГ, Канады и Италии). Для обеспечения безопасности его участников были приняты чрезвычайные меры, включая патрулирование боевых катеров с расчехленными зенитными пулеметами. На следующий день, 9 июня, в Риме на улице, где располагаются посольства США и Великобритании, были взорваны два заминированных автомобиля, из окна соседней гостиницы во двор американского посольства брошены четыре гранаты. Никто серьезно не пострадал. В число организаций, взявших на себя ответственность за эту акцию, проведенную в знак протеста против совещания руководителей «семерки» в Италии, входила и НРПО Исламский джихад.

В тот же день организация Силы пророка Мухаммада в Кувейте распространила заявление, содержащее угрозы осуществить террористические акты в случае исполнения смертного приговора шести исламским боевикам, ответственным за поджоги нефтепроводов на кувейтской территории в январе 1987 г. Тогда же Тегеранское радио передало декларацию ранее неизвестной группы Сыны Партии Аллаха на Аравийском полуострове с выпадами против кувейтского руководства.

13 июня вышел очередной номер бейрутского журнала «Аш-Шираа», в котором было подтверждено заявление, сделанное ранее главным редактором этого журнала, о судьбе западных заложников Исламского джихада. Журнал также утверждал, что заложники «подвергаются интенсивным допросам со стороны иранских спецслужб».

14 июня лондонская газета «Санди Телеграф» сообщила, что исчезнувший 27 января 1987 г. в Бейруте специальный посланник архиепископа Кентерберийского Терри Уэйт, занимавшийся переговорами о судьбе западных заложников исламских НРПО в Ливане, был похищен проиранской организацией Партия Аллаха по команде из Тегерана. Газета «Аль-Иттихад», выходящая в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты), опубликовала сообщение о том, что Терри Уэйт переправлен в Иран вместе с другими заложниками. (По некоторым данным, до этого времени он содержался в посольстве Ирана в Бейруте.)

15 июня в г. Медеа (АНДР) начался процесс над 202 членами группы Мустафы Буиали, убитого в начале января 1987 г. вместе с тремя сообщниками. Алжирским фундаменталистам были предъявлены следующие обвине-

ния: заговор, угроза безопасности государства, сопротивление силам порядка, создание нелегальной организации.

17 июня в Бейруте были похищены сын ливанского министра обороны Аделя Осейрана Али и работник американской телекомпании Эй-би-си Чарльз Гласе. Министр обороны заявил, что похищение осуществлено боевиками Партии Аллаха. Наблюдатели отметили, что это событие помешало провести очередной раунд переговоров между противоборствующими сторонами в Ливане с целью нормализации обстановки в стране. Ожесточились вооруженные столкновения между членами движения АМАЛЬ и Партией Аллаха.

19 июня Организация угнетенных земли заявила об убийстве главы еврейской общины Ливана Элии Срура. (О его убийстве эта же организация уже сообщала 30 декабря 1986 г.) В письме, посланном в газету «Ас-Сафир» от имени этой организации, убитый обвинялся в сотрудничестве с израильской разведкой «Моссад». Элия Срур был захвачен в числе семи ливанских евреев, похищенных в марте – мае 1985 г. в Бейруте. Ответственность за эти акции и убийство части заложников взяла на себя Организация угнетенных земли.

20 июня представители еврейской общины Ливана заявили, что на фотографии убитого, приложенной к письму в газету «Ас-Сафир», изображен не Элия Срур, а, по-видимому, другой член общины – Исаак Сассон.

22 июня ФРГ приняла решение не передавать судебным органам США Мухаммада Хамаде, арестованного 13 января 1987 г. в аэропорту г. Франкфурта, когда он пытался пронести в самолет 12 литров жидкого взрывчатого вещества. США требовали его выдачи как участника угона самолета, принадлежащего компании «Транс уорлд эйрлайнз», в Бейруте в июне 1985 г., когда был убит американский морской пехотинец. (Ответственность за акцию взяли на себя две религиозно-политические организации – Исламский джихад и Самоубийственная группа имени аль-Хусейна – силы Абу-Араба.) Наблюдатели связывают захват в качестве заложников двух западногерманских граждан в январе 1987 г. в Бейруте с арестом Мухаммада Хамаде и его брата Аббаса в ФРГ. Похитители американского журналиста Чарльза Гласса одно из условий его освобождения также связывали с Мухаммадом Хамаде: они требовали не передавать его властям США.

24 июня представитель ООП в ФРГ Абдалла Франджи высказал мнение, что отказ ФРГ передать Мухаммада Хамаде американским властям «дает новые надежды двум западногерманским заложникам». Духовный руководитель шиитской организации Партия Аллаха Мухаммад Хусейн Фадлялла в интервью журналу «Шпигель» заявил, что западногерманские заложники, содержащиеся в Бейруте, «могут быть освобождены быстрее, чем другие».

В тот же день освобожден Али Осейран, захваченный ранее боевиками Партии Аллаха. Чарльз Гласе не был освобожден, и его имя пополнило список неарабских заложников исламских НРПО, в котором фигурируют американцы, французы, англичане, граждане ФРГ, ирландец, итальянец, гра-

жданin Южной Кореи, индиец. (За время гражданской войны в Ливане противоборствующие группировки захватили в качестве заложников и 2200 ливанских граждан.)

В тот же день в Бейруте было совершено покушение на члена исполкома организации АМАЛЬ, ответственного за вооруженные формирования, Акля Хамийю. Наблюдатели связывают покушение с борьбой как внутри руководства АМАЛЬ, так и между этим движением и Партией Аллаха.

29 июня в г. Медеа (АНДР) во время процесса над 202 членами группы Мустафы Букиали прокурор потребовал для семи подсудимых применения смертной казни, для троих – пожизненного тюремного заключения, для остальных – различных сроков заключения (от 5 до 20 лет). В тот же день в г. Алжире во время перестрелки с полицией был убит Джаафар Беркани, фундаменталист, которого государственный обвинитель предлагал заочно приговорить к смертной казни. 10 июля суд издаст следующий приговор: четверо обвиняемых приговорены к смертной казни, 15 оправданы, остальные осуждены на разные сроки тюремного заключения (от года до пожизненного).

30 июня французская полиция начала блокаду иранского посольства в Париже и проверку документов всех выходящих из него. По имеющимся у нее достоверным сведениям, в здании посольства находился Вахид Горджи, сотрудник иранского дипломатического представительства. Он отказывался явиться в суд в качестве свидетеля по делу о террористических акциях в Париже осенью 1986 г. (Об ответственности за них заявили две организации – Комитет солидарности с арабскими и ближневосточными политическими заключенными и Сторонники права и свободы.) Наблюдатели высказывают предположение, что обострение отношений между Францией и Ираном может негативным образом сказаться на судьбе французских заложников, находящихся в руках проиранских ливанских НРПО.

30 июня или 1 июля, по сведениям кувейтской газеты «Аль-Анба», в Иране умер Терри Уэйт.

Глава 2. Организации особого рода

С.74-88. От «дна» до «вершины»

Почему в странах Ближнего Востока в 70–80-е годы возник феномен НРПО, являющийся одним из организационно-политических проявлений роста фундаменталистских настроений?

Ответы предлагаются разные. Наиболее распространенный, особенно в западных и арабских публикациях, заключается в том, что арабо-израильская война 1967 г., которая, как известно, закончилась с негативными для арабов результатами, стала своего рода социально-психологическим шоком для населения арабских стран. Этот шок и привел-де к разочарованию в идеалах светского национализма, вызвал вспышку религиозности, заставил обратиться к исламу как «вечному духовному прибежищу»^[1]. Доля правды в подобных рассуждениях, видимо, присутствует. Но нельзя не заметить и того, что, скажем, несомненный успех египетских войск в октябрьской войне 1973 г. не привел к упадку НРПО в этой стране.

Иные исследователи и политические комментаторы в качестве одной из решающих, если не главной причины указывают влияние на арабские страны иранской революции 1978–1979 гг., руководство которой смогли перехватить религиозные деятели. Это влияние отрицать не приходится, но остается открытым вопрос о причинах вспышки фундаментализма в самом Иране...

Правы те ученые, которые объясняют рост воздействия ислама на политическую жизнь мусульманских стран зарубежного Востока (включая и сам Иран) специфическими социально-экономическими условиями этих стран, сложившимися именно в последние полтора-два десятилетия. Академик Е.М.Примаков указывает в качестве таких причин: историческое несоответствие между ростом товарно-денежных отношений, масштабами отделения производителя от средств производства, с одной стороны, и возможностями объединения их с новыми средствами производства на капиталистической основе – с другой; более быстрый процесс политизации масс по сравнению с темпами социально-экономического развития зарубежных стран распространения ислама; отождествление ислама с национализмом, свойственное значительным массам участников национально-освободительного движения, а также антиисламский облик, который принимал рост агрессивности империализма США и экспансионизма Израиля на Ближнем Востоке; крах идиллических представлений о возможности преобразования бывшего колониального или полуколониального общества на основе западных «моделей», что особенно резко проявилось именно на рубеже 70–80-х годов, а также некоторые трудности и внутренние противоречия социалистической ориентации, которые наряду с ее несомненными успехами вызвали известное разочарование, особенно в мелкобуржуазных слоях. Эти факторы наложились на устойчивое традиционное влияние ислама. Немалую роль здесь играло и

прямое или косвенное поощрение религии со стороны практически всех арабских режимов, стремившихся использовать религию в качестве удобного инструмента воздействия на массы[2].

При рассмотрении истории и деятельности НРПО в арабских странах привлекает внимание то обстоятельство, что эти организации – явление городское. Здесь, как нам представляется, из клубка запутанных научно-теоретических и практическо-политических проблем НРПО выглядывает своего рода кончик нити, потянув за которую, можно попытаться размотать весь клубок.

Нынешний этап развития человеческой цивилизации характеризуется взрывообразным ростом городских поселений, призванных быть промышленными, политическими и культурными центрами. Примечательно, что своего рода «эпицентр» урбанизации находится не в промышленно развитых, а в развивающихся странах. Уже сейчас в городах развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки проживает столько людей, сколько и во всех городских поселениях в промышленно развитом мире. К 2000 г. на Земле будет существовать 414 городов с населением более 1 млн человек, из них 264 вырастут в развивающемся мире. Каждый из 54 мегаполисов начала XXI в. заселят более 10 млн жителей. Большинство их сформируется в азиатских, африканских и латиноамериканских странах. В громадных поселениях «третьего мира» станут проживать 75% горожан земного шара. Уже сейчас многие города Востока обогнали в своем росте европейские центры цивилизации. Например, по данным на 1987 г., в Каире насчитывалось 10 млн жителей, а к 2000 г. их станет 15 млн[3].

Урбанизация в развивающихся странах имеет ряд специфических черт. Прежде всего в развивающихся странах для мегаполисов характерно наличие трущобных «поясов нищеты». В середине 70-х годов в этих странах от 25 до 90% населения городов жили в трущобах, бидонвилях, скваттерских поселениях. В Аммане (Иордания) эта доля составляла 17, а в Касабланке (Марокко) – 70%. И не только трущобы являются прибежищем бедняков. Например, в Каире 200–250 тыс. человек живут на кладбищах – в склепах и т.п.[4] И если городское население в этих городах увеличивалось в среднем на 4% в год, то трущобы давали 12% годового прироста. Иными словами, рост городов в рассматриваемом регионе мира идет в первую очередь за счет разбухания трущобных районов.

Следующая особенность урбанизации в развивающихся странах состоит в том, что население городов увеличивается не только и не столько за счет естественного прироста (а он немалый!), сколько за счет мигрантов из деревни, которые составляют от 30 до 70% прироста городского населения. Например, в 70-е годы выходцы из деревни составляли 56% населения Каира и были в основном безработными, прислужкой, сторожами, уличными разносчиками, чистильщиками обуви[5]. Что же влечет деревенских жителей в город? Это и аграрное перенаселение в сельской местности, и возможность преуспеть в городе, и более высокий жизненный уровень горожанина, поль-

зующегося рядом льгот, недоступных сельскому жителю, например субсидируемыми продуктами и товарами первой необходимости...

Но не всем надеждам новоиспеченных горожан суждено сбыться. Город в развивающихся странах – это место, где основная масса трудоспособного населения не работает, а ищет работу или делает вид, что работает. Безработица, недозанятость, полужанятость, псевдозанятость – такими понятиями характеризуют исследователи состояние значительной части городского населения. Если общая численность экономически активного населения в развивающихся странах в 1985 г. составляла около 886 млн человек, то количество безработных равнялось в тот же период 450 млн человек[6]. Правда, по сведениям Международной организации труда (МОТ), на май 1987 г. эта цифра стала несколько меньше и составила 390 млн человек[7].

Нищета – удел подавляющего большинства городского населения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В 1975 г. например, ниже черты бедности находилось 770 млн человек[8]. 20% населения развивающихся стран, в том числе городского, страдает от голода.

Влияние так проходящей урбанизации на социальную структуру развивающихся обществ проявляется прежде всего в том, что разрастаются самые обездоленные слои – пауперы и люмпены. Пауперы – это дошедшие до нищенского состояния различного рода мелкие хозяйчики, безработные, полубезработные временные работники, а также члены их семей. Им присуще крайне тяжелое экономическое положение, жизнь на грани бедности или ниже ее границы. С пауперами соседствуют – и в социальной структуре, и по месту жительства в трущобах – люмпены. Это лица, подвергшиеся продолжительному и уже необратимому деклассированию, – попрошайки, воры, контрабандисты, проститутки и т.п. Пауперы и люмпены – большая и постоянно растущая в абсолютном и процентном отношении группа населения в развивающихся странах. В настоящее время они составляют от 1/5 до 1/3 городского населения[9].

К пауперско-люмпенской группе населения примыкают другие низшие городские слои – мелкие торговцы, предприниматели, ремесленники, низшие служащие. Очень часто не представляется возможным провести четкую границу между пауперами и теми, кто относится к этим, более «преуспевающим» слоям социальной пирамиды. Что скажет читатель о «торговце», товар которого – десяток коробков спичек или бывшие в употреблении лезвия для бритвы? Или о «самостоятельном предпринимателе», являющемся в действительности чистильщиком обуви или точильщиком ножей. «Служащий» нередко оказывается привратником, живущим на чаевые... А ведь именно под такими наименованиями эти обездоленные часто фигурируют в статистических сборниках. Фактически же они и им подобные представляют собой скрытых безработных, постоянно поставляют человеческий материал для пауперства и люмпенства. Их неумолимо тянет к себе социальное «дно» деклассирования.

Пауперизация и деклассирование угрожают низшим, да и не только низшим, слоям мелкой буржуазии. Рост современного сектора в экономике

(добывающие, перерабатывающие отрасли, энергетика) на первых порах не привел к полному исчезновению сектора традиционного, а только заставил его видоизмениться. Первоначально индустриализация вызвала к жизни буквально безбрежную мелкобуржуазную стихию – массу мелких и мельчайших мастерских, контор, лавок, складов и т.п. Там занимались ремонтом, обслуживанием, закупкой, доставкой и сбытом продукции более крупных предприятий, производством запчастей, удовлетворением разнообразных потребностей быстро растущего городского населения в питании, одежде, бытовых услугах. Весь этот обширный участок экономической активности вырос на издавна существовавшем кустарно-ремесленном производстве, на традиционной для Востока разветвленной сфере розничной торговли и услуг. Но в современных социально-экономических условиях для большинства представителей мелкобуржуазных слоев уготована в лучшем случае судьба пролетария, чаще – безработного, паупера. Что это означает, понятно всякому, кто видел окраины Каира, Бейрута и подобных крупных городов. Это «пояса нищеты», состоящие из хижин, построенных из кусков фанеры, картона и тому подобных материалов, случайные заработки и существование без надежды на лучшее.

...Пройдем по рынку в каком-нибудь арабском городе. Он – символ и средоточие традиционных, унаследованных едва ли не от средневековья форм экономической активности. Купцы, держащие оптовую торговлю, и здесь же – мелкие торговцы в розницу или вразнос, нередко случайным, а то и контрабандным товаром; ремесленники, изготавливающие ручным способом домашнюю утварь, одежду и украшения; чайханщик, все имущество которого – колченогий стол, мятый чайник да несколько щербатых чашек; писарь, сочиняющий всем желающим послания и прошения; меняла со своим переносным лотком и складным стулом – вот люди, которых мы увидим. Многие из них живут на грани разорения, с трудом сохраняют видимость материального благополучия. Еще больше тех, которые не могут поддерживать даже эту видимость. Они согласны на все ради куска хлеба для себя и для своего, нередко большого, семейства.

Особую группу «потенциальных пауперов» в городах развивающихся стран составляет молодежь. К началу 80-х годов в развивающихся странах уже насчитывалось 35 млн молодых безработных. (Не все молодые безработные учитываются в статистических обзорах, так как значительная их часть находится на иждивении старших родственников.) Сохраняется и постоянно увеличивается разрыв между притоком молодежи на рынок труда и созданием дополнительных рабочих мест. Низшие слои города «молодеют»...

Наряду с общими для всех развивающихся стран факторами роста пауперов и люмпенов на Ближнем Востоке существует специфический фактор, неизмеримо усиливающий процесс пауперизации и деклассирования в ряде стран. Речь идет об антигуманной и близорукой политике экстремистских кругов в руководстве Израиля. Агрессивные акции против соседних арабских стран приводят к увеличению количества лишенных крова и средств к существованию беженцев. Так, после захвата территорий на юге

Ливана в 1978 г. (сейчас там существует израильское марионеточное образование – «Свободное государство Южного Ливана») в Южный Бейрут ушло примерно 250 тыс. человек (преимущественно шиитов)[10]. А за период с 1976 по 1984 г. лишились крова и покинули родные места 1 млн 250 тыс. ливанцев[11]. И это, напомним, при общем населении страны, равном 3 млн человек. До настоящего времени ливанский кризис не урегулирован и количество беженцев не уменьшается, а возрастает. Более того, многие из живущих в этой стране становятся беженцами во второй и третий раз в своей жизни. Израильская агрессия 1982 г. вынудила покинуть южные районы Ливана 175 тыс. палестинцев, переселившихся туда в 40-е и 60-е годы[12]. Миграции больших масс беженцев приводят к обострению безработицы: по разным данным, в стране остается без работы от 35 до 50% самодеятельного населения.

Что касается оккупированных территорий, то пауперизация и деклассирование их арабского населения прогрессируют с фантастической скоростью. Изгнание арабов с земли, конфискация или выкуп под силовым нажимом принадлежащих им участков, дискриминация при найме на работу, малые шансы получить образование и т.п. – все это характерно для Западного берега р. Иордан, сектора Газа, Голанских высот. Одним из их результатов становится рост безработицы среди взрослого арабского населения, которая, например, в секторе Газа в 80-е годы достигла 65%.

Мировоззренческо-институциональная надстройка рассматриваемых слоев (их идеология и формы организации) неоднородна, как неоднородны сами эти слои. Сразу отметим, что значительная часть этих слоев практически исключена из сферы политики, будучи занята поиском элементарного пропитания. Некоторая часть пауперов, люмпенов и других низших слоев ударяется в левацкий экстремизм. Но в несравнимо больших масштабах эти слои подвержены влиянию традиционалистских, в первую очередь религиозных, идей.

Влияние традиционализма на низшие слои городского населения в странах Востока недостаточно было бы объяснять только тем фактором, что подавляющая их часть – выходцы из деревни. Дело еще и в том, что очень редко речь идет об изолированных друг от друга людях, об «атомизированных» индивидах, перебирающихся в город из сельской местности. Как переход из одной среды обитания в другую, так и «вращание» в новую, городскую среду происходят с использованием сложившихся традиционных каналов и структур – земляческих, этнических, религиозно-общинных и подобных им. Эти связи и структуры характеризуются «топографической определенностью»: представители одних и тех же групп заселяют определенные части городских трущобных районов. Так, шиитские беженцы с Юга Ливана поселялись преимущественно в Южном Бейруте, палестинские беженцы шли в уже существовавшие лагеря, которые также объединяли представителей одних и тех же районов, часто – оккупированных еще в 1948 г. «Практический традиционализм» нередко является единственным условием сохранения

самого существования пауперов: традиционная группа становится якорем спасения, который судьба бросает попавшему в беду безработному и его семейству. Естественно, такого рода традиционализм реализуется в конкретных формах – в соответствии с религиозной или сектантской принадлежностью той или иной группы. И одна из причин роста влияния «исламского фактора» в арабских странах как раз и заключается в том, что ислам – конкретная форма религии пауперско-люмпенских масс и других низших слоев города, постоянно растущих в количественном отношении. Можно только согласиться с Р.Г.Ландой, который видит «непосредственную связь между темпами урбанизации и роста количественной массы городских низших слоев стран Ближнего Востока и Северной Африки, с одной стороны, и подъемом волны исламизма в этих странах – с другой»[\[13\]](#).

Было бы наивно полагать, что традиционные структуры целиком воспроизводятся в городе и полностью выполняют функцию интеграции мигрантов в городских условиях и амортизации того негативного влияния, которое эти условия оказывают на представителей низших слоев, принадлежащих к одной традиционной группе (чаще всего – религиозно-общинной). Само развитие капиталистических отношений – а именно оно в конечном счете и является одной из главных причин рассматриваемых процессов – исключает существование традиционных связей в прежней, «догородской» форме. (Мы уж не говорим о том, что подобные связи разрушаются и в деревне, хотя это и происходит в меньших масштабах.) Жестокая борьба за выживание, погоня за деньгами, имущественное расслоение – эти и другие факторы, порожденные самими условиями существования, приводят к тому, что традиционные связи и структуры оказываются не в состоянии выполнить свою интегрирующую и «амортизационную» роль. Это накладывает отпечаток и на мировоззрение низших городских слоев.

Отчаяние и безнадежность свойственны пауперам и прочим наиболее обездоленным группам горожан. Страх перед разорением и нищетой присущ постепенно опускающимся на «дно» мелким собственникам, низшим служащим. Не находит своего места в обществе молодежь. Бесперспективность, безнадежность существования в сложившихся социально-экономических условиях – таков общий знаменатель того социально-психологического состояния, в котором пребывают большие группы населения в развивающихся странах Ближнего и Среднего Востока.

От обреченности – к неприятию мира – таков путь, который проходят многие представители низших городских слоев. Они действуют здесь как «традиционалисты вдвойне». С одной стороны, они выступают против общественных условий, которые приводят их к окончательному разорению, толкают людей в болото пауперизации и деклассирования. Необразованность и политическая неискренность в соединении со стремлением отомстить за свои страдания первому попавшемуся – эти и другие факторы приводят к тому, что их стихийный протест выливается в погромы, обращается против овеществленных символов роскоши – ресторанов, отелей, шикарных магазинов и т.п. Часть городских низов, объединившись в экстремистские группы,

совершает «уход» от мира – в горы, пустыню. Некоторые вступают в тайные объединения боевиков.

Здесь традиционалистский протест оборачивается и своей «теоретической» стороной. Такому неуютному миру противопоставляется идеализированная картина раннего ислама (периода пророка Мухаммада и «праведных» халифов, т.е. VII века). «Золотой век» ислама изображается как царство равенства, благополучия, взаимопомощи между мусульманами. Главным политическим лозунгом НРПО, как объединений низших городских слоев, становится призыв к установлению «истинно исламской власти», которая призвана восстановить якобы существовавшую когда-то и ныне утраченную гармонию.

Рассматривая этот специфический протест городских низов, уместно вспомнить слова В.И.Ленина, сказанные им по поводу непролетарских антикапиталистических идей (феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм и т.п.): «...Не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме “стоит в обратном отношении к историческому развитию”»[\[14\]](#). В противном случае можно впасть в ошибочные оценки как такого протеста, так и его институционализированных форм как «революционных», хотя речь здесь идет именно о специфической форме традиционализма.

Второе, дополнительное «измерение» традиционализма низших городских слоев проявляется в том, что их протест вызывает и нарастающая неспособность традиционных связей и структур, перенесенных в городские условия, обеспечить им хотя бы относительно стабильное в социально-экономическом отношении существование. Этот процесс естественного ослабления и распада традиционных отношений также воспринимается как отступление от установлений «истинной религии». И здесь, как и в первом случае, панацея видится в восстановлении идеализируемой первоначальной чистоты ислама, в возвращении к тем условиям, в которых мусульманская община якобы жила когда-то.

Подобный тип религиозно-политического сознания М.Т.Степанянц характеризует как возрожденчество, относя его к такому направлению в мусульманстве, сторонники которого призывают к восстановлению и реализации в современной жизни конкретных положений и институтов раннего ислама. Возрожденчество связывается с представлениями и устремлениями ремесленников, мелких торговцев, городских низов и т.п.[\[15\]](#)

Выводы, сделанные при рассмотрении городских низов, а также «потенциальных пауперов» (учащейся молодежи, мелкой буржуазии, других средних слоев) как питательной социальной среды, в которой возникают исламские НРПО, подтверждаются и, к сожалению, неполными, статистическими данными. Из всех арестованных в 1981 г. участников египетской организации Священная война примерно половина – учащиеся. Вторая половина (принимаемая за 100%) состоит из ремесленников и торговцев (40,87%), низших служащих и школьных учителей (24,1%), представителей свободных профессий (16,78%), военных и полицейских (8,75%), безработных (5,1%),

крестьян (4,3%)[\[16\]](#). Среди арестованных 75 членов экстремистской группировки Самавиты в Египте (осень 1986 г.) – девять учащихся, один врач, три инженера, три учителя, шесть военнослужащих. Остальные – мелкие ремесленники (водопроводчики, плотники, маляры). Сам руководитель группы Абдаллах ас-Самави – торговец медом[\[17\]](#).

В классической работе английского ученого Р.Митчела о религиозно-политической оппозиции в Египте приводятся схожие данные. В списке разыскиваемых египетскими органами безопасности «братьев-мусульман» в 1954 г. фигурировали 3 адвоката, 3 армейских и 1 полицейский офицер, 12 служащих, 13 учителей, 1 врач, 1 архитектор, 1 инженер, 1 бухгалтер, 1 журналист, 38 учащихся, 15 студентов религиозного учебного заведения Аль-Азхар, 1 солдат, 13 мелких служащих, 9 рабочих, 4 сапожника, 2 булочника-кондитера, 1 слесарь-механик, 1 крестьянин, 12 безработных[\[18\]](#).

Примечательная закономерность вырисовывается и при изучении возрастного состава членов НРПО. 81,5% всех арестованных в 1974–1977 гг. в Египте активистов этих организаций составляли учащиеся и студенты, возраст которых колебался между 17 и 26 годами[\[19\]](#). Средний возраст членов Партии призыва, представших перед судом по делу о взрывах в Кувейте (декабрь 1983 г.), был 28 лет, арестованных самавитов (75 человек) – 26 лет[\[20\]](#). То, что молодежь идет в экстремистские НРПО – следствие не только и не столько ее неискренности в политике, сколько ощущения бесперспективности собственного существования без радикального изменения общественных отношений. Проведенное летом 1987 г. египетским социологом А. аль-Гинди исследование настроений студентов-мусульман Каирского и Хелуанского университетов показало, что 69% опрошенных не надеются после окончания учебы получить подходящую работу. При этом 83% студентов заявили, что лучший путь к достижению социальной справедливости – введение в стране исламских законов шариата[\[21\]](#).

Теперь мы должны рассмотреть один из присущих НРПО парадоксов. Приведенные выше соображения о социальной базе исламских НРПО свидетельствуют не только об условиях, благоприятствующих созданию подобных организаций. Они свидетельствуют и о серьезнейших препятствиях к их созданию. Перечисленным социальным группам, которые и составляют социальную базу НРПО, не хватает именно того, что является непременным условием существования этих организаций, – денег. Денег для выплаты руководителям организаций и нигде не работающим боевикам. Денег для публикации пропагандистской литературы (распространяемой, как правило, бесплатно). Денег для приобретения и раздачи традиционной исламской одежды, которая стала едва ли не униформой членов НРПО. Денег для покупки оружия и боеприпасов. Денег – мало ли еще для чего...

Однако то, что НРПО располагает значительными финансовыми средствами, несомненно. Члены этих организаций распространяют литературу в дорогостоящем полиграфическом исполнении. Многим нуждающимся студентам и студенткам исламские НРПО бесплатно выдают одежду, «соответствующую шариату», и ежемесячно платят деньги за ее ношение. В воо-

руженных формированиях некоторых ливанских НРПО боевиков вооружают, одевают и платят им жалование, семьям погибших оказывают материальную помощь. Информированный бейрутский журнал «Аш-Шираа» сообщил, что сумма ежедневных банковских операций одной из шиитских НРПО в Ливане составляет ни мало ни много – 0,5 млн долл. [22]

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые рассматривают исламские НРПО как простой результат «солидарности и взаимопомощи» между верующими. Из нищеты многих пауперов и им подобных, сколько ее ни перемножай саму на себя, никак не получится финансовое благополучие.

Откуда же берутся деньги? Экстремистские НРПО практикуют грабежи с целью самофинансирования. Так, Аббуд аз-Зум, один из обвиняемых по делу об убийстве президента А.Садата, сознался в том, что часть необходимых их группе финансовых средств была получена в результате грабежей во время погромов, учиненных ими в домах христиан в каирском квартале Завия Эль-Хамра в июне 1981 г. [23] Члены египетской организации Священная война на процессе 1982 г. обвинялись в убийстве с целью грабежа нескольких христианских ювелиров в провинциях Кана и Шабра Эль-Хайма. Захваченные таким путем деньги использовались для покупки оружия [24].

Часть финансовых средств поступает от родственных организаций. Например, упоминавшаяся Священная война получила 10,4 тыс. западногерманских марок от одного из руководителей сирийских «братьев-мусульман» Исама аль-Аттара, живущего в ФРГ, 1 тыс. долл. от Салима Аззама, главы «исламского совета» в Лондоне [25]. По некоторым сведениям, часть финансовых средств поступает из Ирана. В частности, в банке «Швейцарский кредит» в Цюрихе есть счет на имя Всемирного исламского движения, которое, как утверждает газета «Интернешнл геральд трибюн», финансирует проиранские организации в арабском мире, среди которых – ливанская Партия Аллаха. На этот же счет поступают, если верить этой газете, и выкупы за заложников экстремистских шиитских НРПО [26].

Эти финансовые источники нельзя сбрасывать со счетов. Но значительно более важным фактором самого существования НРПО как действующих политических организаций, нуждающихся в постоянном притоке средств, является то, что в наиболее влиятельных из них представлена буржуазия, в том числе крупная и крупнейшая. Так, среди 18 самых богатых семейств Египта 8 семей миллиардеров (Аш-Шариф, Ан-Наджжар, Ас-Саад, ар-Рийян и др.) традиционно принадлежат к организации «Братья-мусульмане» [27]. Хорошо известно, что представители шиитской буржуазии, состоящей в основном из ливанских эмигрантов, обогатившихся в странах Африки, играют большую роль в руководстве ряда НРПО в Ливане, прежде всего в движении АМАЛЬ [28].

Странность ситуации (соединение в рамках одних организаций, казалось бы, несовместимых элементов – нищих и богачей, эксплуатируемых и эксплуататоров) объясняется в первую очередь тем, что «обеспечение формирования и роста отдельных слоев буржуазии (в странах Востока. – А.И.) протекало и протекает через использование традиционных институтов, всей

их материальной, политической и духовной силы»[\[29\]](#). Так происходит потому, что в странах Ближнего Востока отдельные группировки и слои буржуазии, распределенные географически или по сферам приложения капитала, обладают, как правило, особыми этническими, религиозными, религиозно-общинными признаками. Борьба отдельных групп буржуазии за «место под солнцем» нередко принимает форму борьбы между «правоверными» и «иноверцами». Достаточно показательным в этом отношении стремление отдельных слоев нарождавшейся арабской буржуазии (например, в Египте, Сирии) в конце XIX – начале XX в. вести борьбу против засилья иностранного капитала под лозунгами борьбы мусульман против «христианского колониализма». Примерами политического выражения партикулярных интересов различных религиозно-общинных отрядов ливанской буржуазии могут быть основание в 1934 г. христианской организации Ливанские фаланги (Аль-Катаиб аль-любнанийя) и создание в том же году мусульманской партии Надждада (Взаимопомощь). Среди недавно возникших организаций характерна в этом отношении уже упоминавшаяся организация АМАЛЬ, которая в значительной степени выражает стремление шиитского отряда ливанской буржуазии создать для себя благоприятные политические и правовые условия для борьбы не только против маронитской буржуазии, но и против других отрядов мусульманской (например, суннитской, друзской) буржуазии.

И некоторая странность подобных организаций, а именно наличие в их рядах и нищих, и миллионеров (а то и миллиардеров), объясняется наличием общего противника на данном, конкретном этапе развития. Для АМАЛЬ, скажем, это маронитская буржуазия, к которой питают одинаково враждебные чувства и «дно» шиитской общины, и ее «вершина». Это, в значительной степени противоестественное, единство объясняется еще и тем, что для традиционных отношений в ближневосточных странах характерны взаимоотношения типа «патрон – клиент». Они – одна из характеристик традиционализма. Подобная система отношений в рамках земляческой, этнической, религиозно-общинной группы позволяет патрону (богатому и влиятельному общиннику) манипулировать (в том числе и в политических целях) своими значительно менее состоятельными родственниками, соплеменниками, земляками и эксплуатировать их под прикрытием отношений кровного родства либо религиозной или иной общности. Но в экстремальных ситуациях (потеря работы, болезнь и т.п.) клиенты получают помощь от патрона (им может быть и целое семейство, клан, а не один человек)[\[30\]](#). Более того, часть средств, поступивших за счет эксплуатации трудящихся – представителей других традиционных групп или из иных источников, может распределяться среди «своих».

Буржуазное руководство крупных НРПО делает все для того, чтобы убедить и членов самих этих организаций, и всех окружающих в том, что они, эти организации, являются единственным средством религиозно-общинной «самообороны» от «чужаков». Культивируется чувство ненависти ко всему, что отличается от стереотипов, укоренившихся в сознании членов НРПО. В одной куче нередко оказываются христиане, коммунисты, сиони-

сты, атеисты и не только они, но даже и члены других мусульманских сект. Все социальные противоречия переводятся на язык религиозно-общинных понятий. И, скажем, «Братья-мусульмане» в Сирии объявляют «неисламской» крайнюю шиитскую секту алавитов, выходцев из которой немало в руководстве светской в своей основе правящей партии ПАСВ. Спекулируя на присущих городским нижним слоям импульсах национального и религиозного эгоцентризма, этноконфессиональной, земляческой и племенной привязанности, буржуазные группировки стремятся направить недовольство городских низов в русло национальной и племенной вражды, этнических и расовых конфликтов, шовинистических эксцессов и ксенофобии[31].

Буржуазным элементам в НРПО в отличие от плебейских свойствен другой тип религиозно-политического сознания – модернизм (его еще называют реформаторством), т.е. стремление видоизменить отдельные положения религии с тем, чтобы они оправдывали перемены в обществе, в основном в направлении капиталистического развития[32].

Не может не привлечь внимания то обстоятельство, что среди арестованных или разыскиваемых членов НРПО редко можно встретить тех, кто, казалось бы, должны быть многочисленны в этих организациях, а именно представителей духовенства. Действительно, и в руководстве исламских НРПО, и в их массовой базе подавляющее большинство составляют люди, которые, как мы имели возможность убедиться, прямого отношения к религиозному комплексу (мечети, религиозные учебные заведения и т.п.) не имеют. Даже идеологи НРПО чаще всего не являются духовными лицами.

Возможность использования ислама светскими деятелями заключается в том, что интерпретация положений этой религии является прерогативой не только и даже не столько духовенства, сколько политиков, публицистов, журналистов, простых верующих. Исследователи называют ислам «неинституционализированной» религией, т.е. такой, в которой в принципе отсутствуют четкая организация духовенства (подобная, например, христианскому), руководящие органы (типа папства, патриаршества и т.п.), обязательные для всех верующих решения (типа решений соборов или папских энциклик). Всякий верующий мусульманин обладает правом высказывать свое мнение по вопросам религии – главное, чтобы оно не противоречило священному писанию – Корану и Сунне (преданиям о пророке Мухаммаде).

Что же касается религиозных деятелей, то они с большей настороженностью относятся к НРПО и к их акциям. В 30-е годы основатель ассоциации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна столкнулся с враждебным отношением к созданной им организации со стороны улемов – знатоков религии крупнейшего исламского центра Аль-Азхар. Обращаясь к ним, он с горечью говорил: «Если уж вы не желаете трудиться для Аллаха (Хасан аль-Банна подразумевал здесь участие в деятельности “братьев”. – А.И.), то потрудитесь хотя бы ради дольнего мира и куска хлеба, своего пропитания. Ведь если исчезнет в этом народе ислам, то исчезнет и Аль-Азхар, исчезнут и улемы. И вы не найдете себе ни пропитания, ни средств к жизни. Так защищайте свое существование, если уж вы не хотите защищать ислам!»[33].

Дело в том, что само социально-экономическое положение подавляющей массы духовенства превращает ее в ортодоксов. Ортодоксия – это наряду с возрожденчеством и модернизмом (реформаторством) такой тип религиозно-политического сознания, носители которого оправдывают сложившийся статус-кво, противодействуют каким-либо экономическим и социально-политическим переменам и в принципе возражают против изменений исламского вероучения – как против его «очищения» (что предлагают возрожденцы), так и против «развития» (как призывают реформаторы)[\[34\]](#). Подобная позиция в немалой степени обусловлена тем, что духовенство не утратило связей с феодальными общественными структурами. (Этим, по-видимому, объяснялась и позиция шейхов Аль-Азхара в 30-е годы.) Но, пожалуй, главная причина этой позиции («то, что существует, соответствует исламу, а тот ислам, какой существует, и является истинным») подавляющей части духовенства заключается, особенно сейчас, в том, что в странах Ближнего Востока оно выполняет служебные функции. Духовенство по своему статусу стало мало отличаться от государственных служащих: на них распространяются соответствующие пункты трудового законодательства, они получают твердую ежемесячную заработную плату и занимаются проведением в жизнь политики соответствующих режимов.

Объективная ортодоксальность духовенства противоречиво реализуется в форме оппортунизма (употребим это слово, чтобы не сказать «беспринципность») – оправдания практически любых официальных начинаний. Как отмечают сами мусульманские публицисты, религиозным деятелям свойственно политическое приспособленчество. Ведь корпорация улемов – знатоков религии «готова всегда на поддержку и принятие» изменяющихся в той или иной стране политических установок. Приведем здесь свидетельство египетского публициста Фахми Хувейди. «Если подняты знамена социализма, – пишет он, – то она заявляет, что социализм вытекает из ислама, что пророк (да помолится за него Аллах и приветствует!) был первым в истории социалистом. А если изменились условия и началась, скажем, политика открытых дверей (капиталистическая ориентация. – А.И.), то социализм объявляется атеизмом, национализация – запретной, собственность мусульманина – и средством, и целью. Если обострилась борьба с Израилем, то джихад (священная война. – А.И.) становится правом и обязанностью, а перемирие запретным. Стоит же только некоторым (имеется в виду бывший египетский президент А.Садат. – А.И.) заговорить о мире, как в мечетях с минбаров взлетают голуби мира»[\[35\]](#). А один из идеологов всеарабской организации «Братья-мусульмане», Юсуф аль-Кардави (проживает в настоящее время в Катаре), рассказал историю об одном улеме, который перед началом телевизионной дискуссии об ограничении рождаемости с точки зрения шариата спрашивал ее устроителей, какую точку зрения нужно защищать – «за» или «против» ограничения?[\[36\]](#)

Такого рода оппортунизм нередко выглядит как реформаторство, так как ортодоксальное духовенство, находящееся на службе у правящих групп,

по видимости, «шагает в ногу со временем». Но на самом деле ортодоксы стараются не вырваться вперед, а держаться позади правящих групп. Это необходимо для того, чтобы вовремя совершить маневр при изменении политического курса или смене правящей группы и тем самым сохранить свое существование в прежнем качестве. Характерно в этом отношении приведенное выше признание главного шефа-редактора египетского «Журнала Аль-Азхар»[\[37\]](#).

И хотя отношение к НРПО исламского духовенства в массе своей, казалось бы, должно быть положительным (ведь эти организации выступают за укрепление роли религии), на самом деле оно преимущественно негативное. Ведь НРПО, призывая к установлению «истинно исламской власти», ставят перед собой цель разрушить существующие государственные структуры, в которых так удобно жить улемам и шейхам, находящимся на государственной службе. К тому же, повторяем, «истинный ислам», проповедуемый НРПО, отличается от того ислама, который защищают и распространяют представители духовенства.

Но все-таки некоторая часть духовенства примыкает к НРПО. Это утверждение справедливо, например, в отношении такой организации, как «Братья-мусульмане». Есть духовные лица и в некоторых других НРПО. Отчасти такое положение можно объяснить все тем же оппортунизмом религиозных деятелей: они присоединяются к группам, у которых есть шанс приобрести реальную политическую силу в обществе. Большую роль играет здесь и то, что духовенство в качестве надстроечной группы в обществе нередко выполняет «социальный заказ» определенных классов, например буржуазии, и присоединяется к руководству НРПО, настроенных реформаторски. Нельзя сбрасывать со счетов и имущественное расслоение в самом исламском духовенстве. И в его среде есть свои богачи и свои низшие слои – странствующие «святые», аскеты-суфии, проповедники, «религиозные нищие», живущие подаянием верующих и нередко претендующие на свою интерпретацию ислама, отличающуюся от официальной[\[38\]](#).

Особую группу составляет шиитское духовенство, являющееся руководящей силой в большинстве ливанских и иракских НРПО. Его можно рассматривать как своего рода эмиссаров хомейнистского Ирана, полнота власти в котором также принадлежит пока религиозным деятелям.

При этом духовенство – и та его часть, которая сотрудничает с государством, и те немногие улемы, которые идут в оппозиционные НРПО, – стремится в первую очередь к осуществлению собственных корпоративных интересов и целей. Размышляя о роли шиитского духовенства в иранской революции 1978–1979 гг., А.Б.Резников писал: «Чьи интересы представляло оно в этой революции? Прежде всего свои, ибо шиитское духовенство вовсе не является некоей обслуживающей прослойкой, как бы нанятой тем или иным классом. Оно – мощный и влиятельный социальный слой, обладающий собственными интересами и, как оказалось, вполне способный выразить их на политическом уровне»[\[39\]](#).

Интересы различных представителей этой социальной группы сходятся в поддержке и развитии религиозного комплекса, в усилении роли религии в обществе. Повторение ситуации, сложившейся в Иране, – приход духовенства к власти на гребне революционной волны, надо думать, исключено. Иранская революция научила многому не только религиозных деятелей, но и существующие в арабских странах режимы. Однако своего рода «иранский синдром» – стремление к власти – присущ религиозным деятелям во многих странах распространения ислама.

Внутренняя противоречивость НРПО, неоднородная и, в сущности, антагонистическая социальная база, различные типы религиозно-политического сознания, присущие составным частям этой базы, традиционность структур, используемых в конечном счете в модернизаторских целях, – все это накладывает отпечаток на подобные организации. Все они подвержены частым расколам, в результате которых их количество растет лавинообразно. Этим организациям свойственны политические шатания, нанесение ударов как по институтам эксплуататорского общества, так и по прогрессивным силам. Отсутствие четких программных целей, политическая наивность и неискушенность значительной части базы НРПО приводят к тому, что в отдельных случаях подобные группы становятся удобным объектом манипулирования со стороны политических авантюристов и враждебных арабским народам сил.

[1] Саад-ад-Дин Ибрахим. *От офицера по имени Анвар ас-Садат до офицера по имени Халид аль-Ислямбули // Аль-Араби*. 1982. № 279. С. 39 (на араб. яз.).

[2] Примаков Е.М. *История одного сговора*. М., 1985. С. 248–250.

[3] *Monde diplomatique*. 1987. № 397.

[4] *Monde*. 09–10.09.1984.

[5] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. М., 1986. С. 212.

[6] *Проблемы мира и социализма*. 1987. № 4. С. 90–91.

[7] *L'Humanité*. 30.05.1987.

[8] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. С. 9.

[9] Там же. С. 206.

[10] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 26.03.1984.

[11] *Аль-Мустакбаль*. 1984. № 380.

[12] *Monde*. 09.07.1962.

[13] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. С. 210.

[14] Ленин В.И. Л.Н. Толстой и его эпоха // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 103.

[15] Степанянц М.Т. *Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв.* М., 1982. С. 11–12.

[16] Brière C., Carré O. *Islam. Guerre à l'Occident?* P., 1983. С. 156, 158.

[17] *Аль-Хавадис*. 1986. № 1559.

[18] Mitchel R.P. *The Society of the Muslim Brothers*. L., 1969. С. 328–329.

[19] Brière C., Carré O. *Islam. Guerre à l'Occident?* С. 158.

[20] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 24.01.1983; *Аль-Хавадис*. 1986. № 1559.

[21] *Правда*. 09.02.1988.

[22] *Аш-Шираа*. 20.06.1986.

[23] *Аль-Ватан аль-араби*. 24–30.08.1984.

- [24] Аль-Маджалля. 1982. № 147. С. 34.
- [25] Там же. С. 35.
- [26] *International Herald Tribune*. 19.03.1987.
- [27] Аль-Ахали. 25.05.1967.
- [28] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. С. 212.
- [29] *Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока*. М., 1985. С. 21.
- [30] *Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока*. М., 1985. С. 34–35.
- [31] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. С. 226.
- [32] Степанянц М.Т. *Мусульманские концепции в философии и политике*. С. 10.
- [33] Цит. по: Ас-Сайд Рифаат. Хасан аль-Банна. Аден, 1983. С. 85 (на араб. яз.).
- [34] Степанянц М.Т. *Мусульманские концепции в философии и политике*. С. 8–9.
- [35] Аль-Араби. 1982. № 279. С. 42.
- [36] Аль-Кардави Юсуф. *Исламское сознание: между отрицанием и экстремизмом*. Константинополь, 1983. С. 92 (на араб. яз.).
- [37] *Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки*. М., 1982. С. 220.
- [38] *Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока*. С. 132–133.
- [39] *Революционный процесс на Востоке. История и современность*. М., 1982. С. 372–373.

С.88-96. Скауты, выросшие в боевиков

Кабинет «верховного наставника» «братьев-мусульман» поражал каждого посетителя своей помпезностью. Сам Омар Тлемсани восседал в кресле с высокой спинкой, на фоне громадных очертаний материков земного шара – арены деятельности ассоциации. На необъятном столе хватало места для телефонов, селектора, стоп газет и журналов, для модели иерусалимской мечети Аль-Акса, для перекидного календаря и, естественно, для Корана. В стороне, у боковой стены размещались полки с толкованиями Корана, сборниками хадисов (высказываний) пророка Мухаммада, книгами по исламскому законоведению.

К полкам был прикреплен портрет, вызывавший неизменный интерес журналистов, с которыми так часто встречался «верховный наставник». На портрете был во весь рост изображен мужчина с черными усами и короткой черной бородкой, обрамляющей лицо. В чертах лица можно было увидеть признаки недюжинного характера: умные глаза, твердый взгляд, ироническая улыбка, едва тронувшая губы... Но привлекало не столько это, сколько странное одеяние человека. Он был одет в бриджи с обмотками, кремовую рубашку. На ногах – ботинки военного образца, на голове – красная феска. Грудь перетянута широкой зеленой лентой, на которой написано по-арабски: «Братья-мусульмане». На портрете был изображен Хасан аль-Банна – основатель ассоциации. Его не совсем обычное одеяние – принадлежность мусульманских скаутов. Именно использование скаутского движения стало одной из первых организационных форм, позволивших постепенно превратить

простую религиозную ассоциацию, каких немало было в Египте, в хорошо структурированную политическую организацию.

К использованию скаутизма Хасан аль-Банна обратился в начале 30-х годов. Он рассматривал организацию мусульманских скаутов в качестве объединения, которое могло бы взять на себя такие функции, как физическая и боевая подготовка, охрана собраний «братьев-мусульман», распространение влияния ассоциации в Египте в ходе благотворительной деятельности и участия в социально значимых делах – борьбе с неграмотностью, оказании медицинской помощи во время эпидемий холеры и малярии. Скауты продолжали существовать вплоть до конца 40-х годов, и в 1948 г. их насчитывалось 40 тыс. Исследователи считают, что из скаутов формировался так называемый «особый аппарат» – тайное боевое подразделение «Братьев-мусульман».

Хасан аль-Банна постоянно искал новые организационные формы, не отказываясь, однако, от старых. Одновременно с отрядами скаутов, объединявшими юношей и молодежь, создавались «фаланги», или «фаланги сторонников Аллаха». Это были объединения, каждое из которых включало в себя по 40 активных членов ассоциации. Они собирались вместе раз в неделю вечером и до поздней ночи должны были читать Коран, разбирать толкования коранических стихов, совместно молиться и ужинать. Тем самым устанавливались отношения солидарности между ранее незнакомыми друг с другом членами «фаланги». Их воспитывали в духе лозунга: «Труд, покорность, молчание».

С течением времени руководитель ассоциации отказался от системы «фаланг». Насколько можно судить, это было вызвано двумя причинами. Во-первых, ассоциация разрослась (по некоторым данным, к началу 40-х годов в ней насчитывалось несколько сотен тысяч членов), и трудно было управляться с отдельно существовавшими «фалангами», разбросанными по большой территории. Во-вторых, сам рост ассоциации, не говоря уж о наличии у нее явных политических целей, вызывал пристальное внимание к ней со стороны властей, и в этих условиях большие группы в 40 человек облегчали слежку за ними. Поэтому Хасан аль-Банна пошел по пути создания малых групп (первоначально по пять человек, в последующем по десять).

Эта структура, получившая название «система семейства», представляла собой своего рода пирамиду, основой которой были «семейства», состоявшие из 10 членов. Во главе «семейства» стоял избираемый им «старшина» (накиб). Четыре «семейства» объединялись в «племя» (ашира), возглавлявшееся старшиной первого «семейства». В свою очередь, пять «племен» составляли «группу» (рахт), а пять «групп» объединялись в «фалангу» (катиба), которая, следовательно, состояла из 1 тыс. человек. В руководстве ассоциации был специальный «отдел семейств», подчинявшийся непосредственно Хасану аль-Банне.

Основой работы «братьев-мусульман» стали, особенно после 1943 г., именно «семейства». В их задачу входило поддержание прочной связи между членами ассоциации. Они устраивали еженедельные собрания – по очереди у каждого члена «семейства», в доме которого они вместе молились и остава-

лись на ночлег. «Семейство» создавало денежный фонд из пожертвований своих членов, пятая часть которого передавалась более высокой ступени организации, а остальные четыре пятых расходовались на помощь членам «семейства». «Семейства» остались базовой ячейкой организации до настоящего времени. Сохранилась и ее пирамидальная структура (организационная структура на конец 80-х годов показана на с. 90).

Во главе «Братьев-мусульман» стоит «верховный наставник» (аль-муршид аль-амм). В 1928–1948 гг. им был сам основатель движения Хасан аль-Банна, в 1951–1973 гг. – аль-Худайби, в 1974–1985 гг. – Омар Тлемсани[1]. После смерти Омара Тлемсани в 1986 г. четвертым «верховным наставником» ассоциации «Братьев-мусульман» стал Мухаммад Хамид Абу-н-Наср, 1920 г. рождения (по традиции, руководителем ассоциации становится самый старый человек в руководстве). В организацию «Братьев-мусульман» он вступил в 1934 г., а уже в 1939 г. стал членом «Генерального бюро ориентации» – высшего руководящего органа ассоциации. В 1954 г., в период резкого обострения отношений между египетскими «братьями» и насеристским руководством, был осужден на пожизненные каторжные работы и провел в тюрьме 18 лет. Был освобожден из тюрьмы в 1972 г. – в рамках мероприятий нового, садатовского руководства Египта, направленных на улучшение отношений с «братьями-мусульманами».

Первый «верховный наставник», будучи основателем организации, естественно, не избирался. Второй и третий – избирались на съездах (соответственно на IX съезде в октябре 1951 г. и на XI съезде в 1974 г.). Принимая во внимание временные «разрывы» (1948–1951, 1973–1974 гг.), можно заключить, что съезды скорее утверждают «генерального наставника» в этой должности, чем избирают его.

«Генеральному наставнику» помогает исполнительный орган – «Генеральное бюро ориентации» (Мактаб аль-иршад аль-амм), члены которого, числом 10–20 человек, назначаются самим «наставником». После XI съезда (1974 г.) в «Генеральное бюро» вошли, в частности, Мухаммад Газали – известный публицист и один из теоретиков «братства», утверждающий, правда, что он был исключен из организации еще в 1954 г.[2], Юсуф аль-Кардави – еще один теоретик «братьев-мусульман», проживающий в Катаре, Салих Ашмави – один из основателей «братства» (умер в 1983 г.), Абд-ар-Рахман Халифа – руководитель иорданских «братьев-мусульман».

«Генеральная консультативная ассамблея» (Маджлис аш-шура аль-амм), состоящая из 150 членов, как следует из ее названия, обладает консультативными функциями и созывается раз в год.

К «Генеральному руководству» относится и «Учредительная ассамблея» (100–150 членов), которая состоит из «исторических» основателей движения и кооптируемых «генеральных инспекторов» (аль-муракиб аль-амм) – руководителей «братьев-мусульман» в разных странах.

Секретариат, имеющий своего генерального секретаря, играет служебную роль по отношению к «генеральному наставнику» и «Бюро ориента-

ции». «Наставник», «Бюро ориентации» и руководящая часть секретариата образуют «Генеральный центр» (Аль-марказ аль-амм) организации.

Техническими службами «Генерального центра» являются специализированные «бюро» (пропаганды, труда, по делам крестьянства, студенчества, связей с исламским миром, физической культуры, прессы и переводов и др.) и «комитеты» (финансовый, политический, правовой, статистический, хозяйственный и др.).

На местах «братья-мусульмане» объединены в «семейства» (усра), «секции» (шуаба), региональные «бюро» (мактаб).

Особой проблемой является наличие у ряда НРПО, в том числе и у «братьев-мусульман» в прошлом, своего рода двойного дна, двух организаций – явной и тайной. Порой они имеют даже разные названия. Существование тайной организации, несомненно, создает для НРПО дополнительные возможности маневра, смены форм и методов деятельности при изменении обстановки. Но тайная организация может сыграть и роковую роль, так как уже само ее наличие – свидетельство враждебности по отношению к государству, подготовки против него вооруженных акций[3]. И государство в этом случае может осуществить соответствующие превентивные акции. К тому же тайной организации, о которой мало что известно простому человеку, можно приписать какие угодно грехи. В этом одна из причин того, что руководитель египетских «братьев-мусульман» отрешивается от тайной организации (ат-танзим ас-сирри) 40–50-х годов, считая, что ее члены «совершали глупости», и категорически выступает против насильственных методов[4]. Тем самым внушается, что тайной организации, существующей наравне с легальной, у «братьев-мусульман» нет... Да, не существует достоверных сведений о наличии у «умеренных» «братьев-мусульман» Египта тайной организации, в задачу которой входит осуществление террористических акций и боевых действий. Но она может быть развернута в случае необходимости – в опоре на спортивные группы на местах, руководимые бюро физической культуры[5].

Что касается «братьев-мусульман» в Судане, то они, по свидетельству суданских коммунистов, попытались воспользоваться организационным опытом Суданской коммунистической партии[6] и построили свое «братство» по производственному (профессиональному) и территориальному принципам. Оно представляет собой профессиональные объединения – торговцев, учителей и т.п. либо организаций на местах работы, учебы или жительства. Объединения организованы в пирамиду, начиная от «семейства» (усра) на уровне квартала, через «секцию» (шуаба) на уровне городского района или деревни (иклим) до «бюро» (мактаб) на уровне большой области или провинции (минтака). Провинциальные «профессиональные бюро» подчиняются центральному «профессиональному бюро» (например, «Центральному бюро учителей»), которое вместе с другими бюро входит в центральное руководство. В него входят также специализированные бюро: по общественным вопросам, культуры, пропаганды, «мобилизации» (вербовки новых членов),

публикаций, по работе с женщинами, бюро по работе с суданцами, живущими за рубежом, исследований и т.д.

Бюро, в свою очередь, может подразделяться на «управления» (идара). Например, «бюро по общественным вопросам» включает в себя управление мечетей, управление общественных организаций, управление физической культуры, управление делами «братьев» (оказание материальной помощи и т.п.).

Относительно самостоятельную структуру имеет молодежное крыло суданских «братьев-мусульман» – объединение Исламская тенденция (Аль-Иттиджах аль-ислямий)[7], члены которого пополняют ячейки описанной выше структуры при переходе в иную возрастную категорию. (Правда, суданские «братья-мусульмане» сетуют на большой отсев из ассоциации бывших учащихся.)

Известный египетский публицист Мухаммад Хасанейн Хейкал считает, что возникшие в Египте во второй половине 70-х годов исламские группы (джамаат ислямийя), действовавшие в студенческой среде, изыскали для себя новую организационную структуру, состоящую из ячеек, – «виноградную гроздь». Ее особенность заключается в том, что отдельные члены организации подобны виноградинам, которые объединяются в группки («ячейки»), а те уже составляют «гроздь». Она едина и вместе с другими «гроздьями» держится на одной ветви. Тем самым осуществляется прямая связь с руководителем каждой группы. Такое строение, по мнению М.Х.Хейкала, облегчает связь и вместе с тем – изоляцию в случае провала одного или нескольких членов организации. Все движение не пострадает даже в случае «отрыва» целой «грозди». Контакты осуществляются в Мечетях, обмен информацией, директивами и отчетами производится шепотом: шевелящиеся губы как бы произносят молитву. Руководители многих групп – «гроздьев» образуют «совет» (маджлис аш-шура)[8].

В самих ячейках 5–6 человек объединяются вокруг своего руководителя – «эмира». Важно подчеркнуть, что это объединение создается на основе общности происхождения: в нем состоят студенты – выходцы из одной деревни, одного квартала, соседи, нередко родственники. С развитием и ростом групп на факультете или в университете новый «эмир» более высокого уровня контролирует 5–6 групп-ячеек. Совет состоит из наиболее влиятельных «эмиров»[9].

Египетская НРПО Обвинение в неверии и уход от мира (Ат-такфир ва-ль-хиджра) также построена по принципу «виноградной грозди». В ее руководство, также называемое «совет» (маджлис аш-шура), входят 9 членов – руководителей девяти специализированных «комитетов» (лиджан): пропаганды, административных вопросов, переселения, регулирования отношений между членами организации, размножения документов и материалов, связи и контактов, финансов, судопроизводства, брака[10].

В шиитских НРПО организационная структура отдельных организаций резко отличается одна от другой. Например, движение АМАЛЬ в Ливане хорошо структурировано. Оно имеет постоянные руководящие органы (по-

литическое бюро, исполнительный комитет), ряд специализированных бюро (военное, рабочее, студенческое, женское, медицинское и др.), региональные руководящие органы (в Бейруте, на юге Ливана, в долине Бекаа), подотчетные центральному руководству, а также подчиняющиеся воинской дисциплине военизированные отряды. Другое движение – Исламский АМАЛЬ в значительно большей степени опирается на семейные и клановые отношения в одном районе страны – долине Бекаа.

Как и другие политические организации, НРПО имеют свои знаки отличия (знаки принадлежности). Что касается знаков отличия, то в 30-е годы египетские «братья-мусульмане» попытались ввести в одежду элементы униформы и эмблематики. Так, зажиточные члены ассоциации носили на плечах некое подобие шали с вышитой на ней эмблемой – Коран и скрещенные мечи. Проповедники ассоциации пришивали к этой шали большой карман, или сумку, повисавшую на груди, и вкладывали туда экземпляр Корана. В тот же период членам ассоциации было рекомендовано на мизинце правой руки носить особый серебряный перстень-печатку – десятигранный, с изображением Корана и скрещенных мечей. В настоящее время НРПО отказались от подобных элементов в одежде, и применяемые знаки свидетельствуют в первую очередь о принадлежности к особому сообществу, члены которого и одеваются, и ведут себя иначе, чем «вероотступники».

Знаками отличия является соответствующий внешний вид: мужчины с бородками «а ля пророк» одеты чаще всего в «галлабии» – белые, длинные до пят рубахи; женщины и девушки носят «хиджаб» – закрывающий голову и плечи большой платок, а также платье до пола с длинными рукавами.

Знаки отличия могут быть самыми неожиданными. Так, члены египетских НРПО узнают друг друга по выглядывающей из кармана специальной палочке – сивак, которая служит одновременно и зубочисткой и зубной щеткой. Ни тем, ни другим фундаменталисты не пользуются, так как их изобрели «неверные», а пророк и его ближайшие сподвижники пользовались не зубной щеткой и зубочистками, а – как утверждают сами фундаменталисты – именно сиваком.

Члены экстремистских шиитских НРПО узнают друг друга в период боев по зеленой повязке на лбу.

Всякая политическая организация есть объединение индивидов, связанных регламентируемыми отношениями руководства и подчинения, разделения ролей и сотрудничества, ставящих перед собой конкретные задачи изменения или сохранения политической системы и предпринимающих для этого совместные планируемые и целенаправленные действия.

Исламским НРПО присуща выраженная и сознательно направляемая тенденция превращения в подобным образом определяемую организацию. Постоянно подчеркивается необходимость организованности. Например, суданские «братья-мусульмане» особо подчеркивают в своих внутренних документах значение организованности, заявляя, что «всякому индивидуальному действию на пользу ислама суждено исчезнуть без следа, если оно не свя-

зано с организацией, аккумулирующей энергию, идущей к намеченной цели»[11].

Как мы увидим ниже, исламские НРПО немало делают в этом направлении. Однако их нельзя считать обычными политическими организациями, не отличающимися, скажем, от «классических» политических партий. Типичная современная НРПО «не обладает ни жесткостью, ни гибкостью организации типа партии, ни свойственной партии замкнутой цепью отдачи и приема команд по иерархии, ни специализацией, разделением ролей. Это децентрализованная, неспециализированная организация, имеющая характер подсистемы в рамках общества»[12]. Говоря иначе, НРПО – это чаще всего организация со слабой, как бы размытой структурой, без четких границ. Практически все НРПО стараются создать неформальные группы взаимопомощи, кооперативы, детские ясли и сады в кварталах, иногда – в деревнях. Некоторые исследователи склонны характеризовать эти неформальные группы как «контробщество», противостоящее со своими собственными связями, отношениями, ценностными установками, социально-психологической атмосферой официальному обществу[13].

В наличии неформальных групп и самой конфессиональной среды, т.е. соответствующих религиозных общин, например суннитской в Египте, шиитской в Ливане и т.п., именно и заключается сила и слабость НРПО.

Один из их руководителей египетских «братьев-мусульман» говорил о поддержке своей организации «миллионами»[14]. Официальный представитель Партии призыва в Тегеране также вел речь о «миллионах» ее сторонников[15]. Набих Берри, руководитель ливанского шиитского движения АМАЛЬ, на вопрос о количестве боевиков организации и ее материальных ресурсах ответил: «У меня нет ни одного бойца и в то же время их у меня миллион (примерно столько насчитывается шиитов в Ливане. – А.И.). Народное согласие в нашей общине в действительности таково, что мы на месте находим бойцов, необходимых нам для каждого боя, и нам не нужно перемещать отряды... Наш финансовый источник – это народ: каждый дает что хочет, без всяких обязательств»[16].

Как видим, руководители НРПО запросто оперируют в разговоре миллионами человек. Действительно, в некоторых ситуациях религиозно-общинное окружение может оказать практическую помощь и содействие, например снабдить боевиков НРПО продуктами питания и информацией во время боев, хотя, наверное, ведение войны без перемещения подразделений – это нечто утопическое.

Но опора на такое окружение не позволяет планировать и результативно осуществлять целенаправленные политические действия. Религиозная община не может быть монолитной базой политического движения из-за ее социально-классовой неоднородности и даже внутренней антагонистичности.

Характеризуя взаимоотношения между различными НРПО в Сирии, Крис Кучера отметил, что «многие боевики с легкостью переходят из одной организации в другую, ибо чем больше удаляешься от высшего командования (сирийских НРПО. – А.И.), тем более нечеткими становятся идеологиче-

ские границы (между организациями. – А.И.)»[17]. К этому замечанию необходимо добавить, что нечеткость границ приводит к своего рода выпадению большого количества членов НРПО за пределы своих организаций. О низком уровне организованности и дисциплины суданских «братьев-мусульман» свидетельствует, например, то, что до 70% членов организации уклоняются от уплаты обязательных взносов[18].

Такая характеристика в полной мере приложима к подавляющему большинству, если не ко всем, НРПО в арабских странах. Каждую из них можно образно представить в виде пирамиды, вершина которой более или менее очерчена, а чем ближе к основанию, тем более размытыми и нечеткими становятся контуры. Ясно, что подобные объединения не могут быть достаточно эффективным орудием политического действия. Не представляется обоснованной и характеристика некоторыми арабскими исследователями[19] подобных организаций как фашистских. Исламским НРПО не хватает именно организационной жесткости.

[1] Правда, Омар Тлемсани отказывался от этого названия и именовал себя «ответственным» за «братьев-мусульман» (Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 391. С. 38).

[2] Аль-Ахрам. 03.05.1974.

[3] Именно для того, чтобы не дать режиму Г.А.Насера козырь для подавления «братьев-мусульман», «генеральный наставник» египетских «братьев-мусульман» аль-Худайби объявил в конце 1953 г. о роспуске «тайного аппарата», руководимого Абд-ар-Рахманом ас-Санади. Он также неоднократно заявлял, что выступает против создания каких бы то ни было тайных организаций.

[4] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 389. С. 31.

[5] Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans (1928-1982)*. P., 1983. С. 23–24. Приводимые сведения уточнены по другим источникам.

[6] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. [Б.м.], 1982. С. 27 (на араб. яз.).

[7] Другое его название – Движение исламской ориентации (Харака ат-тавджих аль-ислями).

[8] Хейкал Мухаммад Хасанейн. *Осень гнева. История начала и конца эры Садата*. С. 492–493 (на араб. яз.).

[9] Brière C., Carré O. *Islam. Guerre à l'Occident?* С. 112.

[10] Куль аль-араб. 1984. № 91.

[11] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарий. С. 43 (на араб. яз.).

[12] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé*. С. 72.

[13] Brière C., Carré O. *Islam. Guerre à l'Occident?* С. 172.

[14] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 388. С. 25.

[15] *Monde diplomatique*. 1984. № 362.

[16] *Monde*. 16.02.1984.

[17] *Monde diplomatique*. 1983. № 348.

[18] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 30 (на араб. яз.).

[19] См., напр.: Аль-Ахали. 27.05.1987.

С.97-116. «Геройская смерть во имя Аллаха – наше высшее стремление»

В этом разделе мы рассмотрим применяемые исламскими НРПО методы вербовки своих членов, их подготовки в качестве активных боевых единиц, а также формы и методы деятельности этих организаций.

Вербовка новых членов – одно из основных направлений деятельности исламских НРПО, имеющее целью увеличение их численного состава, расширение возможностей политического действия.

Характерно, что вербовка в НРПО носит активный характер, т.е. инициатива приема в организацию, как правило, принадлежит не будущему ее члену, а самой НРПО.

Подготовительным этапом является изучение личности кандидата. Так, внутренние публикации суданских «братьев-мусульман» настоятельно рекомендуют «знакомство с личностью кандидата и его мыслями для определения нужного подхода к его сердцу и разуму»[\[1\]](#). Изучением кандидата занимаются информационные службы НРПО, предоставляющие соответствующий рапорт – о состоянии его здоровья, психологических чертах, моральном облике, финансовых возможностях, перспективах карьеры[\[2\]](#). Только после оценки кандидата как «подходящего для организации» с ним начинается непосредственная работа по вербовке.

Еще одна характерная черта вербовки – многоступенчатость. Она начинается с бесед на религиозные и актуальные общественно-политические темы (чаще всего наедине), затем кандидат приглашается на собрание ячейки или группы, где царит атмосфера благочестия и обсуждаются вопросы, которые не вызвали бы у новичка беспокойства. Постепенно кандидат, становящийся членом организации, привлекается ко все более активному участию в ее деятельности. Ему поручаются разные задания: закупка книг для библиотеки организации, устройство выставки религиозной литературы в квартале, сбор пожертвований на строительство мечети и т.п. За этим следует и распространение кассет с записями неутвержденных проповедей и выпуск стенных газет, т.е. участие во всех формах деятельности «по восходящей», вплоть до террористических актов, если речь идет об экстремистских НРПО.

В последнем случае проводится проверочное испытание, заключающееся в том, что «кандидату-члену» (удв-мурашшах) дается сравнительно опасное задание (например, установление взрывного устройства), а за его исполнением наблюдают несколько человек, и его останавливают в самый последний момент. После этого ему дозволяется принести клятву верности, и он становится полноправным членом экстремистской НРПО или специальной организации – подразделения легальной НРПО[\[3\]](#). (Отметим, что члены военизированных групп НРПО проходят проверочные испытания, как правило, в реальном террористическом акте.)

Характерным примером постепенности в приобретении полноценного членства в НРПО являются так называемые степени членства (дараджат), существующие, например, у египетских «братьев-мусульман». Членство в их

организации имеет четыре степени, в соответствии с которыми различаются и обязанности «братьев»[\[4\]](#).

Первая степень – «общей принадлежности» (индымам амм). Она доступна любому мусульманину, «тяготеющему к свершению благих дел», готовому заполнить «ознакомительную анкету» (истимара ат-тааруф) и выплачивать добровольные денежные взносы. На этой ступени член организации называется «брат-помощник» (ах мусаид).

У обладателя второй степени – «братской принадлежности» (индымам ахави) прибавляется обязанностей: в дополнение к указанным выше он должен работать над восприятием идеологии «братства», подчиняться приказам, удерживаться от запретного, посещать недельные, годовые и другие собрания, на которые его будут приглашать. Такой член называется «братом, принадлежащим к организации» (ах мунтасиб).

Третья степень – «действительная принадлежность», или «активное членство» (индымам амали). «Действительный член» (ах амиль) должен представить в организацию свою фотографию и все требуемые персональные данные, глубоко изучить «разъясненную», по определению документа, идеологию «братьев-мусульман», участвовать в еженедельных коранических чтениях, вносить деньги в Фонд паломничества и Комитет закята, стать членом Походной группы (Фирка ар-рихалят – группа физического воспитания и боевого обучения), говорить по мере возможности только на литературном арабском языке (а не на диалекте), проводить по месту жительства принципы «братьев-мусульман», постоянно заниматься самообразованием в области общественной проблематики, заучить 40 хадисов – изречений пророка Мухаммада, быть готовым претерпеть наказание за совершенный проступок.

На этом ступени обычного членства заканчиваются. Но есть еще один, более высокий, уровень – уровень «активного бойца», или «муджахиды». Если приемом в первые три разряда занимаются районные «бюро» (дайра), то в данном случае решение входит в компетенцию «Генерального бюро ориентации». Обязанности «муджахиды» – в дополнение ко всем перечисленным – заключаются в следовании («по возможности») Сунне пророка Мухаммада «в словах, делах и деньгах»; выплате денежных взносов непосредственно в Бюро ориентации и в Фонд пропаганды (Сундук ад-даава), т.е. фонд привлечения в организацию новых членов; составлении завещания, в соответствии с которым часть имущества будет передана «братству»; исполнении каждой «просьбы» (так деликатно говорится в тексте о приказе. – А.И.) Бюро ориентации во всякое время и в любом месте; готовности пройти специальную подготовку под непосредственным контролем Бюро ориентации. «Активные бойцы – муджахиды» пополняют тайную организацию, т.е. боевые группы «братьев-мусульман».

Постепенно кандидат знакомится и с программными установками и конкретными планами НРПО. На определенном этапе кандидат уже не имеет пути к отступлению, особенно если речь идет об экстремистских или нелегальных НРПО. Уход из них невозможен, так как грозит смертью, поскольку

«кандидат-член» знает уже слишком много. К смертной казни присуждались, например, люди, вышедшие из организации Ат-Такфир ва-ль-хиджра[5].

«Активный член» (уде амиль) приносит клятву верности, или присягу, текст которой, например, у египетских «братьев-мусульман» особо выделяет момент беспрекословного подчинения. «Я клянусь перед лицом всевышнего и всемогущего Аллаха, – говорится в присяге, – твердо следовать миссии “братьев-мусульман”, участвовать в их священной войне (джихад), жить в соответствии с их правилами, целиком доверять их руководителю и полностью подчиняться ему в любых, благоприятных и неблагоприятных, условиях. Я даю эту клятву подчинения перед всевышним Аллахом. Да поручится Аллах за истинность моих слов!»[6]

Разумеется, каждая НРПО разрабатывает собственные приемы вербовки, сообразуясь с обстоятельствами и сложившимися традициями. Так, внутренние документы суданских «братьев-мусульман» рекомендуют усилия по вербовке новых членов «сосредоточивать на одаренных людях, видных личностях, на тех, кто занимает командные посты». Результативности и масштабам вербовки должна способствовать «активизация культурной работы в клубах, мечетях, учебных заведениях, организация экскурсий и выездов, на которые должны приглашаться новые члены и кандидаты». Новые члены должны быть окружены неослабным вниманием, чтобы, по выражению, употребленному во внутреннем документе, «не давать им отдыха», постоянно снабжать их литературой[7].

Некоторые НРПО, стремясь численно расширить свои ряды, идут на ряд послаблений в отношении кандидатов. С целью расширения масштабов членства руководство суданских «братьев-мусульман» направило во все организации директиву, в соответствии с которой рекомендовалось терпимо относиться к таким явлениям в молодежной среде, как курение, употребление алкоголя, танцы и пение на западный манер. Суданские «братья» именно из этих соображений не выступают против совместного обучения юношей и девушек и в своих организациях не проводят изоляцию полов. Рекомендовалось для работы с учащейся молодежью и вербовки в ее среде новых членов направлять «веселых нравом» членов организации[8].

В связи с тем, что исламские НРПО во всевозрастающих масштабах используются в международнотеррористических целях, расширилась и география вербовки. Эта деятельность стала в широких масштабах осуществляться за пределами арабского мира, преимущественно в западноевропейских столицах. (При этом, естественно, возрастают возможности проникновения в эти НРПО агентов западноевропейских спецслужб.)

Среди НРПО, действующих в арабских странах и располагающих центрами вербовки вне ближневосточного региона, – Исламская партия освобождения, которая ставит своей целью восстановление халифата. Летом 1983 г. в Тунисе было арестовано 29 человек, среди них – 18 военнослужащих, которым было предъявлено обвинение в принадлежности к этой нелегальной политической организации. В конце августа 1983 г. члены группы были осуждены на различные сроки тюремного заключения (от 2 до 8 лет).

Осужденные члены тунисского филиала Исламской партии освобождения были завербованы в Европе, где находится Оперативное руководство организации. Оно вступает в контакт с интеллигентами из арабских стран, временно находящимися в Европе (учеба, стажировка, командировка и т.п.), ориентирует их на создание филиалов партии на месте, в соответствующих странах. Многие тунисские военнослужащие, осужденные по этому делу, вернулись накануне ареста из ФРГ, один из офицеров проходил стажировку в Греции, где и был завербован[9].

Информированные источники (например, египетский министр внутренних дел) в качестве одного из центров вербовки указывают также Вену, где был завербован руководитель египетского филиала Исламской партии освобождения (разгромлен в 1983 г.) Аля-ад-Дин аз-Занати[10].

После 1981 г. три четверти членов египетской организации Обвинение в неверии и уход от мира, включая и ее руководителя Мухаммада аль-Амина Абд-аль-Фаттаха, перебрались за границу[11]. Часть руководства египетских «братьев-мусульман» находится в Швейцарии, а сирийских – в ФРГ.

В первой половине 80-х годов широкую деятельность по вербовке в западноевропейских столицах и крупных городах развернули представители проиранских религиозно-политических организаций, действующих в арабских странах, а также отдельные иранские официальные лица.

Шиитские мечети в Париже, Нанте, Гренобле, Монпелье, Нанси и других городах Франции стали центрами хомейнистской пропаганды. Политико-религиозная обработка проводилась и в исламском культурном центре на улице Жан-Бар в Париже, который в декабре 1983 г. был закрыт по решению французского правительства.

Эти и другие точки являлись пунктами вербовки, проводимой иранскими и ливанскими сторонниками хомейнизма. Объектом вербовки были, в частности, молодые люди из семей североафриканских эмигрантов (около 1,5 млн.), североафриканцы, получившие французское гражданство (около 400 тыс.), французы, принявшие ислам (около 35 тыс.), иранские студенты, обучающиеся во Франции (5611 человек в 1982/83 учебном году; занимают третье место после марокканцев – около 22 тыс. и алжирцев – около 10 тыс. человек). Примечательно, что объектом обработки стали и кабилы, временно или постоянно живущие во Франции, хотя кабилы, как правило, невосприимчивы к призывам «братьев-мусульман». Молодежь стремились вовлечь в промежуточные организации типа Ассоциации исламских студентов во Франции, Ассоциации иранских студентов-мусульман во Франции, Ассоциации исламских студентов Парижа и т.д.

Пропагандисты, прошедшие обучение в Иране (50–100 человек в Большом Париже), организовывали по четвергам и субботам в студенческих городках и общежитиях небольшие религиозные фестивали с распространением литературы, магнитофонных кассет с проповедями, плакатов. Велась и индивидуальная вербовка[12].

Лондонский еженедельник «Санди таймс» сообщил, что подобная деятельность проводилась в столице Великобритании. Центр вербовки имелся и в Риме[13].

Завербованные за границей молодые люди пополняют ряды различного называемых хомейнистских организаций. Именно во Франции завербованы марокканцы, тунисцы, алжирцы, о которых известно, что они являются членами Организации исламского действия, руководимой иранцем Мухаммадом аль-Мударриси[14].

Для полноты картины, хотя и выходя за границы арабского региона, отметим, что опасным моментом является использование иранским режимом афганских эмигрантов и беженцев. Их общее количество в Иране составляет, по разным сведениям, от 45–50 тыс. до 600–800 тыс. человек[15]. В подавляющем большинстве это шииты-хазара. Из них образованы полдесятка хомейнистских партий, среди которых выделяются организации Наср и Исламское движение (Харакат-э эслами). По сведениям Масуда Раджави, одного из лидеров иранской оппозиции, хомейнистский режим в Иране использует афганцев, покинувших страну и включенных в различные хомейнистские партии, в боях на фронтах ирано-иракской войны[16]. Газета «Правда» указывала, что в восточных провинциях Ирана, например в районе г. Мешхеда, создано несколько центров подготовки исламских боевиков и для ведения контрреволюционной деятельности на территории соседнего Афганистана[17].

Если не главным, то первым направлением деятельности НРПО как специфической политической организации является боевая и психологическая подготовка своих членов. «Братьям-мусульманам» рекомендовано с целью «создания исламской армии для ведения священной войны» посвящать один день в неделю физической культуре и боевой подготовке. В организации существует традиция создания с этой целью Походных групп, или Походных отделений[18].

В странах, где открытое проведение боевой подготовки в силу каких-то обстоятельств невозможно, она осуществляется под прикрытием спортивных клубов и секций. Наблюдатели отмечают, что, например, в Марокко «повсеместно возникают клубы каратэ, дзюдо и других видов борьбы», где члены религиозно-политических организаций подготавливаются «непосредственно к возможным столкновениям»[19].

Отсюда понятно значение, придаваемое НРПО физической подготовке вообще и физкультурным и спортивным клубам и командам в частности. Суданские «братья-мусульмане» в своих внутренних документах рекомендуют «направление “братьев” в клубы стрельбы, конного спорта, плавания и подобных видов спорта»; «поиски тренеров для работы с “братьями” в этих видах спорта в соответствии с современными методами»; вступление команд, составленных из «братьев», в местные спортивные лиги, чтобы использовать возможности, предоставляемые министерством по делам молодежи; проведение с «братьями» коллективных физкультурных тренировок[20].

Система вербовки и принципы построения НРПО направлены на изоляцию членов этих организаций от общества в форме «ухода от мира» или отказа от принятых в нем норм.

Члены НРПО начинают жить по нормам своего «контробщества», и их не должно волновать осуждение и даже репрессии режима, против которого они борются. «Тюрьма, – утверждал Омар Тлемсани, – не так страшна, как ее представляют те, кто там не бывал». Тюремное заключение по «благородному обвинению», за деятельность в пользу «братьев-мусульман» должно рассматриваться, считал он, как нечто почетное [21].

«Внутренним освобождением» (тахаррур видждани) назвал Сайид Кутб такое состояние, при котором освобождается совесть верующего – члена НРПО. Это освобождение от всего, что исходит не от Аллаха; от страха за жизнь или имущество, от «рабства общественных ценностей». Такая психологическая установка основывается на вере в божественное всемогущество. В случае такого освобождения, утверждает Сайид Кутб, «индивид вступает в непосредственный контакт со своим творцом, слабый и смертный человек вступает в контакт с вечным всемогуществом, черпает из него силы, крепость духа и смелость. Вера его крепнет, моральный дух укрепляется» [22].

Конечно, Аллах не является источником силы, но если исходить, как это делает советское религиоведение, из того, что связь верующего с предметом поклонения является иллюзорно-практической, – иллюзорной, поскольку ее объект есть нечто несуществующее, и практической, поскольку она реализуется в конкретных действиях, актах и состояниях субъекта (верующего), то станет ясно, что рассматриваемая психологическая установка может прибавить члену НРПО сил, смелости и презрения к общественным нормам, и преуменьшать поэтому роль «внутреннего освобождения» членов НРПО, видимо, было бы неверно.

Задачей психологической обработки членов НРПО является воспитание у них готовности к самопожертвованию ради достижения целей, указываемых руководством организации. Готовность к героической смерти (шихада) фигурирует и в лозунге «братьев-мусульман» («Аллах – наша цель, пророк – наш руководитель, Коран – конституция, джихад – путь, героическая смерть во имя Аллаха – наше высшее стремление!»). «Самопожертвование во имя бога (истишхад) – высшая степень поклонения ему», – заявлял Омар Тлемсани [23]. Расхожий сюжет пропагандистской литературы суннитских НРПО – описание подвигов, восхваление и выдвигание в качестве образцов для подражания основателя «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна (убит в 1949 г.), который именуется в их публикациях «имамом, погибшим героической смертью» (аль-имам аш-шахид); Сайида Кутба (казнен в 1966 г.), называемого «судья, погибший героической смертью» (аль-кады аш-шахид); Марвана Хадида, одного из руководителей сирийских «братьев-мусульман» (казнен в 1975 г.), называемого «борцом за веру, погибшим героической смертью» (аль-мунадыль аш-шахид) [24].

Особую роль воспитание готовности к самопожертвованию играет в шиитских НРПО, где оно стало ведущим направлением в психологической обработке членов этих организаций. И ряд самоубийственных террористических актов, осуществленных этими НРПО, – тому свидетельство. Руководство этих организаций использует тот факт, что «уважение к мученикам, преклонение перед их памятью в повседневной практике шиизма занимает очень большое место. Тот, кто погиб за справедливость, кто пал в борьбе против тирании, тот поступил, как Хусейн (сын «праведного» халифа имама Али, третий имам шиитов. – А.И.), и ему достается частица того громадного заряда уважения, которое шиит чувствует к Хусейну»[\[25\]](#). Готовность шиитов к самопожертвованию дала свои политические результаты в ходе иранской революции, которая «не была бы столь яростной, если бы не потрясающей силы демонстрация уважения к павшему в борьбе за справедливое дело, если не стремление принять мученический венец»[\[26\]](#). Иранское духовенство в ходе этой революции умело использовало эту жертвенность.

Продолжается ее эксплуатация и среди членов экстремистских шиитских НРПО в арабских странах: в Ливане члены таких организаций (например, организации Исламский АМАЛЬ), подобно иранским «пазарданам» (стражам исламской революции), носят на лбу зеленую повязку – «пропуск в рай». Очевидцы свидетельствуют, что в результате психологической подготовки, которую проходят члены НРПО из стран Ближнего Востока в тренировочных лагерях на территории Ирана, «перспектива совершить убийство во имя бога и погибнуть за имама Хомейни представляется им счастьем»[\[27\]](#). Мухаммад Таки аль-Мударриси, руководитель проиранской Организации исламского действия, преподающий в одном из таких центров, заявляет, что может «в течение недели собрать пятьсот верующих, готовых броситься на совершение самоубийственных террористических актов»[\[28\]](#).

Тунисский публицист Хабиб Булярес утверждает, что «наибольшего успеха достигают те воинствующие религиозные организации, которые совсем не заботятся о теоретических тонкостях. Боевика, который приходит в исламистскую организацию, интересует не тема для диссертации»[\[29\]](#). В качестве характерного примера теоретической неподготовленности членов исламских НРПО он приводит незнание основ религии, продемонстрированное на суде многими членами организации Священная война, ответственной за убийство А.Садата. Такое положение дел во многом объясняется расширением социальной базы НРПО, включением в эти организации необразованных представителей низших городских слоев. Но на этом основании еще нельзя говорить о некой «деидеологизации» НРПО. Как потенциальные, так и действительные их члены подвергаются интенсивной идеологической обработке, органически увязываемой с боевой и психологической подготовкой. И пропаганда (она называется даава – букв. «призыв») является поэтому одним из важных направлений деятельности НРПО. Она осуществляется в устной и печатной форме, с использованием аудиовизуальных средств, как комбинированная.

Устная пропаганда с использованием различных методов широко применяется в местах сосредоточения верующих. В мечетях, как в официальных, входящих в государственный религиозный комплекс, так и в нелегальных, читаются проповеди. В первом случае это могут делать состоящие на государственной службе, но симпатизирующие НРПО проповедники. Нередко случается и так, что официально назначенный имам-проповедник изгоняется активистами НРПО и заменяется одним из членов своей организации. Для установления контроля над местами сосредоточения верующих НРПО используют два момента: во-первых, нехватку квалифицированных проповедников[30], во-вторых, открытие по требованию самих НРПО мест для молитв (залов, комнат и т.п.) на предприятиях и в учреждениях, где официально назначаемый имам не предусмотрен[31]. И в том, и в другом случае обязанности имама во время молитвы в соответствии с шариатом может выполнить любой верующий. Он же может выступить с проповедью. Король Марокко в своем обращении к Высшему совету улемов 22 февраля 1984 г. с беспокойством говорил о том, что в стране многие мечети «превращаются в места, где собираются люди, не молящиеся, как все». Там «проповеди превращаются в дискуссии». Группы, установившие свой контроль над мечетями, «позволяют входить в эти мечети только людям по своему выбору»[32]. В другой североафриканской стране – Тунисе – фундаменталисты сумели водворить своих ставленников в 300–350 мечетях, различными методами устраняя при этом неугодных им имамов[33].

НРПО стремятся к превращению существующих мечетей в опорные пункты своей деятельности. «Братьям-мусульманам» в Судане рекомендовано «по меньшей мере одну мечеть на территории секции сделать осью организационной работы»; «распространить организационную деятельность по возможности на все мечети, находящиеся на территории секции»; «предпринимать усилия для внедрения в комитеты при мечетях, с тем чтобы воздействовать на них в соответствии с задачами организации»[34].

Что касается нелегальных, официально не зарегистрированных и не контролируемых государством мечетей, то существует два их типа. Первый – так называемые дикие мечети – те, которые создаются самими верующими в более или менее подходящих для этого помещениях и действуют открыто. «Дикие» мечети – своеобразное выражение конфликта между «государственным» и «народным» исламом. Многие мечети строятся на государственные средства. Они, как правило, велики по размерам и помпезны, расположены на площадях, у вокзалов, на перекрестках. Нередко их планируют и возводят иностранные фирмы. Эти мечети рассчитаны на большой приток верующих, однако те их, как правило, игнорируют. Дело в том, что эти мечети разрушают общинные традиции соседских отношений. До них трудно добраться (вечная проблема транспорта в перенаселенных арабских городах), а местами паломничества, подобно старым, еще средневековым комплексам, они стать не могут. Осознанно или бессознательно верующие рассматривают их как навязчивое выражение державной мощи. Нередко создается впечатление, что их главное назначение – вызывать восторг иностранных туристов.

Поэтому простые верующие предпочитают старую квартальную мечеть, а если таковая отсутствует, то превращают в место для молений бывший гараж, подвал многоэтажного дома и т.п. Сами же государственные мечети вызывают реакцию, обратную предполагавшейся. «Строили бы лучше на эти деньги жилье!» – говорит водонос или подмастерье, направляясь в «свою», «народную» (ахли) мечеть – бывший склад канцелярских товаров, оставшийся от разорившегося лавочника Махмуда.

Тайно действуют подпольные мечети, устраиваемые членами религиозно-политических организаций в помещениях, скрытых от любопытных глаз. Нет необходимости говорить, что в таких местах НРПО имеют больше возможностей для ведения прямой пропаганды. Содержание проповедей максимально политизировано, в них дается оценка актуальных событий в социально-экономической жизни, популяризируются соответствующие лозунги той или иной НРПО. Проповеди носят, как правило, антиправительственный характер.

При мечетях также образуются просветительско-пропагандистские кружки (халяка), в которых читаются лекции и проводятся беседы с потенциальными активистами или сочувствующими НРПО. Вот как очевидец описывает такие кружки для женщин, созданные фундаменталистами в столице Туниса и других городах. Встречи проводятся один раз в неделю в одном из внутренних помещений мечети, которое нередко имеет отдельный вход. Состав участниц может меняться от встречи к встрече, но постепенно формируется своего рода костяк группы. Активистки кружка работают над привлечением к его деятельности новых участниц. С этой целью по почте или в устной форме приглашаются ученицы лицеев, студентки, служащие учреждений и др. В качестве официальной цели встречи указывается изучение Корана. Собраниями кружка руководит «пропагандистка» (сахива ад-дава) или «учительница» (мударриса), нередко на них присутствует имам, выделенный организацией. Ход пятничных собраний таков. Сначала совместно читается вечерняя молитва (саят аль-аср). Затем из Корана зачитывается избранный отрывок, которому дается интерпретация в тесной увязке с конкретными условиями повседневной жизни и политической ситуацией. После этого «пропагандистка» или «учительница» отвечает на вопросы. Устной пропагандой такие кружки не ограничиваются. Во время собрания в помещении разложены брошюры, бюллетени, листовки, которые можно приобрести по символической цене или получить бесплатно. Делаются также попытки превратить кружок в неформальное объединение, основанное на принципах солидарности. Для этого, например, проводятся совместные молитвы за успех на экзамене той или иной ученицы, собираются пожертвования в помощь нуждающимся участницам кружка и т.п.^[35] Программой-максимум НРПО в отношении таких кружков является постепенное превращение их в ячейки своей религиозно-политической организации.

Еще одним методом устной пропаганды является организация музыкальных групп, репертуар которых состоит из религиозных песнопений. Получили некоторое распространение и мусульманские театральные группы,

выступающие на частной сцене и состоящие только из мужчин. Их сценические постановки трактуют различные проблемы общественно-политической жизни в свете ислама[36].

Устные методы пропаганды являются самыми распространенными, так как НРПО действуют чаще всего в среде, характеризующейся крайне низким образовательным уровнем.

Этой же причиной в основном обусловлено использование аудиовизуальных средств, хотя на первый взгляд может показаться, что они – принадлежность высокого культурно-образовательного уровня. Активисты НРПО распространяют (продают, дают для прослушивания и перезаписи) магнитофонные кассеты с записями выступлений популярных проповедников. Этот метод придает пропаганде межарабский характер и в значительной мере способствует унификации политико-идеологических позиций НРПО в рамках арабского мира. Например, в Марокко, Алжире, Тунисе подпольно распространяются записанные на магнитофонную пленку в Египте проповеди одного из «братьев-мусульман» – Абд-аль-Хамида Кишка. Поступают же они в эти страны нелегальными путями из... Амстердама[37]. Распространяются эти кассеты и среди рабочих-иммигрантов из арабских стран в разных городах Франции[38]. В пропагандистских целях исламские НРПО стали использовать и видеокассеты с записями проповедей, фильмами на религиозную тематику (сюжеты из жизни пророка Мухаммада) и т.п.

В среде учащихся и студентов достаточно распространено использование печатных материалов. Исламские НРПО стремятся взять максимум как от нелегальных, так и легальных публикаций. Показательна в этом отношении история прессы «Братьев-мусульман» в Египте. С 1928 г., т.е. с самого своего основания, ассоциация активно пользовалась возможностями, предоставляемыми прессой. Первым печатным органом ассоциации «Братьев-мусульман» стал еженедельник «Аль-Ихван аль-муслимун» («Братья-мусульмане»), издававшийся в Каире в 1933–1938 гг. До этого (1928–1933 гг.) статьи Хасана аль-Банни и других «братьев» публиковались в журналах «Аль-Фатх» («Завоевание») и «Аш-Шуббан аль-муслимун» («Мусульманская молодежь»), которые принадлежали лицам, симпатизировавшим ассоциации.

Журнал «Ан-Назир» («Предупреждающий», 1938–1939 гг.) пришел на смену еженедельнику «Аль-Ихван аль-муслимун». С 1939 до 1941 г. на непродолжительный период после смерти известного деятеля исламского реформизма Рашида Риды «братьям» был передан основанный и возглавлявшийся им журнал «Аль-Манар» («Маяк»).

С 1942 по 1948 г. египетские «братья» вновь издавали еженедельник «Аль-Ихван аль-муслимун» (второй период издания), а в 1946–1948 гг. – ежедневную газету с тем же названием. С 1947 г. начал издаваться не просуществовавший и года ежемесячный журнал Хасана аль-Банни «Аш-Шихаб» («Метеор»).

В 1951 г. возник еженедельник «Ад-Даава» («Призыв») и в 1954 г. – еженедельник «Аль-Ихван аль-муслимун» (третий период издания).

В 1976 г. с молчаливого согласия А.Садата возобновилось издание журнала «Ад-Даава», ставшего ежемесячником (второй период издания), однако в 1981 г. он был запрещен.

Важно подчеркнуть, что наряду с легальной прессой, выступавшей от имени «братьев-мусульман», была и еще остается до сих пор «полулегальная», т.е. та, о которой известно, что она частично или полностью выражает взгляды ассоциации, но все же допускается к распространению из-за отсутствия явной связи с «братством». Так, в начале 40-х годов, не имея возможности легально издавать собственный печатный орган, «братья» публиковали материалы в журналах «Ат-Тааруф» («Знакомство»), «Ан-Нидаль» («Борьба»), «Аш-Шаа» («Луч»). После второй мировой войны материалы «братьев-мусульман» публиковались в журнале «Аль-Кашкуль аль-джадид» («Новый альбом», 1948), в газете «Минбар аш-Шарк» («Кафедра Востока», 1950–1951), в еженедельнике «Аль-Мабахис» («Исследования», 1950–1951). В 1977–1981 гг. «братья» публиковали свои статьи в еженедельном журнале «Аль-Мухтар аль-ислями» («Избранные материалы по исламу»), «Аль-Иатисам» («Верность», 1976–1981 гг.).

За границей публиковались, а затем практически беспрепятственно переправлялись в Египет газеты и журналы, предоставлявшие свои страницы «братьям-мусульманам» (например, издающийся в Саудовской Аравии еженедельник «Ахбар аль-алям аль-ислями» – «Новости исламского мира»). С 1981 г. и по настоящее время журнал «Ад-Даава» публикуется в Австрии и распространяется в Египте по организационным каналам ассоциации.

Наконец, «братья», естественно, располагали и нелегальной прессой. Так, в 1966–1971 гг. подпольно издавался один из печатных органов «кутбистов» (сторонников Сайида Кутба) – нерегулярный журнал «Аш-Шабаб аль-муслим» («Мусульманская молодежь»).

НРПО в полной мере используют и тот пропагандистский фон, который формируется довольно мощной во многих странах проправительственной религиозной прессой.

Наличие частных типографий при отсутствии должного контроля за их деятельностью или умышленных послаблениях, существование крупных финансовых средств – все это создает условия для своего рода цепной реакции распространения религиозных публикаций – книг, брошюр, листовок. Произведение Абу-ль-Аля аль-Мавдуди «Понять ислам» в 1973 г. было опубликовано на французском языке в Лондоне Исламским фондом, затем публикация была повторена с применением фотоспособа в 1977 г. во Франции силами Ассоциации исламских студентов во Франции, в 1981 г. тем же способом ее перепечатала частная типография в Тунисе, в 1984 г. – частная типография («Сари») в Алжире. Книги египетских «братьев-мусульман» Мухаммада аль-Газали и Юсуфа аль-Кардави, изданные в Катаре, перепечатываются (с разрешения авторов) в коммерческом издательстве «Аль-Баас» в алжирском городе Константина. Издательство «Ар-Рая», служащее целям НРПО в Тунисе, выпускает около 100 книг и брошюр в год[39].

Каждый экземпляр печатных изданий используется многократно; на последней странице часто помещается просьба после прочтения передать книгу или брошюру другому, иногда – призыв переписать ее.

Книги и брошюры продаются в лавках, на рынках, нередко торговцами галантереей или бакалейщиками. Листовки рассылаются по почте, а чаще раскладываются активистами НРПО по почтовым ящикам.

С пропагандистскими целями используются и комбинированные методы, сочетающие разные подходы к аудитории. Например, в Тунисе на некоторое время стали популярны «бракосочетания по-исламски», устраиваемые в соответствии с установлениями шариата без вина, музыки, отдельно для мужчин и женщин. Приглашались чтецы Корана, религиозных стихотворений; перед присутствующими выступали с проповедью или лекцией лидеры Исламского движения, распространялась религиозная литература. Такие свадьбы привлекали много любопытных, так как в стране бракосочетание праздновалось, как правило, на европейский манер.

Многие НРПО стремятся в максимальной степени использовать легальные методы давления на государство. Сразу отметим, что, как правило, они действуют при этом на грани законности.

НРПО стремятся к проникновению в государственный аппарат. Например, в 70-е годы в Египте появляется идея (и благодаря А.Садату – возможность) осуществления новой тактики «братьев-мусульман» – проникновения в Законодательное собрание и попытки исламизировать общество путем введения шариатских законов вместо существующих, которые, по их мнению, «целиком расходятся с шариатом – божественным законоустановлением»[\[40\]](#). Инициатором этой новой тактики, а также предвыборной коалиции между египетскими «братьями-мусульманами» и Новым вафдом[\[41\]](#) и посредником стал депутат Народного совета член ассоциации Салах Абу-Исмаил. Он так образно охарактеризовал роль «братьев» в этой коалиции – «лицо вафдиста, сердце ихваниста». Он же провел аналогию с событиями из эпохи пророка Мухаммада, когда мусульмане вынуждены были действовать по подобному принципу: «лик неверного, сердце верующего». Из всего этого следует, что вафдисты и неверные в данном случае одно и то же, а партию Новый вафд «братья-мусульмане» планировали использовать как легальное прикрытие для проникновения в Законодательное собрание Египта[\[42\]](#).

Деятельности НРПО под легальным прикрытием способствует уже отмеченное нами двойственное отношение к религии практически всех арабских режимов. Так, одним из требований фундаменталистского движения в Тунисе с самого начала было устройство мест для молений (мечетей) в учреждениях, учебных заведениях, на предприятиях. Это требование прикрывалось конституцией, которая провозглашает ислам государственной религией. Однако в самом этом требовании и тем более – в его осуществлении таится угроза режиму, так как всякое место для молений, по оценке тунисского автора, «становится базой для возникновения антиправительственной политической ячейки»[\[43\]](#).

НРПО стремятся к проникновению в общественные организации или к их подмене. Так, суданские «братья-мусульмане» придают большое значение своей деятельности в среде рабочих. Ставятся задачи создания на крупных предприятиях всякого рода социальных фондов, а на всех, включая мелкие, – благотворительных фондов для разовых выплат нуждающимся по случаю радостных или печальных событий; основания кооперативов, ассоциаций взаимопомощи на предприятиях и захват в них руководящих позиций; устройства курсов ликвидации неграмотности по месту работы. «Братья-мусульмане» не забыли и о безработных. Специальному «рабочему бюро» рекомендовано провести учет «братьев», занимающих руководящие посты на предприятиях, с целью облегчения трудоустройства безработных членов организации[44].

Перечисленные начинания, имеющие выраженный социальный характер, не являются самоцелью. Они создают своего рода предпосылки для осуществления политико-идеологических задач, в частности – распространение влияния «братства» в рабочей среде, создание противовеса профсоюзам, если «братьям» не удалось распространить на них свое влияние, борьба против влияния коммунистов и представителей других организаций. Для этого «братьям-мусульманам» рекомендовано «прилагать усилия для создания модели на каждом предприятии»; «организовывать совместные молитвы»; «призывать коллег по работе следовать установлениями ислама»[45].

«Братья-мусульмане» и другие НРПО, например Исламские группы в Египте, оказывают существенную помощь нуждающимся студентам из бедных семей. Так, преподаватели высших учебных заведений во многих арабских странах, например в Египте и Судане, сделали источниками дополнительных доходов ксерокопирование или ротاپринтное размножение текстов своих лекций, а также репетиторство. Не всякому студенту по карману приобрести размноженные конспекты и оплатить индивидуальные занятия. Здесь на помощь ему приходят «братья»: конспекты они продают в семь раз дешевле, т.е. по себестоимости, проводят бесплатные консультации и т.п.[46] В Алжире при университетских мечетях «братья» создали библиотеки учебной литературы, где преподаватели и старшекурсники из числа «братьев» проводят дополнительные занятия.

Но не только духовная пища является предметом их забот. Они оказывают помощь жильем, одеждой и т.п. Утверждают, что в Алжире НРПО делают довольно большие ежемесячные денежные выплаты тем студентам и студенткам, которые соглашаются носить традиционную мусульманскую одежду, соответствующую шариату (сама одежда предоставляется бесплатно). Ни в коей мере нельзя недооценивать деятельность НРПО в отношении учащейся, особенно студенческой, молодежи, которая, приехав из провинции, часто чувствует себя потерянной в большом городе, нередко страдает от материальных затруднений. НРПО, выполняя соответствующие директивы своего руководства, во многих случаях смогли стать для студенчества центром притяжения. «Учащиеся – это наиболее широкая база “братьев-

мусульман”», – констатирует публикация Суданской коммунистической партии[47].

В последние годы члены НРПО стали использовать новые, нетрадиционные формы легальной политической борьбы, которым они стремятся придать широкое пропагандистское звучание. В первой половине 1984 г. 35 человек – улемы из исламского университета Аль-Азхар и проповедники мечетей, симпатизирующие «братьям-мусульманам», обратились в суд Южного Каира с жалобой на правительство, требуя отменить пункт уложения, предусматривающий тюремное заключение или денежный штраф за критику правительства или государственной политики в местах религиозного поклонения[48]. В тот же период в Египте некоторые судьи, так сказать, явочным порядком стали выносить приговоры в соответствии с шариатом и в расхождении с действующим в стране законодательством. Один из судей, делавших это, Махмуд Абд-аль-Хамид Гарраб, заявил: «Богоугодные законы до сих пор не приняты, так как представители законодательной власти сами склонны к вину, прелюбодеянию, краже, а также симпатизируют вероотступникам и грабителям с большой дороги»[49]. В конце 1985 г. египетские «братья-мусульмане» обратились в суд с требованием изъять из продажи «Сказки тысячи и одной ночи», как «несоответствующие исламской морали»[50].

Разумеется, НРПО широко используют такие легальные формы политического действия, как манифестации, митинги и т.п.

В последнее время в своей деятельности НРПО во все возрастающих масштабах прибегают к насилию и террору. К ним относятся и их международные террористические акции.

Рассмотрим последовательно разные методы насильственного действия, переходя от простых к более сложным. В этом случае простейшими методами будут осуществляемые НРПО насильственные действия с использованием подручных средств. В этот разряд попадут и поджоги зданий и автомобилей, и «стена огня» – выложенные в ряд и подожженные автомобильные покрышки. Эти и другие действия – неперемнная принадлежность всех беспорядков, проходящих при участии членов НРПО.

Следующий метод – это использование взрывных устройств. Сюда относятся, например, террористические акты, подобные проведенному 16 сентября 1985 г. в Риме. В посетителей «Кафе де Пари» были брошены две гранаты, в результате чего 40 человек были ранены. Ответственность за этот акт взяла на себя группа, назвавшаяся Революционная организация мусульман-социалистов.

Чаще всего террористы используют взрывные устройства с часовым механизмом. Настоящим бедствием Ливана во время гражданской войны стали заминированные автомобили. Подобные террористические акты чаще всего «слепые», т.е. не имеют другой цели, кроме убийства случайных людей с целью устрашения какой-то группы или осуществления провокации. Так, за первые четыре с половиной месяца 1985 г. в Ливане таким способом было проведено семь крупных террористических акций, четыре из которых являются проявлением борьбы между НРПО и их противниками: взрыв 1 февраля

1985 г. у мечети в г. Триполи (Северный Ливан) (8 убитых, 15 раненых); взрыв 10 февраля у здания руководства суннитской Партии единобожия (Хизб ат-тавхид) в г. Триполи (6 убитых, 20 раненых); взрыв 18 февраля у здания руководства движения АМАЛЬ в Южном Бейруте (5 убитых, 40 раненых); взрыв 8 марта у дома Мухаммада Хусейна Фадлялы, одного из руководителей проиранской шиитской организации Партия Аллаха (Хизб Аллах) в районе Южного Бейрута Бир Эль-Абд (72 убитых, 256 раненых).

НРПО используют для взрывов и дистанционные взрыватели (чаще всего японского производства, с применением электроники). Так, 25 мая 1985 г. боевиками, заявившими, что они принадлежат к организации Исламский джихад, было совершено покушение на эмира государства Кувейт. Эмир не пострадал, однако погибли 3 человека (2 охранника и 1 прохожий) и 12 человек было ранено. Использовался дистанционный взрыватель: когда кортеж поравнялся с припаркованной автомашиной, она взорвалась.

Исламские НРПО неоднократно осуществляли суицидные (самоубийственные) террористические акты. В этом случае взрывчатка грузится в автомобиль, который направляется водителем-камикадзе. Чрезвычайно редко смертники помещают взрывчатку на себе. (Подобные действия квалифицируются как террористические, если они направлены против мирных жителей или объектов.) Сообщалось, что проиранские шиитские НРПО, чьи базы расположены на территории Ливана, готовили использование небольших спортивных самолетов (указывалась и марка – F-33) для совершения самоубийственных террористических актов против американских морских пехотинцев и кораблей, находившихся у ливанских берегов. Имелась якобы и группа летчиков-добровольцев, готовых совершить такого рода акции[51].

В июле 1984 г. в Суэцком заливе Красного моря, через который следуют суда, пользующиеся Суэцким каналом, произошло несколько взрывов. Взорвавшиеся заряды были значительно меньшей мощности, чем стандартные военно-морские мины. Ответственности за эти взрывы взяла на себя НРПО Исламский джихад, представитель которой уведомил об этом по телефону агентство Франс Пресс в Париже. Звонивший заявил, что установка взрывных устройств произведена «в знак протеста против действий тех империалистических сил, которые используют в своих интересах ближневосточную нефть и в то же время способствуют раздуванию ирано-иракского конфликта»[52]. Несмотря на то что адресат указан, правда в самом общем плане, данную серию международных террористических актов с использованием взрывных устройств несомненно следует рассматривать как «слепые». Ведь от них пострадали корабли самых разных стран.

НРПО часто прибегают к политическим убийствам. В 1986 г. члены шиитской организации Партия Аллаха убили руководителя бейрутской организации Ливанской коммунистической партии Халиля Науса и главного редактора журнала «Ат-Тарик» Сухейля Тавиля, в 1987 г. – членов ЦК ЛКП Хусейна Мруэ и Махди Амиля.

Похищение заложников – еще один террористический метод, используемый экстремистскими НРПО, требующими за освобождение похищенных

исполнения каких-либо условий. На 1 января 1986 г. группа, заявлявшая, что она является организацией Исламский джихад, удерживала в Бейруте четырех французов и шестерых американцев. От французского правительства похитители требовали освободить группы боевиков, отбывавших во Франции тюремное заключение за покушение в 1980 г. на бывшего иранского премьер-министра Шапура Бахтияра, прекратить поставки Ираку французского оружия, которое он использует в войне с Ираном. От американского правительства требовали, чтобы оно оказало давление на Кувейт для освобождения приговоренных к смертной казни участников террористических акций в г. Эль-Кувейт против посольства США и консульства Франции (декабрь 1983 г.). В конце мая 1988 г. число западных заложников исламских НРПО в Ливане составило 15 человек.

Похищение многих заложников осуществлялось по одной схеме. На одной из улиц Бейрута похищаемого останавливали и под угрозой применения оружия заставляли лечь на заднее сиденье автомобиля. Затем в укромном месте ему приказывали перебраться в багажник и так доставляли к месту содержания[53].

Исламские НРПО широко использовали и другой способ – захват в качестве заложников пассажиров самолетов. Например, в декабре 1984 г. четыре воздушных пирата захватили самолет кувейтской авиакомпании, направлявшийся из княжества Дубай в Карачи. Пираты заявили, что выступают от имени Исламского джихада и потребовали освобождения 17 человек, арестованных кувейтскими властями в декабре 1983 г.[54] С тем же требованием выступили террористы, захватившие «Боинг-747» кувейтской авиакомпании в апреле 1988 г.

Еще один метод насильственных действий НРПО – использование стихийных беспорядков, возникающих время от времени в той или иной арабской стране как реакция на обострение социальных проблем. Так, в феврале 1986 г. произошли волнения в ряде провинций Египта – Каире, Гизе, Кальюбие, Асьюте, Сохаге, Исмаилии. Были сожжены несколько крупных отелей, зернохранилища в Асьюте и Сохаге, захвачена одна из каирских тюрем, а заключенные выпущены на свободу. Волнения начались в лагере сил службы внутренней безопасности, расположенном в каирском пригороде Гиза. Их причиной стали распространенные кем-то слухи о продлении обязательной службы в этом роде войск с трех до четырех лет. Экстремистские НРПО предприняли попытки превратить эти волнения в борьбу под лозунгом установления «исламского правительства» в Египте.

Некоторым исламским НРПО случалось использовать и такой метод, как организованные массовые выступления. Один из руководителей организации Исламская революция на Аравийском полуострове (Муназзама ас-савра аль-ислямийя фи-ль-Джазира аль-Арабийя) следующим образом описывает подготовку и ход таких выступлений в Восточной провинции Саудовской Аравии в ноябре 1979 г., в результате которых было убито 30 солдат и офицеров правительственных войск и 60 демонстрантов, среди которых – одна женщина[55]. Политическое обеспечение выступлений осуществлялось

разработкой лозунгов – антимонархических, антиамериканских, прохоемистских. Пропагандистское обеспечение заключалось в создании групп фотографов, подготовке каналов передачи информации с целью ее дальнейшего распространения по Тегеранскому радио. Участники выступлений были вооружены бутылками с зажигательной смесью, дубинками, камнями. В ходе самих выступлений оружие изымалось у правительственных войск. Так, было захвачено 28 автоматов. Внутренний порядок обеспечивался активистами движения, которые удерживали безответственные элементы от актов вандализма и грабежей. Были подготовлены группы оказания первой медицинской помощи травмированным и раненым, чтобы избежать обращения в лечебные учреждения, из которых они могли бы быть выданы полицейским властям. Участники беспорядков были подвергнуты и психологической подготовке; во время шиитского праздника ашура читались проповеди, содержание которых сводилось к двум пунктам: во-первых, усилия направлялись на уничтожение страха перед властями («страх перед властями – поддержка врагов ислама»), во-вторых, прославлялось самопожертвование как высшая цель мусульманина.

Наряду с использованием стихийных беспорядков и организованными массовыми выступлениями НРПО прибегают и к вооруженным выступлениям ограниченного масштаба. Четко разграничить эти три указанные метода насильственных действий не всегда возможно. Вооруженным выступлениям ограниченного масштаба, осуществлявшимся НРПО, присущи некоторые общие черты.

Прежде всего, в этом случае предполагается наличие обученных боевых групп, оружия и хотя бы самого общего плана действий. Эти элементы несомненно присутствовали в событиях октября 1981 г. в Асьюте (Египет) и февраля 1982 г. в Хаме (Сирия). НРПО стремятся привлечь к участию в вооруженных выступлениях местное население. Так, в Асьюте распространялись листовки подстрекательского содержания, в Хаме призыв к восстанию транслировался через усилители, установленные на мечетях. Следует особо отметить, что и в том и в другом случае призыв остался без ответа.

Объектом первых атак становятся управления полиции – с целью захвата оружия. (В Хаме повстанцы не смогли его использовать, так как бойки были вынуты.) Удары наносятся также по помещениям органов местной власти.

Характерной чертой подобных вооруженных выступлений является наличие «черных списков», а также организация исламских трибуналов для расправы над «атеистами и неверными». В Хаме за четыре дня, пока город находился в руках «борцов за веру», было казнено около 250 противников «братьев-мусульман»[\[56\]](#). По свидетельству сирийского президента, «братья-мусульмане» в Хаме атаковали дома многих членов Партии Баас, членов других прогрессивных организаций (коммунистов) и на месте убивали их обитателей[\[57\]](#).

Насколько можно судить, подобные ограниченные по масштабам вооруженные выступления рассматриваются самими членами НРПО как начало или часть общенационального восстания. В ином случае оно может быть легко подавлено, как это и произошло в Асьюте и Хаме. Сами сирийские «братья-мусульмане» утверждают, что в начале 1982 г. у них имелся широкий план захвата власти с участием авиации, которая должна была разбомбить резиденцию президента, а также центры службы безопасности и «бригад обороны», расположенные вокруг Дамаска. Танковые войска должны были захватить здание радиостанции, телецентра, правительственные и административные здания. Этот военный переворот должен был сопровождаться восстанием по всей стране. По словам руководства Боевого авангарда (Ат-Талиа аль-мукатия), все это не удалось осуществить только из-за предательства, в результате которого в январе 1982 г. был арестован Халед Шами, один из главных связных между находящимися за границей Верховным командованием и организациями внутри страны. Также был арестован и генерал Тайсир Лютфи, офицер генерального штаба, ответственный представитель «братьев-мусульман» в армии, а затем – более 200 офицеров, принадлежавших к этой организации[58]. Думается, что «всеохватная революция», в которой участвует армия и вся нация, – это фантазия НРПО. Так, в отношении сирийской армии информированными исследователями отмечается, что, «насколько можно судить, проникновение „Братьев-мусульман» как организации в армию отсутствует полностью»[59].

Вооруженные выступления ограниченного масштаба – это своего рода максимум того, на что способны НРПО в отдельных арабских странах. Но в случае совпадения по времени с другими проявлениями недовольства или антиправительственных выступлений этот метод насильственных действий, применяемый НРПО, может оказать значительное дестабилизирующее воздействие на политическую ситуацию в той или иной стране региона.

[1] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 51 (на араб. яз.).

[2] Преступления шайки «братьев». С. 87 (на араб. яз.).

[3] Там же.

[4] Ат-Туба Гази. Современная исламская мысль. Бейрут, 1977. С. 204–205 (на араб. яз.).

[5] Аль-Ахрам. 14.07.1977.

[6] Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans*. С. 22.

[7] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 18 (на араб. яз.).

[8] Там же. С. 25.

[9] *Monde*. 24.08.1983.

[10] Аль-Хавадис. 1983. № 1399; Аш-Шарк аль-Авсат. 03.09.1983.

[11] Куль аль-араб. 1984. № 91.

[12] *Monde*. 29–30.01.1984.

[13] *The Sunday Times*. 08.01.1984.

[14] *Jeune Afrique*. P., 25.01.1984.

[15] *Monde diplomatique*. 1984. № 366.

[16] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 362.

[17] *Правда*. 06.03.1985.

[18] Ат-Туба Гази. Современная исламская мысль. С. 206–207 (на араб. яз.).

- [19] За рубежом. 1984. № 12.
- [20] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 52–53 (на араб. яз.).
- [21] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 389; 1984. № 391.
- [22] Кутб Саид. Социальная справедливость в исламе. [Б.м.], 1967. С. 35, 40 (на араб. яз.).
- [23] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 389.
- [24] Ризк Джабир. Братья-мусульмане и заговор против Сирии. Каир, [б.г.]. С. 135 (на араб. яз.).
- [25] Резников А.Б. Иран: падение шахского режима. М., 1983. С. 18–19.
- [26] Там же. С. 19.
- [27] The Sunday Times. 08.01.1984.
- [28] Jeune Afrique. 25.01.1984.
- [29] Boularès Habib. L'Islam: la peur et l'espérance. P., 1983. С. 72.
- [30] Например, в 1984 г. 12 тыс. мечетей в Египте (из 40 тыс.) оказались без имамов-проповедников (Аи-Шааб. Алжир. 19.01.1984). Для Алжира эти цифры составляют соответственно 3 тыс. мечетей из 5 тыс.
- [31] Рост количества мест для молитв, санкционированных властями, может быть и следствием своего рода макиавеллистского подхода к собраниям верующих и иметь целью их рассредоточение (Boularès Habib. L'Islam: la peur et l'espérance. С. 52).
- [32] Lamalif. 1964. № 158. С. 2.
- [33] Ворончанина Н.И. Мусульманское движение в современном Тунисе // Ислам: проблемы идеологии, права, политики. М., 1985. С. 219.
- [34] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 54 (на араб. яз.).
- [35] Belhassen S. Femmes tunisiennes islamistes // Le Maghreb musulman en 1979. С. 84–85.
- [36] Ворончанина Н.И. Мусульманское движение в современном Тунисе. С. 218.
- [37] Monde. 25.02.1982.
- [38] Brière C., Carré O. Islam. Guerre à l'Occident? С. 45.
- [39] Ворончанина Н.И. Мусульманское движение в современном Тунисе. С. 217.
- [40] Аи-Шааб. 25.07.1984.
- [41] Новый вафд – буржуазно-либеральная партия, возникшая в период правления А.Садата как восстановленная партия Вафд, распущенная при Г.А.Насере.
- [42] Там же.
- [43] Ven Achour Y. Islam perdu, islam retrouvé. С. 73.
- [44] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарии. С. 46 (на араб. яз.).
- [45] Там же.
- [46] Там же. С. 31.
- [47] Там же. С. 30.
- [48] Аи-Шарк аль-Авсат. 20.06.1984.
- [49] Там же. 24.06.1984.
- [50] Monde. 25.01.1986.
- [51] Monde. 22–23.01.1984.
- [52] Правда. 03.08.1984.
- [53] Так описывает похищение заложников одна из жертв похитителей – секретарь Французского культурного центра в Бейруте Даниэль Перез // Monde. 02.04.1985.
- [54] Jeune Afrique. 19.12.1984.
- [55] Аль-ясар аль-араби. Париж, 1980. № 26. С. 10–11.
- [56] Monde. 02.07.1983.
- [57] Monde. 02.08.1984.
- [58] Monde diplomatique. 1983. № 348.
- [59] Carré O., Michaud G. Les Frères musulmans. С. 172.

С.116-123. Групповой портрет

Многочисленность НРПО привела к их дифференциации и даже борьбе между ними по ряду идеологических, политических и других вопросов. Однако нередки случаи, когда различные и даже враждебные НРПО сводятся публицистами, обозревателями, а иногда исследователями к одному общему знаменателю. Чаще всего они отождествляются с широко и печально известной организацией «Братья-мусульмане». Например, в странах Магриба всех членов НРПО именно так и называют. Процесс июля 1984 г. в Касабланке (Марокко) журналисты окрестили «процессом “братьев-мусульман”»^[1], хотя речь шла о двух совершенно других организациях – Ассоциация исламской молодежи и Священная война. В Тунисе членов организации Исламская тенденция называют «ихванджийя» – «ихванисты», по первому слову названия Ассоциации «Братья-мусульмане» (Аль-Ихван аль-муслимун)^[2]. В Алжире сами исламисты не соглашались с широко употребляемым в отношении их групп названием «Братья-мусульмане» и именовали себя «призывающие» (ахль ад-даава)^[3]. Дело не только в названиях (здесь возможен умышленный обман со стороны НРПО с целью ввести в заблуждение службы безопасности). Речь должна идти о систематизации довольно пестрого материала, выделении черт сходства и различия, выявлении возможных связей и расхождений, отнесении разных НРПО к той или иной категории, иными словами, о своего рода «групповом портрете» этих организаций.

Первым основанием, по которому классифицируются НРПО, является характер их взаимоотношений с государством.

Уже в одном из определений НРПО – «неправительственные» учтен тот момент, что для этих организаций характерно оппозиционное отношение к государственной власти в той или иной арабской стране. Но степень этой оппозиционности различна. Французский исследователь О.Карре предлагает разделить НРПО на три разряда: 1) участвующие во власти; 2) играющие роль группы давления; 3) ведущие повстанческую борьбу против режимов^[4]. В принципе с таким делением можно согласиться – при некоторых оговорках. Первую группу тогда составят НРПО, не просто «участвующие во власти, а поддерживающие режим с позиции идеологической и организационной самостоятельности, так как ни в одной арабской стране не происходит полной и бесповоротной идентификации какой-либо НРПО с режимом.

Показателен в этом отношении пример суданских «братьев-мусульман» в последние годы правления Д.Нимейри вплоть до его смещения в 1985 г. Они делали все для того, чтобы подтолкнуть государство как можно далее вправо – к наиболее полному претворению в жизнь норм шариата. Для этого использовалось и то, что некоторые «братья-мусульмане» занимали официальные посты: руководитель ассоциации Хасан ат-Тураби был до марта 1985 г. помощником президента по политическим вопросам, а Али Усман Мухаммад Таха занимал пост председателя Народного совета (парламента) страны.

Во второй разряд попадают НРПО, играющие роль группы давления на государство (например, умеренные «братья-мусульмане» в Египте в период правления А.Садата).

Наконец, к третьему разряду относятся те НРПО, которые находятся в вооруженной оппозиции режиму (например, экстремистские группировки сирийских «братьев-мусульман»). Такая характеристика третьего разряда НРПО предпочтительнее, чем «повстанческая борьба», так как она не выходит за рамки рассматриваемого основания для классификации – соотношения «НРПО – государство», как это делает автор рассматриваемого исследования, который за критерий классификации НРПО принял в этом, третьем случае, в отличие от предыдущих двух, методы их деятельности.

Естественно, предлагаемое деление не абсолютно и может учитывать различные переходные формы. К тому же даже относительно высокая степень оппозиционности тех или иных НРПО не исключает возможности сотрудничества в той или иной форме и по отдельным вопросам между ними и консервативными или откровенно реакционными режимами. Так, несмотря на то что некоторые египетские НРПО на словах осуждали садатовский режим, последний пользовался их услугами, когда речь шла о борьбе против сторонников прогрессивной идеологии. Есть сведения, что в период правления А.Садата египетские «братья-мусульмане» регулярно предоставляли в распоряжение министерства внутренних дел информацию собственных разведывательных служб о деятельности в стране коммунистических групп^[5]. Члены НРПО участвовали и в физических расправах над членами прогрессивных организаций в Египте.

Обращение консервативных и реакционных режимов к услугам оппозиционных НРПО возможно в первую очередь потому, что эти режимы вполне устраивало бы существование НРПО при условии, что те займут подчиненное положение и станут безотказным орудием борьбы против прогрессивных сил. Однако НРПО стремятся к независимости от госаппарата, а немалая их часть, как мы видим, выступает даже против режимов, объявляющих свою политику исламской. НРПО занимают позицию защитников чистоты религии и часто в резких формах выступают против государственных мероприятий, направленных на развитие современного сектора, против всего, что может нарушить традиционный уклад жизни, отношений и воззрений.

При оценке НРПО под углом их взаимоотношений с государством нужно учитывать то, что спорадические выступления против режимов, избравших капиталистический путь развития, не делают эти НРПО просоциалистическими, хотя в их идеологических построениях и может порой присутствовать социалистическая фразеология, как это было, например, с концепцией «социализма ислама», выдвинутой руководителем сирийского филиала организации «Братья-мусульмане» Мустафой ас-Сибай. А борьба этих организаций против режимов капиталистической ориентации нередко есть проявление особой формы утопизма, отвергающего прогресс, как таковой. Поэтому исключительное значение при оценке НРПО приобретает комплексное, всестороннее изучение проводимого ими политического курса в теоре-

тико-идеологической и политико-практической области. При этом важно обращать особое внимание на конкретный итог деятельности той или иной организации в контексте региональных проблем Ближнего Востока, борьбы между разными тенденциями социально-политического развития в мире. И нужно сказать, что не увенчаются успехом поиски того, кто захочет найти НРПО, проводящую целиком прогрессивный курс.

Преобладающий тип религиозно-политического сознания является одной из существеннейших характеристик НРПО, позволяющей оценить и суть программных установок той или иной организации, и ее место в социально-политической борьбе в ближневосточных странах. Имеющийся материал позволяет охарактеризовать подавляющее большинство, если не все НРПО как возрожденческие. В деятельности НРПО можно найти, правда, значительно реже, и проявление других типов религиозно-политического сознания. Например, как модернистская может быть охарактеризована упоминавшаяся выше группа Исламистов-прогрессистов. Модернисты, по определению Л.Р.Полонской, стремятся сочетать ислам как традиционный образ жизни народа со светским подходом к решению социально-экономических и политических проблем. Они призывают руководствоваться не буквой, а духом ислама. Сферу ислама они чаще всего ограничивают областью морали [6]. Реформаторское сознание присуще части «братьев-мусульман» (так называемым умеренным). Есть среди них и ортодоксы.

Заметный отпечаток на идеологию и деятельность НРПО, на их место в политической системе стран региона накладывает их конфессиональная (религиозно-общинная) принадлежность. Как известно, на территории арабских стран проживают представители двух главных направлений в исламе – суннизма и шиизма, а также практически неисчислимого количества толков, сект и подсект, на которые эти направления распадаются. Из-за специфических социально-экономических условий, рассматривавшихся выше, интересы и устремления различных социальных групп нередко проявляются в религиозно-общинных формах, например в форме борьбы шиитов Ливана за самоутверждение в обществе. Наличие и деятельность конфессиональных НРПО являются благоприятным условием для разжигания империалистическими и реакционными силами религиозно-общинных конфликтов в различных частях арабского мира. Есть в регионе немалое количество суннитских организаций, например «Братья-мусульмане», Исламская партия освобождения, есть и шиитские – Партия призыва, Партия Аллаха, Исламский джихад и др.

Иранские хомейнисты и часть арабских, например ливанских, шиитских организаций предпринимают попытки создать «исламское единство» между суннитскими и шиитскими организациями. Так, в 1986 г. в Ливане предпринимались попытки скоординировать деятельность Исламской партии освобождения (суннитской) и Партии Аллаха (шиитской) [7]. В том же году в Тегеране с большими почестями принимали руководителя ливанского Движения единобожия (суннитского) шейха Сайда Шаабана, поддержавшего лозунг проиранских шиитских организаций Ливана о создании в стране исламской республики по типу иранской. Но эти и некоторые подобные им акции

остались изолированными и не привели к установлению стойких отношений сотрудничества. Идея создания такого «мусульманского интернационала», объединяющего как суннитские, так и шиитские НРПО, очень далека от реализации, хотя для многих рядовых членов суннитских НРПО, не говоря уж о шиитских, имам Хомейни является непререкаемым политическим авторитетом.

В 80-е годы подавляющее большинство шиитских НРПО в арабских странах оказалось под социально-психологическим, идеологическим и организационным влиянием хомейнизма, вынесенного на политическую арену иранской народной революцией 1979 г. «В Иране стремление экспортировать исламский опыт в другие страны стало не только частью идеологии духовенства, но было внедрено и в политико-практическую область»[\[8\]](#). Иранское министерство исламской ориентации поддерживает контакты со 165 организациями религиозно-политического характера в Азии и 180 – в Африке. Целый ряд шиитских НРПО не считают нужным скрывать свою связь с Ираном. Более того, некоторые из них стали своего рода орудием внешней политики Исламской республики Иран. Например, шиитские организации, удерживающие французских заложников (Организация революционной справедливости, Исламский джихад, Партия Аллаха – названия, фигурирующие в заявлениях, различаются) выдвигают в качестве условий их освобождения требования, совпадающие с теми, которые выдвигает иранское руководство в отношении Франции. Это возвращение Ирану переданной шахом Франции суммы в 1 млрд долл., предназначенной для участия в ядерной программе объединения «Евродиф», а также начисленных с 1975 г. процентов, которые составили еще 1 млрд долл.; высылка из Франции деятелей, находящихся в оппозиции к нынешнему иранскому режиму; прекращение поставок французского оружия Ираку[\[9\]](#). Иранские официальные лица, например председатель парламента Али Акбар Рафсанджани, не скрывают своего влияния на группы, захватившие заложников[\[10\]](#).

И хотя последние годы показали, что имеется ряд объективных факторов, препятствующих экспорту исламской революции иранского образца в другие страны, руководство Ирана продолжает активно использовать в собственных политических целях проиранские шиитские НРПО, действующие в арабских странах.

Исходя из того, что «идея такого экспорта в той или иной степени является органической частью внешней политики современных исламских режимов»[\[11\]](#), нужно отметить, что НРПО могут классифицироваться и в связи с их зависимостью от того или иного государства, которое использует эти организации в целях воздействия на другие режимы с применением методов государственного терроризма. Это позволяет исследователям выделять, например, целую группу проиранских НРПО. Регулярно становятся известны и свидетельства поддержки той или иной арабской страной НРПО, действующих в других частях региона. С такой же регулярностью эти свидетельства опровергаются официальными представителями государств, которые в этой поддержке обвиняются. Но есть и признания официальных лиц в том, что

разжигание религиозно-общинной розни стало одним из общих правил ведения психологической войны между странами региона[12]. НРПО являются удобным инструментом ведения подобных войн, так как характеризуются, в частности, именно конфессиональной «чистотой» и враждебностью по отношению к представителям иных религиозных общин.

Географические границы, в которых действуют НРПО, также различны. С одной стороны, существуют межарабские или всеарабские организации, а с другой – «страновые», действующие только в одной стране. К первым, несомненно, принадлежат «Братья-мусульмане», Исламская партия освобождения, ко вторым – множество мелких групп, имеющих в каждой арабской стране. Наличие межарабских НРПО приводит к тому, что в той или иной стране действуют организации, куда входят граждане различных арабских стран. Например, среди арестованных в Египте в мае 1984 г. членов организации Обвинение в неверии и уход от мира было пятеро палестинцев, один суданец, один ливанец[13]. Из 25 членов Партии призыва, обвиняемых в причастности к террористическим актам в Кувейте в декабре 1983 г., было три ливанца, три кувейтца, 17 иракцев, двое лиц без гражданства[14]. Межарабский характер некоторых НРПО является одним из факторов облегчающих реакционным силам ведение подрывной деятельности в других странах региона[15].

НРПО подразделяются на различные группы в зависимости от используемых форм и методов деятельности. Являясь политическими организациями, НРПО используют, как об этом уже подробно говорилось, различные формы деятельности: идеологическая, психологическая и боевая подготовка членов, пропаганда, оказание давления на государство в рамках конституции или программных установок режимов и, наконец, насилие и террор. Нередко одна и та же НРПО использует все формы деятельности, как это было с египетскими «братьями-мусульманами» в период правления Г.А.Насера (1952–1970 гг.). Но чаще происходит стихийная дифференциация, перерастающая в открытое противоборство между НРПО по вопросу о формах и методах борьбы, как это мы видели в отношении сирийских организаций. НРПО различаются в зависимости от используемых или объявляемых главными форм и методов деятельности – насильственных или ненасильственных. Соответственно, они подразделяются на нелегальные и легальные. Отметим, что первые – насильственные – становятся в последнее время преобладающими в деятельности НРПО. Захват заложников, заминированные автомобили, вооруженные вылазки разного масштаба, убийства государственных деятелей и простых граждан – вот что приносят с собой в политическую жизнь арабских стран экстремистские НРПО.

Такого рода различия оформляются и идеологически – в форме оправдания тех или иных форм и методов политического действия. В листовке, распространявшейся алжирской НРПО Призыв ислама (Нида аль-ислям), отвергается насилие. «В соответствии с нашими исламскими убеждениями, – говорится в ней, – мы осуждаем любые формы агрессивного насилия.... Агрессивность, фанатизм, нетерпимость не находят никакого оправдания в мис-

сии ислама»[16]. Но подавляющая масса НРПО в том же Алжире оправдывает насилие. «Необходимость снимает запрет (ад-дарура тубих аль-махзура), – пишет один из алжирских “призывающих”. – Коварство можно уничтожить только коварством, насилию можно противостоять только с помощью насилия. Только сила способна привести к победе истины, установить справедливость, способствовать распространению нравственных ценностей, высоких принципов и благородных идеалов»[17].

Еще одним основанием для классификации НРПО является степень общественно-политического влияния этих организаций. Сами представители НРПО, как правило, заявляют, что их организации и группы играют значительную, если не решающую роль в общественной и политической жизни своих стран. Например, руководитель египетских «братьев-мусульман» Омар Тлемсани утверждал, что влияние «братства» многократно усиливалось по сравнению с концом 40-х годов, когда ассоциация уже была достаточно сильна[18]. Предводитель суданских «братьев-мусульман» Хасан ат-Тураби в конце 1983 г. уверял иностранных корреспондентов в том, что «в этой стране (Судане. – А.И.) ничего нельзя сделать без “братьев-мусульман”»[19]. Выше мы привели заявления руководителей разных НРПО о том, что «миллионы» идут за иракской Партией призыва, ливанским движением АМАЛЬ, египетскими «братьями-мусульманами».

В сообщениях самих НРПО о своих акциях приводятся преувеличенные данные, что тоже создает определенные трудности для исследователя, желающего оценить реальное влияние той или иной организации. Приведем только два примера. Так, 16 июня 1979 г. сирийские «братья-мусульмане» совершили в Халебе (Алеппо) террористический акт, в результате которого погибла часть курсантов расположенной в этом городе артиллерийской школы. В публикациях «Братьев-мусульман» заявлялось, что количество погибших составило 270 человек[20]. На самом деле в результате акции было убито 32 курсанта[21]. Представители проиранской Организации исламского действия рассказывали излишне доверчивым западным журналистам о взрыве боевиком этой организации здания управления иракской службы безопасности в Багдаде. Указывалась и точная дата (27 ноября 1983 г.), и имя шиитского боевика, совершившего самоубийственную акцию (он, по рассказам, въехал на грузовике с 230 кг тринитротолуола в здание и там взорвался), и количество погибших (100 человек, включая руководителя управления)[22]. Однако люди, хорошо знающие обстановку в Ираке, характеризуют эти и некоторые другие рассказы подобного рода как недостоверные и «вызывающие насмешки даже у представителей других отрядов исламского движения»[23].

Не во всех случаях представляется возможность проверить или опровергнуть подобные заявления. Ведь речь идет об организациях, действующих по преимуществу тайно. Однако существуют данные, заставляющие оценить степень общественно-политического влияния подавляющего большинства НРПО как низкую. Если взять один из приведенных выше примеров, а именно египетских «братьев-мусульман», то в преддверии парламентских выборов 1984 г. они прибегли к одному, ловкому, как им казалось, приему. По-

скольку они не могли баллотироваться на выборах как политическая организация (официально никто не отменял запрет на их деятельность, принятый еще в 1954 г.), то они решили выступить в одном избирательном списке с буржуазно-либеральной партией Новый вафд. Нельзя исключать, что, идя на такой союз, руководство Нового вафда рассчитывало в собственных интересах использовать пресловутый «религиозный бум». Результаты выборов явились сокрушительным поражением «братьев-мусульман» и косвенно всех, кто в своих политических расчетах делал ставку на религиозную карту. Из 65 кандидатов от «братства» было избрано всего восемь, а по отношению к общему количеству мест в египетском парламенте – 448 – их доля составляет всего 1,8%. Таков, как нам кажется, примерный индекс общественно-политического влияния в 1984 г. «Братьев-мусульман», самой крупной НРПО в Египте.

Если принять подобные расчеты за показательные, то нужно, по видимому, признать, что выборы в Народное собрание Египта, состоявшиеся 6 апреля 1987 г., продемонстрировали рост влияния «братьев-мусульман». Накануне этих выборов ассоциация вступила в так называемый Исламский альянс с Социалистической партией труда и Либерально-социалистической партией. Альянс получил 60 мест, из которых 20 достались «братьям-мусульманам»[\[24\]](#).

Что касается хвастливого заявления руководителя суданских «братьев-мусульман», то его опровергло само политическое развитие страны: переворот, в результате которого в апреле 1985 г. был свергнут проимпериалистический антинародный режим Д.Нимейри, показал, что решающую роль в жизни страны играет вовсе не «братство». Переворот произошел без них и во многом против них, так как они достаточно дискредитировали себя сотрудничеством с реакционной правящей верхушкой[\[25\]](#).

Один из руководителей Сирийской коммунистической партии отмечает «узкий и ограниченный» масштаб деятельности «братья-мусульман». За ними идут некоторые слои торговцев, особенно – крупных, часть которых откликается на призывы к забастовкам. В организуемых «братьями-мусульманами» подрывных акциях принимают участие преимущественно деклассированные элементы[\[26\]](#).

В редчайших случаях совпадает самооценка НРПО и оценка степени их влияния, даваемая их противниками. Так, по признанию одного из руководителей Исламского движения в Тунисе, Рашида Ганнуши, сделанному им в конце 1980 г., это движение «еще далеко от того, чтобы стать альтернативой бургибизму»[\[27\]](#). А тунисский премьер-министр на вопрос: представляет ли опасность для режима воинствующий ислам религиозно-политических организаций? – категорично ответил: «Я совсем так не считаю»[\[28\]](#).

Таким образом, верная оценка степени общественно-политического влияния НРПО позволит правильно определить и перспективы развития этого сложного социально-политического явления, его будущее в контексте конкретных условий той или той арабской страны и региона в целом.

- [1] *Monde*. 20.07.1984.
- [2] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé*. С. 74, 75.
- [3] Balta P., Rulleau C. *L'Algérie des Algériens: vingt ans après*. P., 1981. С. 171.
- [4] Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans*. С. 210.
- [5] Brière C., Carré O. *Islam. Guerre à l'Occident?* С. 164.
- [6] Полонская Л.Р. *Современные мусульманские идейные течения // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики*. С. 9.
- [7] *Аш-Шираа*. 02.06.1986.
- [8] Примаков Е.М. *Волна «исламского фундаментализма»: проблемы и уроки // Вопросы философии*. 1985. № 6. С. 72.
- [9] *L'Humanité*. 18.07.1987.
- [10] Там же. 06.11.1986.
- [11] Примаков Е.М. *Волна «исламского фундаментализма»: проблемы и уроки*. С. 72.
- [12] *Признание бригадного генерала иракской армии Хишама Сабаха Фахри // Аль-Ватан аль-араби*. 1983. № 351. С. 44–46.
- [13] *Куль аль-араб*. 1984. № 91.
- [14] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 24.01.1984.
- [15] *И не только этого региона. Так, проиранская Организация исламского действия, которой руководит иракец Мухаммад аль-Мударриси, имеет в своих рядах иракцев, иранцев, бахрейнцев, афганцев, марокканцев, тунисцев, алжирцев, малагасийцев, нигерийцев, заирцев, южноафриканцев. В хомейнистской организации муджахединов есть полтора десятка французов, принявших ислам. Джалаль-ад-Дин Сагир, один из идеологов этой организации, математик по образованию, заявляет: «Мы координируем свою деятельность со всеми исламскими движениями в мире» (Jeune Afrique. 25.01.1984).*
- [16] *L'intégrisme islamique dont on parle // Nidaou el Islam*. Alger, 1984. С. 1.
- [17] Худейр Идрис. *Философия экономики в исламе*. Алжир, 1982. С. 114 (на араб. яз.).
- [18] *Аль-Ватан аль-араби*. 1984. № 388. С. 25.
- [19] *Monde*. 04.10.1983.
- [20] Ризк Джабир. *Братья-мусульмане и заговор против Сирии*. С. 10 (на араб. яз.).
- [21] *О преступлении «братьев-мусульман» в Халебе и позиции Сирийской коммунистической партии*. С. 1 (на араб. яз.).
- [22] *Monde diplomatique*. 1984. № 362.
- [23] *Ан-Нахдж. Никосия*, 1987. № 14. С. 259.
- [24] *См.: Правда*. 11.04.1987.
- [25] *Правда, это существенным образом не повлияло на самооценку Хасана ат-Тураби. Выступая уже после свержения диктатуры в качестве руководителя новой организации – Национальный исламский фронт, он заявил в июле 1987 г. в интервью египетской газете «Аль-Ахали», что это новое религиозно-политическое объединение имеет большие шансы стать у власти в стране (Аль-Ахали. 08.07.1987).*
- [26] Багдади Халед. *Об исторических и актуальных проблемах*. Никосия, 1983. С. 27, 35.
- [27] Souriau C. *Quelques données comparatives sur les institutions islamiques actuelles du Maghreb // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 379.
- [28] *Le Point*. P., 1984. № 600. С. 77.

Глава 3. Идеологические блуждания.

С.124-127. Об «исламской риторике»

Первое, на что обязательно обращает внимание исследователь, обозревающий горизонты культурной и политико-идеологической жизни в странах Востока, – это происшедший в последние годы резкий количественный рост публикаций по исламу. Подавляющая часть их посвящена социально-экономической и политической проблематике[1]. Происходит «исламизация политики» и «политизация ислама»: политическое действие соотносится с этим вероучением, а само оно во все большей степени превращается в политическую доктрину.

Подкреплять свою внутреннюю и внешнюю политику религиозными положениями старается подавляющее большинство правящих режимов стран Востока. Сотрудничающие с государством религиозные деятели отыскивают теологические обоснования политических лозунгов, выдвигаемых правительством. Находящиеся в оппозиции к нему религиозно-политические организации выступают с собственными программами переустройства общества на принципах ислама.

Множественность сил и групп, обращающихся к исламу с политическими целями, существующие между ними разногласия – все это приводит к взаимной борьбе между сторонниками различных версий исламизации общества. Они не останавливаются перед взаимными, порой весьма резкими, обвинениями.

Реформист буржуазно-либерального толка пишет, что в ряде государств, которые строят свою политику на принципах ислама, царят «классовый эгоизм, догматический фанатизм, жажда господства»[2]. Другой автор (редактор кувейтского журнала «Аль-Араби») в числе стран, где обстановка характеризуется «политическим насилием, экономическим грабежом, социальной нестабильностью»[3], называет Иран, Пакистан, «режимы под властью арабских султанов». Не берет на себя труд перечислять государства другой автор – возрожденец консервативного направления, заявляя обо всех руководителях «исламского блока» (так он именует мусульманские страны), что они «не ведают, что творят, их единственная забота – жажда господства, самодовольная суетность, стремление удовлетворить свои ненасытные аппетиты, желание сохранить собственные троны»[4].

Достается и возрожденцам, призывающим вернуться к установлениям раннего ислама. «Удивляешься выводам некоторых наших факихов-законоведов, которые с кафедр... пичкают нас речами об универсальности ислама, пригодного для всякого места и времени, причем их представления о “времени” ограничиваются рамками нескольких десятилетий первого века хиджры, а представления о “месте” – морем Клизмы»[5], – пишет арабский автор[6].

Не обойдены критикой и экстремистские неправительственные религиозно-политические организации. «“Братья-мусульмане” расходятся с шариатом и религией» – так озаглавлена брошюра, распространявшаяся в Судане в конце 1979 – начале 1980 г. сторонниками Махмуда Мухаммада Тахи (казнен в январе 1985 г., в период правления Д.Нимейри), который проповедовал так называемый прогрессивный суфизм (организация Братья-республиканцы). При этом каждая политическая сила, выдвигающая исламские социально-политические лозунги и критикующая других, претендует на то, что именно она выражает «истинный дух ислама», выступает за «истинно исламскую политику». Что же объединяет действительно различные, даже альтернативные концепции и лозунги, именуемые «исламскими»?

Речь идет о том, что З.И.Левин удачно назвал «исламской риторикой»^[7]. Едва ли не любое произведение исламского автора, посвященное социально-политической проблематике, содержит своего рода «блоки». Это описание закята, предписываемого шариатом налога на имущество и доходы мусульманина. Теоретически он должен идти на нужды общины и распределяться среди бедных и неимущих. Это и описание садаки – добровольной милостыни, предписываемой исламом каждому зажиточному мусульманину. Предполагается, что садака должна также помочь нуждающимся членам общины – нищим, беднякам, бедным путешественникам и т.п. Система наследования ирс, разработанная в шариате, должна препятствовать сосредоточению собственности в одних руках. Эти экономические регуляторы, а также некоторые запреты – ссудного процента рибха, монополии на предметы первой необходимости – должны, по мнению авторов таких сочинений, привести к экономическому равенству между мусульманами. Шура – «совет верующих», различные религиозные обряды (например, совместная пятничная молитва, хаджж – паломничество в Мекку, пост в месяце рамадан и т.д.) – все эти обычаи и ценности, по мысли исламских идеологов, «утверждают равенство и братство людей, объединяют великих и малых, богатых и бедных».

Эти «блоки» бесконечно кочуют из сочинения в сочинение, соединяясь в различной последовательности, по-разному обрамляясь и украшаясь. Типичное исламское произведение по социально-политической тематике – это набор перечисленных «блоков», перемежающихся с соответственно подобранными фактами из истории ислама. Эти факты могут вызывать восхищение, если принять во внимание время, когда они происходили. Есть, например, высказывание, приписываемое одному из «праведных» халифов, Омару (VII в.): «Когда же вы успели поработить людей?! Ведь матери произвели их на свет свободными!» (Правда, всякому, читающему подобные произведения, неизбежно приходит в голову проклятый вопрос: почему все эти установления до сих пор не привели к превращению стран распространения ислама в царство социальной справедливости?).

Объединяет предлагаемые исламскими теоретиками социально-политические концепции и такой формальный признак, как обращение к одним и тем же источникам. Создатели таких концепций обращаются к священному писанию – Корану, Сунне – собранию высказываний (хадисов) и

жизнеописанию пророка Мухаммада, словом, к «классическому наследию» ислама эпохи средневековья.

Однако апелляция к перечисленным источникам не приводит к сущностному единству социально-политических взглядов. Более того, она становится одной из причин расхождений между исламскими теоретиками. Ведь Коран – произведение неоднозначное и внутренне противоречивое. Еще четвертый «праведный» халиф Али Ибн-Аби-Талиб (VII в.), сравнивал его с носильщиком, перетаскивающим разные вещи [8]. Священная книга мусульман, восходящая к VII в., отражает как формировавшиеся в ту эпоху классовые отношения, так и эгалитаристские устремления первых мусульман, питавшиеся воспоминаниями о первобытной демократии. В нем, с одной стороны, признается наличие неравенства в обществе: «Мы разделили среди них пропитание в жизни ближней и возвысили одних степенями над другим, чтобы одни из них брали других в услужение» (43:32). Это неравенство предопределено богом: «Аллах дал вам преимущество одним пред другими в жизненном уделе» (16:17). С другой – содержатся утверждения, что господь «благословил ее (землю. – А.И.), распределил на ней ее пропитание в четыре дня – равно для всех просящих» (41:10).

Хадисы, которые, как известно, записывались, а нередко сочинялись представителями различных социально-политических сил в VII, VIII и даже IX в., т.е. спустя два века после смерти пророка Мухаммада [9], тоже противоречивы. Прогрессивный иранский исследователь Хади аль-Алави в одной из своих работ обращает внимание на две группы взаимоисключающих хадисов.

Относящиеся к первой содержат призыв подчиняться владыке-мусульманину, даже если он несправедлив; относящиеся ко второй – восстать против несправедливой власти, если даже она находится в руках мусульманина [10].

В классическом исламском наследи прослеживаются, таким образом, противоборствующие тенденции. Это верно как по отношению к наследию в целом, так и к отдельным мыслителям прошлого. Абу-ль-Хасана аль-Маварди (974–1058), выдающегося суннитского законоведа, как сторонника и защитника теократии почитают религиозно-политические группировки, стремящиеся к установлению «исламского правительства» – халифата. При этом они опираются на его книгу «Аль-Ахкам ас-султанийя» («Законы правления»). Но в других сочинениях того же аль-Маварди можно найти прогрессивные и весьма смелые для того времени высказывания: «Государство может держаться на неверии (куфр), но не удержится на несправедливости» [11]. Он подчеркивает, что важна прежде всего справедливость, а не религиозная форма правления.

Внутренняя неоднозначность идейных источников, однако, не главное, что определяет альтернативность современных исламских социально-экономических и политических идей, лозунгов и концепций. Определяющим является классовая принадлежность идеологов и тип религиозного сознания

различных политических сил. Важную роль играет и политическая обстановка в той или иной стране и ее изменение.

Сказанное в полной мере относится к социально-политическим концепциям и лозунгам исламских НРПО. Они менялись в процессе развития арабских стран, в результате трансформаций, происходивших с самими НРПО. По меньшей мере лицемерными представляются заявления одного из руководителей египетских «братьев-мусульман», Омара Тлемсани, о том, что программа Ассоциации «не менялась и не станет меняться из-за изменений политических условий»^[12]. «Ни изменений, ни переделок нет в нашей программе, а есть только стабильные вещи, – утверждал он. – Причина здесь ясная: ведь мы выводим нашу программу из Корана, а божественное писание пригодно для жизни вплоть до наступления Страшного суда»^[13]. Однако анализ социально-политической концепции «братьев-мусульман» выявляет наличие эволюции, притом в направлении все более открытых попыток обосновать капиталистическое развитие. Следует отметить, что все идейное наследие «братьев» сохраняется в той или иной форме в политическом обиходе разных течений, существующих внутри этого широкого движения. Несомненна и другая тенденция, особенно характерная для новообразованных экстремистских возрожденческих НРПО, – постепенный отход от идеологических изысков типа «исламского социализма» при сохранении нескольких, часто вообще не обосновываемых положений или лозунгов.

^[1] Международный центр исследования исламской экономики в Джидде (Саудовская Аравия) опубликовал перечень, состоящий из 700 названий книг и статей, вышедших за непродолжительный период из-под пера 406 мусульманских авторов, сферой интересов которых является социально-экономическая тематика (Siddiqi. M.N. *Contemporary Literature on Islamic Economics*. Jeddah, 1978).

^[2] Merad All. *L'islam a l'horizon 2000* // *Tiers Monde*. P., 1982. T. 23. № 92. С. 771.

^[3] Хувейди Фахми. *Ислам таков, каким вы его хотите представить* // *Аль-Араби*. 1983. № 294. С. 36 (на араб. яз.).

^[4] Худейр Идрис. *Философия экономики в исламе*. Алжир, 1982. С. 121 (на араб. яз.).

^[5] Клизма – старое название Суэца. *Море Клизмы – Суэцкий залив*.

^[6] Хувейди Фахми. *Почему ислам оказывается в сфере политической отсталости* // *Аль-Араби*. 1982. № 287. С. 37 (на араб. яз.).

^[7] Левин З.И. *О пределах радикальности «исламского социализма»* // *Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики*. С. 101

^[8] Ибн-Аби-Талиб Али. *Путь красноречия*. Ч. 3. Бейрут, [б.г.]. С. 136 (на араб. яз.).

^[9] См. об этом до сих пор не устаревшие исследования Игнатия Гольдцие-ра, например, *Etudes sur la tradition islamique, extraites du tome II des Muhammedanische Studien*. P., 1952.

^[10] Аль-Алави Хади. *Исламская политика: идея и практика*. Бейрут, 1974. С. 118–121 (на араб. яз.).

^[11] Аль-Маварди Абу-ль-Хасан. *Облегчение рассмотрения и ускорение триумфа*. Рукопись. Народная библиотека г. Гота (ГДР). Ед. хр. 1872. С. 40а (на араб. яз.).

^[12] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 388. С. 25.

^[13] Там же.

С.128-130. Монополия на «истинный ислам»

Пафос концепции основателя и первого идеолога Ассоциации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна заключается в обосновании ее претензии на монопольное отправление власти в обществе.

Строится она на нескольких фундаментальных положениях. Первое из них – это провозглашение безусловной истинности той интерпретации ислама, которую предлагало «братство» устами своего «верховного наставника». «Ислам “братьев-мусульман”» – так назвал его Хасан аль-Банна на V съезде ассоциации, состоявшемся в январе 1939 г. в Каире. Он утверждал при этом, что «немногие имеют об исламе полное и ясное представление»^[1]. Разумеется, согласно логике Хасана аль-Банна, «полное и ясное представление» о нем имеют лишь «братья-мусульмане».

Второе положение заключается в характеристике «ислама “братьев-мусульман”» (читай: «истинного ислама») как тотальной, всеохватной концепции, призванной регулировать все без исключения стороны жизни общества. Данное положение обыгрывается на разные лады. «Ислам и его учение, – говорил Хасан аль-Банна на том же V съезде, – охватывают все, что касается человека в этом и другом мире... Ислам – это вера и культ, родина и гражданство, религия и государство, духовность и действие, священное писание и сабля»^[2]. Ту же идею он приводил и в своих произведениях. «Ислам, – провозглашал он, – это всеохватная система, затрагивающая все жизненные явления. Это государство и родина, или правительство и умма (община верующих), это нравственность и сила, или милосердие и справедливость, это культура и закон, или наука и судопроизводство, это материя и богатство, или заработок и зажиточность, это джихад и пропаганда, или армия и идея, это, наконец, истинное вероучение и поклонение богу»^[3]. Настойчиво повторяющиеся перечисления имеют целью внушить слушателю или читателю идею о том, что ислам имеет отношение ко всем без исключения проявлениям общественной жизни. Более того, «братья-мусульмане» с самого возникновения своей ассоциации претендуют на универсальный, всемирный характер проповедуемого ими ислама^[4].

Если нация хочет быть «по-настоящему мусульманской» она должна во всем следовать «истинному исламу»^[5], так как он представляет собой «единственный путь, по которому нужно следовать и на который необходимо направлять умму в настоящем и будущем»^[6]. Таково третье положение концепции Хасана аль-Банна.

В свете этих положений становятся ясными и социально-политические установки Хасана аль-Банна, которые на первый взгляд могли бы показаться родственными демократии. Так, он устанавливает три правила, которым должна следовать исламская власть. Во-первых, правитель должен быть ответствен перед уммой; во-вторых, между членами общества должно царить братство (ухувва), или единство; в-третьих, должна уважаться воля уммы, которая призвана контролировать деятельность правителя.

Но это не все. Контролировать и направлять правителя «умма» может через «представительное учреждение» (хайа тамсилийя), род парламента. Но это будет исламское «представительное учреждение», т.е. такое, которое лишено основного недостатка, приводящего, по мнению аль-Банна, в негодность западноевропейские парламенты, а именно многопартийности[7]. Условием единства нации и является устранение многопартийности, которая это единство разрушает. В едином исламском обществе должна существовать только одна партия. «Необходимо, – пишет Хасан аль-Банна, – распустить все египетские партии, чтобы все силы народа объединились в единственной партии, которая трудилась бы до конца над осуществлением независимости уммы и ее свободы, над закладкой основ всеобщей внутренней реформы»[8].

Какая партия достойна быть этой единственной партией? Конечно, истинно исламская. Какая партия является истинно исламской? Конечно, «Братья-мусульмане». Следовательно, и в «представительном учреждении» должны быть только «Братья-мусульмане», и политика исламской власти должна направляться и контролироваться ими. Воля уммы – это воля «братьев-мусульман». Такова логика Хасана аль-Банна.

Стремление к установлению политической гегемонии – вот что хотел обосновать первый теоретик ассоциации. И нет ничего странного в том, что отсутствует детальная разработка всех тех многочисленных проявлений социальной жизни, которые перечислял сам Хасан аль-Банна. Он оставлял за собой свободу маневра в социально-экономической области. «Ислам, – писал аль-Банна в 1939 г., – готов извлечь пользу из любой системы, не противоречащей его общим законам и универсальным принципам»[9]. При условии установления политической гегемонии «братьев-мусульман» им будет принадлежать право определять конкретные черты будущей социально-экономической системы. Пока же самое главное – установить эту гегемонию.

Что касается конкретных социально-политических целей «братства», изложенных в программном документе «50 требований»[10], то они в полной мере демонстрируют классовую и историческую ограниченность программы ассоциации – при том, что она включала ряд насущных требований общенационального масштаба. В нем в один ряд ставятся такие задачи, как уничтожение многопартийности, восстановление халифата, контроль за поведением служащих, пересмотр времени работы контор и бюро с целью облегчить отправление религиозных обрядов и исключить перенапряжение, отдельное обучение учеников и учениц, закрытие танцевальных залов, запрещение «возбуждающих воображение романов, а также книг, сеющих сомнения», передача сельских школ в ведение мечетей, постепенный переход всей нации на ношение унифицированной одежды, улучшение экономического положения мелких служащих, забота о повышении уровня сельского хозяйства и ремесла и т.п.

[1] Аль-Банна Хасан. Послание V съезду // *Courants actuels dans l'islam: les Frères musulmans (Etudes arabes, dossiers)*. Roma: Pontificio insituto di studi arabi e islamici, 1981. 1-ere partie. С. 35 (на араб. яз.).

[2] Там же.

[3] Сборник посланий погибшего за веру имама Хасана аль-Банна. Бейрут, [б.г.]. С. 7 (на араб. яз.).

[4] Аль-Банна Хасан. Послание V съезду. С. 38 (на араб. яз.).

[5] Там же. С. 37.

[6] Сборник посланий погибшего за веру имама Хасана аль-Банна. С. 166 (на араб. яз.).

[7] Там же. С. 366.

[8] Там же. С. 376.

[9] Аль-Банна Хасан. Послание V съезду. С. 38 (на араб. яз.).

[10] Пятьдесят требований // *Courants actuels dans l'islam: les Frères musulmans*. С. 6–10 (на араб. яз.).

С.130-132. «Социализм по-исламски»

«Социализм ислама» – так называлась книга, с которой в 1959 г. выступил глава сирийских «братьев-мусульман» Мустафа ас-Сибай (1915–1964). Излагаемая в ней концепция интересна тем, что ее автор – один из немногих «братьев», выступивших с концепцией «исламского социализма».

Мустафа ас-Сибай предпринимает попытку уравнивать ислам и социализм, сводя их к своего рода общему знаменателю – абстрактному гуманизму. Ход его рассуждений таков. Социализмом, по его мнению, называют гуманистическое течение, которое издревле проявлялось и в поучениях пророков разных религий, и в устремлениях религиозных реформаторов. И сейчас народы мира, особенно отсталые, стремятся к осуществлению цели этого вселенского гуманистического течения – избавлению от социального гнета, вопиющего классового неравенства, унижительного для человека. Все социалистические течения, как бы они ни различались между собой, имеют целью «воспрепятствовать тому, чтобы индивид использовал капитал для обогащения за счет народных масс, их нищеты и несчастий; осуществить контроль государства за экономической деятельностью индивида; достичь социальной интеграции (такамуль) граждан, чтобы уничтожить явления крайней нищеты, вопиющие имущественные различия, которые приводят к голоду, болезням и унижениям, соседствующим с благополучием, жестокостью, моральной распущенностью» [1].

Именно эту цель, считает Мустафа ас-Сибай, и поставил ислам во всех своих общественных установлениях. И в условиях, когда народы мира для осуществления этой великой цели обращаются к различным социалистическим теориям, не лучше ли обратиться им к более совершенному методу, а именно к исламу? И не является ли задачей тех, кто знает этот метод, призывать к его использованию всеми доступными способами?

Как видим, от приравнивания ислама к социализму Мустафа ас-Сибай постепенно перешел к отказу от социализма и возвышению ислама.

В чем же заключается «социализм ислама», каковы предлагаемые им практические пути достижения поставленных целей? Основой такого социализма являются «естественные права», которыми должен располагать каждый (предполагается: мусульманин). Их пять: право на жизнь, право на свободу, право на образование (ильм), право на человеческое достоинство (карама), право собственности (тамаллюк).

Наиболее пристальное внимание уделяет Мустафа ас-Сибай пятому праву. Собственность, отмечает он, это «общественная функция», поэтому владелец должен использовать то, чем он владеет, в интересах общества. Ислам осуждает накопление богатств в руках немногих, поэтому государство для осуществления «социальной интеграции» налагает определенные ограничения на собственность, например, в форме закята. Той же цели – «распыления богатств» служит и исламское право наследования (ирс), а также обычай передачи в государственную казну имущества покойного, не имеющего наследников[2].

В период, когда вышла эта книга, одним из животрепещущих общественных вопросов были национализации, имеющие самое непосредственное отношение к проблеме собственности. Мустафа ас-Сибай не стал выступать против национализаций. Он предстает их сторонником и утверждает, что, с точки зрения шариата, допустимость национализаций основывается на высказывании пророка Мухаммада: «Люди – сотоварищи в трех вещах: воде, пастбище и огне». Из этого следует, что «пища и все то, что является жизненно необходимым для людей, может быть национализировано в соответствии с шариатом»[3]. Вместе с тем, он сужает сферу национализации. Во-первых, имущество можно изъять только с согласия его владельца, во-вторых, он должен получить за него компенсацию. Иными словами, национализация в толковании Мустафы ас-Сибай не выходит за рамки обычных капиталистических начинаний. Таково же его отношение к аграрной реформе, которая могла ограничить или уничтожить общественно-экономическое влияние феодалов и способствовать развитию капиталистических отношений в деревне[4].

Упоминавшаяся «социальная интеграция», или уравнение со всеми бедняков, больных, слепых, инвалидов, сирот и т.п., осуществляется за счет закята – налога, который составляет 2,5% стоимости предметов торговли, 10% стоимости скота и т.д.; наследования; использования природных богатств; благотворительной деятельности (ихсан) богачей и т.п.[5]

Гарантий существования такого общества четыре: вероучительные, нравственные, законодательные и материальные. Первые три гарантии истекают из ислама как религии и являются духовными. Четвертая заключается в осуществлении функций четырех исламских институтов: хисбы, своего рода полиции нравов; судопроизводства, применяющего исламский принцип «око за око» (аль-кисас); общественного порицания и бойкота; «священной войны», ведущейся как против внешней агрессии, так и против внутреннего угнетения[6].

Мустафа ас-Сибай заявлял, что предлагаемая им общественно-экономическая система не имеет ничего общего с капитализмом, хотя и признает право собственности, так как в «социализме ислама» это право ограничивается интересами группы, общества, а в капитализме эти интересы ставятся в зависимость от капитала. «Социализм ислама» устанавливает в обществе любовь, взаимопомощь и доброжелательность, капитализм же со своей конкуренцией – враждебность, страх, взаимную ненависть. К тому же «социализм ислама» как социальный строй не запятнан, подобно капитализму, угнетением других народов[7].

«Социализм ислама» противопоставляется коммунизму, как его изображает Мустафа ас-Сибай, ибо первый «придает большое значение духовным аспектам в человеке и не ограничивается чисто материальными потребностями, подобно коммунизму, который весь драматизм истории сводит к голодному брюху»[8]. Коммунизм в изображении ас-Сибай предстает как «война классов», «изъятие имущества», «постоянные кровавые политические чистки»[9].

Концепция «социализма ислама» Мустафы ас-Сибай отражает социально-политические мечтания мелкой и средней буржуазии в арабских странах в конце 50-х – начале 60-х годов. В качестве «классического наследия» «Братьев-мусульман» концепция продолжает свою жизнь в новых условиях, и если некоторые ее положения (например, о национализациях, аграрной реформе) утратили свою остроту, то антикоммунистические ее аспекты продолжают использоваться в идеологии и пропаганде НРПО.

[1] См.: Ас-Сибай Мустафа. Социализм ислама. Дамаск, 1959 (на араб. яз.).

[2] Там же. С. 33–40.

[3] Там же. С. 90.

[4] Там же. С. 99.

[5] Там же. С. 44.

[6] Там же. С. 69.

[7] Там же. С. 100–105.

[8] Там же. С. 116.

[9] Там же.

С.132-135. «Вперед – в прошлое!»

В 70-х – начале 80-х годов на политическую авансцену стран Ближнего Востока вышел ряд экстремистских возрожденческих религиозно-политических организаций. Их идеологической основой была и, как свидетельствует египетский марксист Махмуд Амин аль-Алим[1], остается до сих пор концепция одного из влиятельных теоретиков «братьев-мусульман» Сайида Кутба (казнен в 1966 г.). Его произведения постоянно переиздаются громадными тиражами, а главное – тезисы прочно вошли в обиход мусульманских экстремистов возрожденческого толка. Что касается исторического

аспекта, то «кутбизм» знаменует собой новый этап в становлении идеологии НРПО – выступление «Братьев-мусульман» против курса на некапиталистическое развитие Египта, начавшегося в первой половине 60-х годов.

Основополагающая категория концепции – понятие джахилийя. (Его использование и позволяет безошибочно отнести то или иное произведение к литературе «братьев-мусульман».) Данное понятие применяется в исламской историографии для обозначения доисламского, «варварского» периода в истории арабов, эпохи незнания «божьего слова», Корана. С.Кутб считает, что человечество постепенно опять впало в новую джахилийю, новое варварство. «Весь мир, – писал он в своей последней книге, – на Востоке и на Западе, мусульманский и немусульманский, верующий и атеистический вернулся к джахилийе. Варварство в котором погряз сегодняшний мир, отвратительнее, чем то, которое предшествовало исламу»[2].

Лапидарное определение джахилийи дает подпольное издание «братьев-мусульман», посвященное памяти С.Кутба: «Джахилийя – все, что не является исламом»[3]. «Варварством» представляются «братьям-мусульманам» и «западный» капитализм, и «восточный» социализм. «Варварскими», «лже-исламскими» называются и арабские режимы, которые «заявляют, что их религия – ислам и порой претендуют даже на то, чтобы быть защитниками и пропагандистами», но они «ограничивают религию связью между божьим рабом и его господом. Что же касается связи между людьми, общественных отношений, проблем жизни и власти, экономической политики, то религии, по их мнению, здесь делать нечего»[4].

Особенно резко выступал Сайид Кутб и против теоретических попыток совместить ислам и социализм. «Я не перевариваю, – заявлял он, – речей тех, кто рассуждает о “социализме ислама”, “демократии ислама” и т.п., смешивая порядок, сотворенный богом, и порядки, созданные людьми. Ислам дает самостоятельные, независимые решения проблем человечества. Он – интегральный метод и гармоническое единство, и введение в него любого постороннего элемента способно испортить его так, как включение ненужной детали в сложный механизм может привести весь механизм в негодность»[5].

Панацея от бед всего человечества виделась Сайиду Кутбу в установлении истинно исламской власти, которую он называл хакимийя. (Такое название дано на основании положения «ля хукм илля ли-л-Ллах» – «да не будет никакой власти, кроме божественной».) Хакимийю он основывал на шихаде – исламском символе веры («Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Его»). «Когда шихадой, – писал он, – утверждается божественностью одного Аллаха, ею утверждается, что хакимийя в человеческой жизни принадлежит только ему, т.е. другими словами, ни у кого, кроме бога, нет над человеком власти, никто, кроме бога, не умерщвляет и не оживляет его, никто, кроме бога, не приносит ему вреда или пользы, никто, кроме бога, не дает ему пропитания на земле и на небе... И если это так, если бог один, то едино поклонение ему, все к нему направляются, нет поклонения никому, кроме не-

го, нет хакимии ни у кого, кроме него, и не должны люди брать себе в господа никого из своей среды, а только бога»[6].

Из этих рассуждений С.Кутб делал следующий вывод: «Нельзя, чтобы люди сами устанавливали режимы власти, ее законодательство и законы»[7]. С.Кутб намечал цель установления исламской теократии, названной хакимией. «У ислама, – утверждал он, – есть оригинальная и завершенная концепция (социальной жизни. – А.И.), истинные основы которой содержатся в Коране, хадисах, житии пророка и его практических установлениях»[8]. Но поскольку речь идет об «основах», которые нужно, по-видимому, как-то истолковывать и претворять в жизнь, власть в обществе должна, по мнению С.Кутба, принадлежать религиозным деятелям. Однако, что для этого идеолога самоочевидно, не всяким, а только тем, кто следует «истинному исламу» «братьев-мусульман».

Установление хакимии предполагает насилие. Взгляды С.Кутба характеризуются реакционным радикализмом: спасение человечества видится им в «возвращении к богу»[9], а к «тому, кто отошел от него, дозволяется применение силы»[10].

Достаточно полное представление о реакционном радикализме «братьев-мусульман» может дать отрывок из своего рода политического завещания С.Кутба. «Ислам нуждается в возрождении, – заявил он. – Возрождение начинается меньшинством, которое изолируется от общества варварства и противится ему, не признает для себя в нем ни родины, ни семьи, ни связи, ни закона, ни обычая. Оно признает только одну, бесспорную вещь – разрушение силой и насилием, полное уничтожение, не оставляющее большого и малого. Чтобы верующее сообщество дошло непосредственно до сердец людей, оно нуждается в сметении варварских преград, отделяющих его от людей... Прежде всякой дискуссии или убеждения необходимо свергнуть режим власти, так как он варварский, все режимы власти, так как они варварские, даже те, которые призывают к исламу в своих документах и конституциях, даже те, которые верят в бога, но признают так называемое политическое и социальное руководство»[11].

В результате насильственного установления хакимии будет установлена и «социальная справедливость». (Этот термин вошел в название одного из его главных произведений.)

Она, по мнению С.Кутба, будет заключаться в «милосердии со стороны властителей, подчинении со стороны подвластных, совете (шура) между властителем и подвластным»[12]. Властитель избирается мусульманами, подчинение ему – это подчинение богу и его пророку, но если властитель уклонился от принципов шариата, ему не нужно подчиняться. С.Кутб излагает и другие детали устройства, гарантирующего социальную справедливость. Конечно же, основной метод осуществления экономического равенства – это закят и садака. Значительное место в рассуждениях С.Кутба отводится собственности. Справедливость в исламской общине претворяется в жизнь посредством того, что вся собственность, имущество, капитал (аль-маль) принадлежат ей, общине, она – «наследница бога на земле», отдельные лица

только пользуются имуществом и капиталом, и община должна следить за тем, чтобы богатства не скапливались у отдельных лиц, реквизируя в случае необходимости «избыток» и распределяя его между мусульманами. Налагаются определенные запреты. Запрещается рыба (ростовщичество, взимание ссудного процента), монополия на жизненно важные товары и т.д.

Одним словом, в произведениях С.Кутба исламской риторики достаточно. Что же касается социальной сущности его концепции, то она наиболее ясно видна в одном ее аспекте. Так, перечисляя законные, с точки зрения соответственно толкуемого им шариата, способы приобретения собственности, С.Кутб говорит об охоте и рыболовстве, освоении залежных земель (необработываемых участков), «извлечении находящегося в земле» (нефть, уголь, железная руда), обработке сырья, торговле, труде за вознаграждение, «вооруженном набеге» (аль-газв), награждении удельными владениями[13]. И не более. От такого рода выкладок веет средневековьем: они отрицают современные формы производства и всей общественной жизни.

В целом анализ воззрений С.Кутба показывает, что они – обоснование стремления фундаменталистов к власти. Для осуществления этой цели экстремистские НРПО возрожденческого толка готовы вернуть общество к тем условиям, в которых возникал и складывался исламский шариат, т.е. к эпохе феодализма.

[1] Аль-Алим Махмуд Амин. *Сознательность и ложное сознание*. Каир, 1986. С. 262 (на араб. яз.).

[2] Кутб Сайид. *Вехи на пути*. [Б.м., б.г.]. С. 67 (на араб. яз.).

[3] Почему был убит С.Кутб и его добродетельные братья? // *Аш-Шабаб аль-муслим*. 1976. № 8. С. 18 (на араб. яз.).

[4] Кутб Сайид. *Социальная справедливость в исламе*. С. 3–1 (на араб. яз.).

[5] Там же. С. 97–98.

[6] Там же. С. 20, 38.

[7] Там же. С. 100.

[8] Там же. С. 20.

[9] Кутб Сайид. *Под сенью Корана*. Ч. 1. [Б.м., б.г.]. С. 8 (на араб. яз.).

[10] Кутб Сайид. *Социальная справедливость в исламе*. С. 24 (на араб. яз.).

[11] Кутб Сайид. *Вехи на пути*. С. 68–68 (на араб. яз.).

[12] Кутб Сайид. *Социальная справедливость в исламе*. С. 101 (на араб. яз.).

[13] Там же. С. 120–124.

С.135-138. «Капитализм по-исламски»

Как отмечает З.И.Левин, «в 70-х годах концепция “исламского пути” все чаще используется апологетами крепнущей в арабских странах новой буржуазии, в чьей психологии, представлениях, иллюзиях отражаются стремления стать господствующим классом»[1]. Естественно, что эта тенденция не могла не проявиться и в идеологии НРПО, особенно так называе-

мого умеренного крыла «Братьев-мусульман», среди которых буржуазные элементы начали играть возрастающую роль именно в этот период.

Рассмотрим как пример подобных построений исламскую концепцию «законной стоимости», противопоставляемую марксистской теории прибавочной стоимости. Эта концепция представляет интерес еще и потому, что в значительной степени характеризует идейно-политическую эволюцию «Братьев-мусульман» в направлении апологии капиталистических отношений с позиций ислама.

Этот переход от исламского «феодалного социализма» в сторону оправдания капитализма в исламском издании начал, собственно, Мухаммад Кутб, брат С.Кутба (в настоящее время живет в Саудовской Аравии). Он писал: «Что касается первых шагов (капитализма. – А.И.), то экономисты, в том числе Карл Маркс (пример характерной для «братьев-мусульман» демагогии. – А.И.), согласны, что они были благом для всего человечества... Ислам не стал бы на пути этих шагов, так как он не ненавидит благо людей, более того – его задачей является сеять добро на всей земле». Ведь ислам «считает рабочего компаньоном в прибыли наравне с капиталистом»[2].

Автор концепции «законной стоимости» Абд-аль-Халим Хифаги[3] исходит из таких категорий, как «выбор», «свобода», «свобода выбора» и т.п.: «Выбор является фундаментальной чертой исламского шариата. Ведь он – условие вменяемости и ответственности». Эти декларации понадобились ему для того, чтобы доказать, что орудием выбора свободной деятельности человека является частная собственность. Она, – пишет он, – есть «основа, на которой покоится свободный выбор в области экономической активности и, следовательно, в области всей социальной жизни»[4].

Человек, по мысли исламского теоретика, должен обладать тремя правами по отношению к собственности: 1) правом потребления; 2) правом распоряжаться собственностью по своему усмотрению; 3) правом вкладывать собственность в предприятия с целью увеличения ее объема; при этом основной упор делается на третье из этих прав.

Выделяются два вида доходов: доход от труда и доход от капитала (прибыль). «Человек увеличивает свое богатство либо своим непосредственным трудом, либо путем участия своим капиталом в труде другого. И в этом случае он обладает правом на доход со своего капитала»[5].

Для того чтобы доказать законность дохода с капитала (прибыли), Хифаги совершает логическое сальто-мортале. «Есть ли, – вопрошает он, – социальная необходимость в разрешении этого вида дохода, не являющегося результатом труда? Да, есть. Она проявляется в том, что есть ситуация, в которой может оказаться всякий человек. Учащийся, старик, больной, женщина, ребенок – это те, кто не способен временно трудиться по выбору и в силу необходимости или вынужденно не способен трудиться вообще. Поэтому и необходимо вооружить всех этих людей той же властью, которой располагает человек, способный к труду, чтобы они уравнились с ним в ответственности за вмененные им действия. Поэтому мудрый божественный законодатель разрешил доходы с капитала (прибыль)»[6].

Из этого отрывка вытекает, что капиталистами являются учащиеся, старики, больные, женщины и дети, которые должны располагать такой же свободой выбора, что и занятые производительным трудом. Но это явно не соответствует действительности, и из женщин, учащихся и т.п. строится очень непрочный мостик, ведущий от провозглашенной «свободы выбора» к капиталистической эксплуатации. А в том, что речь идет о капиталистической эксплуатации, не остается совсем никаких сомнений, если рассмотреть суть концепции «законной стоимости».

Для разъяснения своей концепции Хифаги приводит следующий пример. Предположим, говорит он, что ремесленник, изготавливающий стулья, скопил 50 ф. (по-видимому, египетских). Это «накопленный труд». На втором этапе он тратит эти 50 ф. на мелиорацию залежного участка[7], после чего стоимость этого участка становится равной 50 ф. На третьем этапе этот новый владелец привлекает себе в помощь работника, который своим «живым трудом» возделывает участок. Стоимость этого «живого труда» также оказывается равной 50 ф.[8] Итак, с одной стороны, на 50 ф. «накопленного труда», с другой – на 50 ф. «живого». На четвертом этапе урожай продается за 150 ф. Новая ценность – 50 ф. имеет своим источником «климат и свойства, которые привнес бог в почву; они стали источником урожайности пшеницы и умножения ее количества по сравнению с посеянным»[9]. На пятом этапе владелец земли и работник «справедливо» делят вырученные деньги: первый получает 75 ф. и второй 75 ф. По мысли Хифаги, доход от труда составит 25 ф. (75 минус 50), доход с капитала – тоже 25 ф. (75 минус 50). «Так где же тут грабитель и где ограбленный?» – риторически восклицает Хифаги[10].

Можно ответить на этот совсем не риторический вопрос. Грабителем здесь является наниматель – владелец участка. 50 фунтов, которые появляются после продажи урожая, это стоимость прибавочного продукта, созданного не землей и тем более не богом, а трудом наемного рабочего, 75 ф. которого распадаются на 50 плюс 25 (стоимость его рабочей силы плюс 25 ф. дохода). Наниматель же кладет себе в карман 25 ф. прибавочной стоимости, созданной трудом наемного рабочего (50 ф. стоимости прибавочного продукта минус 25 ф. дохода рабочего).

Не говоря уж о том, что данный пример крайне неудачен с точки зрения элементарной политической экономии[11], он показывает, что «исламский» вариант капитализма – это все-таки капитализм, т.е. эксплуатация. Но Хифаги считает, что его пример с мусульманами – Робинзоном и Пятницей – является достаточным основанием для следующего вывода: «Производственные отношения нужно строить на следующей основе: во-первых, оценка живого труда и оценка капитала как накопленного труда; во-вторых, совместное участие этих элементов производства в сельском хозяйстве, торговле, промышленности. И тогда станет законным и доход от труда, и доход с капитала (прибыль)»[12].

Как видим, концепция «законной стоимости» – это попытка обоснования буржуазного предпринимательства и капиталистической эксплуатации

под прикрытием ссылок на исламский шариат плюс заимствованные идеи «народного капитализма».

[1] Левин З.И. Национализм и буржуазная интерпретация «исламского пути» (арабские страны) // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С. 61.

[2] Кутб Мухаммад. Превратные мнения об исламе. Бейрут, [б.г.]. С. 79 (на араб. яз.).

[3] А.-Х.Хифаги – египтянин, по образованию и профессии адвокат. В период правления Г.А.Насера проходил по делу «братьев-мусульман» и был осужден на длительный срок тюремного заключения. Цитируемая ниже книга – это, по его словам, запись бесед, которые вели «братья» с находящимися вместе с ними в заключении египетскими коммунистами, и развернутые комментарии к этим беседам. Освобожден из тюрьмы после прихода к власти А.Садата.

[4] Хифаги Абд-аль-Халим. Диалог с коммунистами в тюремных халатах. Эль-Кувейт, 1974. С. 204, 217 (на араб. яз.).

[5] Там же. С. 225.

[6] Там же. С. 225–226.

[7] Здесь нужно иметь в виду, что, по исламскому шариату, такой участок никому не принадлежит, следовательно, достается гипотетическому ремесленнику, ставшему аграрием, даром.

[8] Эта величина чисто произвольная. Владелец участка пока не выплачивает эти деньги работнику, так как предполагается, что весь капитал, которым он располагал (50 ф.), уже израсходован. Свои 50 ф. работник получит после реализации урожая.

[9] Хифаги исходит из теологизированной теории «трех факторов» физиократов (капитал+труд+земля), где фактором, производящим прибавочный продукт (новую стоимость), является земля.

[10] Хифаги Абд-аль-Халим. Диалог с коммунистами в тюремных халатах. С. 243–246.

[11] Даже для простого воспроизводства владельцу участка понадобится 50 ф. Следовательно, у него остается 25 ф. (75 минус 50) на личное потребление. Этого, по-видимому, явно недостаточно в условиях, когда стоимость рабочей силы составляет 50 ф. А даже если и достаточно, то потребление капиталиста будет составлять одну треть от потребления рабочего (у первого после расходов на простое воспроизводство остается 25 ф., у другого есть 75 ф.).

[12] Хифаги Абд-аль-Халим. Диалог с коммунистами в тюремных халатах. С. 247.

С.138-144. Идеологический кризис экстремизма

В настоящее время представители самых разных политических сил в арабских странах согласны в том, что исламские НРПО переживают идеологический кризис. Буржуазно-либеральный арабский автор характеризует нынешние НРПО как «воинствующие религиозные организации, которые совершенно не заботятся о теоретических выкладках»[1]. Публицист революционно-демократического направления, рассматривая деятельность «Братьев-мусульман» и других НРПО в Египте, констатирует присущую им «идейную лень» и отмечает, что «напрасно стали бы мы искать ясные представления об “исламском государстве” у тех, кто призывает к его установлению»[2]. «Теоретическое бесплодие» – такой диагноз ставит «Братьям-

мусульманам» публикация Суданской коммунистической партии[3]. Возникшие в последнее время НРПО слабы даже в религиозной области. Тунисский исследователь пишет, что они характеризуются «абсолютным незнанием элементарных положений шариата»[4].

Главная, если не единственная цель, которую ставят идеологи возникших в последнее время экстремистских НРПО, заключается в захвате власти насильственными методами. Они практически отказываются от рассмотрения, пускай с религиозных, традиционалистских позиций, реальных проблем арабского общества. На первый план, как единственно важная, выдвигается одна проблема, одна цель – захват политической власти и установление «исламского правительства».

Показательна в этом отношении книга, приписываемая инженеру-электрику Мухаммаду Абд-ас-Салюму, одному из тех, кто был приговорен к смертной казни за участие в убийстве А.Садата[5]. Эта книга – своего рода декларация организации Священная война.

В книге ставится задача свержения всех правящих режимов в арабских странах, ибо, по мнению автора, их руководители – первейшие вероотступники. Все нынешние правители арабских и других мусульманских стран обвиняются в услужении «крестоносцам» (христианам. – А.И.), коммунистам или сионистам. Мусульманские у них только имена. Они претендуют на то, чтобы считаться мусульманами, но являются на самом деле вероотступниками.

Абд-ас-Салюм делает различие между вероотступником и неверным и, основываясь на некоторых законодеческих текстах, заявляет, что с неверным от рождения нужно обходиться не так сурово, как с вероотступником. Последний же должен быть убит даже в том случае, если он не воюет против мусульман.

Будучи не в состоянии игнорировать наличие империалистической агрессии в регионе, автор концепции разделяет врагов мусульман на «дальних» и «ближних». «Дальним», с его точки зрения, и является империализм. Однако мусульмане не должны поддерживать те режимы, которые ведут борьбу против империализма, так как подобная поддержка может способствовать укреплению этих антиисламских режимов. Если и воевать против империализма, то эта война должна вестись под исламскими знаменами и с мусульманским командованием.

Базой для проникновения империализма на землю мусульман являются указанные режимы. И начинать бороться сразу против империализма, «дальнего» врага – пустая трата времени и сил. Сначала нужно заняться «ближним» врагом – свергнуть существующие режимы лжемусульман, заменить их властью, соответствующей истинному исламу, восстановить божественное законоустановление (шариат), все подчинить божественной воле. Покончив с «ближним» врагом, можно будет приняться и за «дальнего».

Единственным методом установления истинно исламской власти объявляется вооруженная борьба. Это, по существу, проповедь насилия, обосновываемая ссылками на Коран, а также на некоторые вырванные из общего

контекста высказывания пророка Мухаммеда, например на его слова: «Я пришел к вам с мечом»^[6]. Позитивная программа при этом отсутствует. Истинно исламская власть, будучи раз установлена, сможет автоматически решить все проблемы общества.

Хотя рассмотренный аспект программы этой праворадикальной группировки относительно нов, нельзя не заметить идеологического родства группы Священная война с упоминавшимися идеями Сайида Кутба.

Низкий теоретический уровень и экстремизм присущи социально-политической доктрине организации Обвинение в неверии и уход от мира в том виде, в котором она изложена в произведении ее основателя Шукри Ахмада Мустафы «Точные указания» («Ат-Тавсимат»), переписывавшемся от руки членами группы.

Современное общество провозглашается «обществом неверных» (кафир) и «варварским» (джахили). Это и есть акт такфира, т.е. «обвинения в неверии». Даже мечети считаются «варварскими храмами». Такое общество необходимо разрушить и на его месте создать исламское государство. Поскольку эта цель не может быть осуществлена немедленно, необходима некоторая подготовительная работа. Прежде всего, в соответствии с идущим от пророка Мухаммеда «обычаем» необходимо совершить хиджру, уйти от мира, который погряз в неверии и варварстве, с тем чтобы среди «неверных» (читай: всех египтян) не осталось ни одного «истинного мусульманина» (читай: шукритов, членов организации).

Роль покинутой пророком Мекки, в которой властвуют многобожники, «неверные», отведена всему Египту, где «борются против каждого, кто призывает к священной войне во имя Аллаха». Стране уготовано «божье наказание». В это время «истинные мусульмане» будут находиться в пустыне. Поэтому они не пострадают при уничтожении Аллахом «неверных». (Эти положения и дали основание назвать организацию «Обвинение в неверии и уход от мира».)

Сами же члены этой организации называют себя «Ассоциация истины» (Джамаа аль-хакк), «Ассоциация призыва к истине» (Джамаа ад-дава иля аль-хакк) или просто «Группа шукритов» – по имени основателя и первого «эмира» организации агронома Шукри Ахмада Мустафы.

Объединившись в изоляции от всех, «истинные мусульмане» должны начать джихад с целью установления исламского государства. Сам джихад имеет несколько последовательных форм. Во-первых, «истинный мусульманин» должен освободиться от внутренней смуты в душе, под коей подразумевается многобожие, т.е. вера и подчинение кому-либо или чему-либо, кроме Аллаха. Должен он уйти и от внешней смуты, т.е. таких условий, в которых может подвергнуться гонениям. Во-вторых, «по всей Земле нужно разнести слово истинного ислама», иными словами, заниматься пропагандой. В-третьих, непосредственно начать сам джихад, используя насильственные методы, ради установления державы ислама. Эта держава задумана как мировая.

Успех «священной войны» зависит от ряда условий. В настоящее время «истинные мусульмане» недостаточно сильны для того, чтобы одержать окончательную победу во всем мире. Поэтому Аллах, как заявляется в «Точных указаниях», заставил бороться друг с другом Россию и Америку (т.е. СССР и США). Они расходуют силы на эту борьбу и окончательно должны уничтожить друг друга, погибнув в огне третьей мировой войны. И вот тогда-то, пишет Шукри Ахмад Мустафа, «относительно уравниваются, как мы полагаем, силы мусульман и немусульман и начнется великая и победоносная битва»[7]. (Надо сказать, что сами шукриты отнеслись к идеям своего руководителя с полной серьезностью и в ожидании третьей мировой войны действительно ушли в пустыню[8].) Правда, после сурового подавления этой организации египетскими властями и казни ее руководителя установки организации стали несколько более умеренными. Ее члены ныне отказываются от буквального ухода и совершают «уход духовный» (муфасаля маанавийя). Принимается некоторая маскировка: члены организации не считают зазорным сбрить бороду, посещать обычные мечети и т.п.[9]

Как видим, в идеологии НРПО формируются два основных направления. Первое – умеренное, сторонники которого стремятся приспособить положения ислама к требованиям развития по капиталистическому пути. Второе – экстремистское; идеологи этого направления, говоря условно, стремятся приспособить общественные условия к сложившимся в эпоху средневековья установлениям ислама.

Между представителями этих двух направлений идет довольно острая идейно-пропагандистская борьба. Часть взаимных инвектив приведена выше. Экстремисты призывают к свержению режимов, существующих в арабском мире. При этом объектами «критики словом» и «критики оружием» становятся и прокапиталистические режимы. Происходит радикализация части НРПО, эти организации выходят за жесткие рамки задач, поставленных перед ними их «классовыми патронами» (борьба только против прогрессивных сил). Этот процесс касается как идеологических установок, так и конкретных целей и практических задач. Свидетельство тому – и усилившаяся дробность движения, и возникновение группировок, которые характеризуют сами себя как «левые»[10].

Умеренные НРПО, которые во все более заметной степени переходят на позиции оправдания капиталистической ориентации, стремятся отмежеваться от экстремистов, уменьшить их влияние, устранить их с политической сцены как конкурентов. «Они – не братья и не мусульмане!» – таков заголовок статьи в финансируемой Саудовской Аравией газете «Аш-Шарк аль-Авсат», которая выступила против «волны террора со стороны групп, обманом причисляющих себя к исламу»[11]. Автор статьи – известный саудовский публицист Ахмад Мухаммад Джамаль, близкий к умеренным «братьям-мусульманам» Египта, стремится обосновать ту точку зрения, что «воспитание – единственно исламский способ преобразования общественных условий». Хасан аль-Банна, основатель и первый идеолог движения «братьев-мусульман», оказывается противником террора, насильственных методов

борьбы. Статья заканчивается словами: «Террор, будь то убийство или похищение, расходится с исламской моралью, противен принципам честных проповедников ислама»[12]. Критикуя концепцию хакимийи, выдвинутую Сайидом Кутбом и подхваченную многими вновь возникшими НРПО, умеренный «брат-мусульманин» Хасан аль-Ашмави пишет, что «лозунг “да не будет никакой власти, кроме божественной” (ля хукм илля ли-л-Лах!) всегда был источником смут и причиной раскола среди мусульман, так как каждая группа считает, что именно она и должна осуществлять эту божественную власть в большом и малом, стремиться к ее осуществлению, вследствие чего распадается единство мусульман и одни начинают убивать других»[13]. Эта в целом здравая мысль в конкретных условиях Египта конца 70-х – начала 80-х годов служила, однако, цели пригасить выступления протеста против политики «открытых дверей», принявших религиозно-экстремистскую форму.

Один из руководителей «братьев-мусульман» во всеарабском масштабе, Мухаммад аль-Газали, также выступает против тех, кого он считает экстремистами. Он выдвигает против них два главных обвинения: во-первых, в безграмотности членов экстремистских организаций, как в вопросах ислама, его догматики, права, истории, так и в политике вообще, во-вторых, в самом экстремизме, в крайностях при выборе форм и методов воздействия с целью изменения общества (например, установление смертной казни за малейшую провинность, такую, скажем, как пропуск молитвы). Соответственно альтернатива заключается, считает аль-Газали, во внесении просвещающего момента в экстремистское движение (здесь свою роль призваны сыграть улемы, к коим принадлежит и сам аль-Газали), а также в терпеливом преобразовании общества, в проведении «политики постепенности» (ан-нафас ат-тавилль)[14].

Нынешний ведущий идеолог всеарабской ассоциации «Братья-мусульмане» Юсуф аль-Кардави также ратует за умеренность, ведь и сам ислам, по его убеждению, религия «меры», «золотой середины»[15].

Критика умеренными экстремистов не исключает того, что и те и другие единодушны, если иметь в виду их цель – установление истинно исламской власти – халифата. Против этой идеи в арабских странах выступают самые различные силы. Их идеологи критикуют эту цель, общую всем исламским НРПО.

Резко критикует «религиозные группы, которые призывают к установлению халифата», член руководства Национально-прогрессивной (левой) партии Египта Мухаммад Халяф-ал-Лах.

«Религия, – пишет он, – это только то, что от бога доводится через пророков-посланников до людей и разъясняется им. Но ни в коем случае не может быть религией то, что предлагает человеческий разум в качестве свободного суждения (иджтихад) по вопросам, о которых ничего не сказано в Тексте (Насс – подразумевается в первую очередь, если не исключительно Коран. – А.И.)»[16]. В Коране же ничего конкретно не было сказано, считает автор, о форме политического правления, что в дальнейшем и вызвало среди мусульман споры и даже вооруженную борьбу по этому вопросу. Это первая и главная посылка, в опоре на которую один из критиков НРПО стремится

опровергнуть их претензии на халифат как религиозную форму государственного правления.

Вторая посылка заключается в том, что порядок, установленный пророком Мухаммадом на основании положений Корана, являлся не политическим, а «педагогическим», так как он имел целью «обучение людей священному писанию и мудрости, для того чтобы вывести их из мрака на свет, направить их к истине и прямому пути»[17].

Таким образом, цитируемый автор надеется, по-видимому, перекрыть религиозно-политическим группировкам все пути для теоретических изысканий. Его вывод заключается в том, что любой образец политического устройства, возникший в период после смерти пророка Мухаммада, – как образец теоретический, концептуальный, так и имевший место в реальности – не имеет отношения к религии и, как таковой, не может быть обязательным для мусульманина. Деятельность же пророка, являясь прежде всего просветительской, морализующей, не может служить политическим образцом. Мусульманин может стремиться к имитации пророка, но в этом случае его действия не должны иметь отношения к политике.

Предполагаемая в качестве альтернативы программа заключается в следовании в политической области «универсальным истинам, в правильности которых сходятся все человеческие общества»[18]. Эти истины должны быть не унаследованными от прошлых эпох, а современными, модернизированными. Ведь не стремимся же мы сейчас лечиться, руководствуясь «Каноном врачебной науки» Авиценны. Тем более не стоит обращаться к прошлому в политике[19].

Консультант кабинета министров государства Кувейт Ахмад Камаль Абу-ль-Маджд отвергает представление о халифате как о «чисто божественной власти», так и о власти человеческой. Он доказывает, опираясь на факты из истории и современности арабских стран, что само понятие «халифат» неприменимо в современных условиях арабского мира, не говоря уж о том, что халифат «никогда не был законченным и определенным в деталях политическим режимом»[20]. Духу ислама, считает он, соответствует светская политическая власть, при которой царят «абсолютная справедливость, абсолютная свобода, полное участие всех в управлении»[21].

Арабские марксисты подвергают критике политические установки НРПО, разоблачают их реакционную классовую сущность. Казненный в годы правления Д.Нимейри генеральный секретарь Суданской коммунистической партии Абд-аль-Халид Махджуб в своей написанной в 60-х годах, но до сих пор актуальной книге «Мысли о философии “братьев-мусульман”» показал, что производимое этой НРПО разделение общества по религиозному признаку и попытки представить борьбу в современном мире как борьбу религиозную имеют целью «затемнить классовое сознание трудящихся масс: ведь если все мусульмане, то в классовой борьбе нет смысла, нет разницы между богатым и бедным, ни к чему социалистическое развитие. В этом суть проповеди „братьев-мусульман”»[22]. А.-Х.Махджуб раскрыл действительное, нерелигиозное, противоречие современного мира и путь его решения: «Действи-

тельность капиталистического угнетения в наши дни подошла к альтернативе: либо завершение национальной революции социальной, либо остановка и задержка социальных преобразований и, следовательно, потеря национальной независимости»[23].

Анализируя высказывания Хасана аль-Банни, ливанский автор Файсал Даррадж указывает, что проповеди этого религиозного идеолога и политического деятеля призывали к «братству» между рабочими и предпринимателями. Основой этой проповеди было то, что «понятие частной собственности связывалось с богом, а бог – с собственностью». «Бог, – продолжает Файсал Даррадж, – и частная собственность становились священными и взаимосвязанными, своего рода синонимами... Но поскольку бог хранит частную собственность, получалось, что она – более свята, чем сам бог»[24].

Мы видим, что идеология НРПО эволюционирует. И если в прошлом некоторые теоретики были не прочь прибегнуть к «исламско-социалистическому синтезу», то в настоящее время идеологи НРПО, как верно констатируют советские исследователи, отошли от включения «социалистического» аспекта в свои доктрины[25]. При этом во все возрастающей степени проявляется консервативный характер социально-политических идей исламских НРПО.

[1] Boularès Habib. *L'islam: La peur et l'espérance*. С. 72.

[2] Роз Эль-Юсеф. *Каир*. 06.08.1984. № 2930. С. 49.

[3] Публикации «братьев-мусульман»: прочтение и комментарий. С. 8 (на араб. яз.).

[4] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé*. С. 75.

[5] См.: Абд-ас-Салям Мухаммад. *Невыполняемая ныне обязанность мусульманина*. [Б.м.], 1981 (на араб. яз.).

[6] Там же. С. 4, 27–28.

[7] Шукри Гали. *Религиозная реакция берется за оружие*. С. 42–43.

[8] Аль-Ахрам. 14.07.1977.

[9] См.: Куль аль-араб. 23.05.1984.

[10] Ведя разговор об экстремистских НРПО, некоторые авторы говорят даже о «революции». Так, египетский публицист, используя игру слов, выделяет «ислам богачей» (ислям сарви) и «революционный ислам» (ислям саври) (Фуда Фараг. *Накануне падения*. Каир, 1985. С. 160–161 [на араб. яз.]). Думается, что подобные характеристики не выходят за рамки игры слов. Что же касается социально-политического характера экстремистских НРПО, то они отрицают капиталистические (как и социалистические) порядки с позиций идеализированного докапиталистического прошлого арабских народов.

[11] Аш-Шарк аль-Авсат. 27.01.1984.

[12] Там же.

[13] Аль-Ашмави Хасан. *Арабский индивид и проблема власти*. Бейрут, 1980. С. 135 (на араб. яз.).

[14] Аль-Газали Мухаммад. *Исламская жизнь: проблемы на пути*. Катар, 1982. С. 106–109, 113–115 (на араб. яз.).

[15] Аль-Кардави Юсуф. *Исламское сознание: отрицание и экстремизм*. Катар, 1982. С. 16 (араб. яз.).

[16] Халыф-ал-Лах Мухаммад Ахмад. *Текст, свободное суждение и власть в исламе // Аль-Араби*. 1984. № 307. С. 15 (на араб. яз.).

[17] Там же. С. 43.

[18] Там же. С. 42.

[19] Отметим, что Мухаммад Халыф-ал-Лах сознательно подключается к антихалифатской традиции, которую четко выразил в своем «исследовании о халифате и правительстве в исламе», озаглавленном «Ислам и основы власти» (запрещена в 1925 г.), Али Абд-ар-Разик (1888–1966). Он отрицал пригодность халифата для мусульман и призывал «вернуться к суждениям разума, опыту нации, правилам политики. Организация мусульманских армий, строительство городов, система специализированных министерств – ко всему этому религия не должна иметь никакого отношения. Здесь решающую роль играют разум и опыт» (Абд-ар-Разик Али. *Ислам и основы власти*. Бейрут, 1978. С. 201 [на араб. яз.]).

[20] Абу-ль-Мадж Ахмад Камаль. *Культурное наследие, свободное суждение и политическая теория ислама* // *Аль-Араби*. 1984. № 308. С. 22 (на араб. яз.).

[21] Там же. С. 23.

[22] Махджуб Абд-аль-Халик. *Мысли о философии «братьев-мусульман»*. Хартум, 1968. С. 43 (на араб. яз.).

[23] Там же. С. 42.

[24] Даррадж Файсал. *Религия и классовая борьба* // *Ат-Тарик*. 1978. № 2. С. 117 (на араб. яз.).

[25] Левин З.И. *О пределах радикальности «исламского социализма»*. С. 103.

Глава 3. В поисках альтернативы.

С.145-157. Кому это выгодно

Странным на первый взгляд может показаться утверждение, что деятельность и само существование антиамериканских и антиизраильских (если судить по их лозунгам) НРПО нередко объективно в немалой степени служат интересам США и Израиля в регионе. Но так складывается, что уже стремление осуществить первейшую цель всех фундаменталистских организаций – установить халифат, или исламское правительство, способствует ослаблению фронта противостояния арабских государств империализму и сионизму. Достаточно ясно виден антипатриотический характер политико-идеологических установок значительной части экстремистских НРПО в их концепции «ближнего» и «дальнего» врага. Она изложена, напомним, в брошюре одного из теоретиков египетской организации Священная война Мухаммада-ас-Саляма Фарага. Мусульмане, заявляет он, не должны поддерживать политические режимы в своих странах, ведущие борьбу против израильской оккупации и империалистического проникновения, так как это способствовало бы укреплению этих режимов, которые фундаменталисты объявляют антиисламскими. Сначала, призывал этот исламист, нужно заняться «ближним» врагом – свергнуть власть «лжемусульман» в арабских странах, противостоящих Израилю, заменить их «истинно исламской властью», восстановить в полном объеме «божественное законоустановление» (шариат). Покончив с «ближним» врагом, можно будет взяться и за «дальнего» – Израиль, империализм[1].

Эта концепция находит сторонников не только в организации Священная война. Во время процесса над группой сирийских «братьев-мусульман» один из обвиняемых руководителей организации, Хусни Абдо, заявил в соответствии с установкой о «ближнем» и «дальнем» враге: «Когда мы очистим Сирию от вероотступников, тогда и повернем оружие против Израиля»[2]. Известный египетский публицист Фуад Закария отмечает, что США и Израиль не слишком напуганы исламскими НРПО, так как для многих из этих организаций решение проблемы оккупированного Иерусалима и борьба против израильской оккупации других территорий отложены до того времени, когда будет установлена «исламская власть»[3].

Такая политико-идеологическая направленность проявляется, в частности, в террористических актах исламских НРПО против государственных институтов, которые призваны играть реальную роль в борьбе против агрессивной политики империализма и сионизма в регионе. 29 ноября 1981 г. в результате проведенного сирийскими «братьями-мусульманами» террористического акта было убито и ранено более 200 новобранцев на призывном пункте в квартале Азбакийя (Дамаск). События февраля 1982 г. в г. Хама стали серьезной попыткой дестабилизации обстановки в Сирии – стране, проти-

востоящей Израилю и американским планам ближневосточного урегулирования.

Подобного рода факты не единичны. Даже те акции НРПО, которые преподносятся их пропагандистскими органами как деяния «во имя ислама», «против сговора с иудеями», при ближайшем рассмотрении оказываются вовсе не такими однозначными. Взять хотя бы в качестве примера убийство египетского президента А.Садата 6 октября 1981 г. Непосредственными исполнителями этого террористического акта были члены уже упоминавшейся организации Священная война. Но высказываются предположения о причастности, если не прямой, то косвенной, к устранению А.Садата секретных служб США и Израиля[4]. И если, по мнению некоторых исследователей, эти предположения «остаются в сфере умозаключений их авторов»[5], несомненно то, что А.Садат был устранен в наиболее удобный момент для американских и израильских правящих кругов. К тому времени и сам тогдашний египетский президент, и те формы, которые принял проводимый им проамериканский курс, изжили себя.

Однако неверным было бы рассматривать отношение правящих кругов США и Израиля к исламским НРПО на Ближнем Востоке как пассивное ожидание и извлечение ограниченной политической выгоды из случайных стечений обстоятельств. Возможности для соответствующей активности создают те контакты, которые устанавливают американские эмиссары, например, с египетскими «братьями-мусульманами». Бывший «генеральный наставник» этой ассоциации Омар Тлемсани вынужден был признать, что поддерживал контакты с советником посольства США в Каире Джозефом Лоренцом и выполнял его просьбы[6]. А ливанский еженедельник «Аль-Кифах аль-араби» сообщил в феврале 1987 г. со ссылкой на круги, близкие к сенату США, что администрация президента Р.Рейгана осуществляет постоянные контакты с «братьями-мусульманами» в целом ряде арабских стран – Египте, Марокко, Тунисе[7]. Вся редакционная верхушка печатного органа суданских «братьев» («Ар-Рая» – «Знамя») прошла соответствующую подготовку в США.

Корреспондент газеты «Вашингтон пост» в Ливане цитирует своего знакомого израильтянина – специалиста по арабским проблемам, имя которого он не называет. «Только тогда, когда Израиль обращается с просьбой о финансовой помощи к американским евреям, мы, израильтяне, заявляем, что арабский мир – это своего рода единый мастодонт, решительно настроенный сбросить в море бедный маленький Израиль. В действительности же Ближний Восток представляет собой настоящую мозаику народов и культур». Перечислив различные этнические и религиозные группы, собеседник Дж.Рандала продолжил: «Если Израилю удастся вступить в контакт со всеми этими оппозиционными группами... он сможет расколоть исламский мир»[8].

Американский корреспондент мог бы не ссылаться на анонимного собеседника. Существует официальный план израильского руководства, направленный на дальнейшую дестабилизацию обстановки в ближневосточном

регионе с использованием религиозно-общинных противоречий. Большая роль в нем отводится НРПО.

По представлениям израильских стратегов, их государство окружено несколькими поясами противостояния. Первый – «пояс непосредственного противостояния», т.е. те арабские государства, которые находятся в конфронтации с Израилем и проводят более или менее враждебную политику по отношению к нему. Второй пояс – другие арабские государства, которые могут поддержать страны первого «пояса» в случае военного конфликта. В 80-е годы израильские стратеги хотят расширить зону «стратегической заинтересованности» на третий пояс – Африку, особенно ее северную и центральную части, страны Персидского залива (особенно – Иран), Турцию, Пакистан, Афганистан[9].

Провоцирование, поощрение и использование в максимальной степени этнической, конфессиональной и этноконфессиональной розни – таков один из способов обеспечения очень расширительно понимаемой «безопасности государства Израиль». Сценарий, сочиненный израильскими стратегами на 80-е годы, в основных чертах следующий. Ирак распадается на три самостоятельных и враждующих между собой государства: курдское суннитское государство на севере страны, арабское суннитское – в центре, арабское шиитское – на юге. Египет оказывается поделенным между коптским христианским и арабским мусульманским государствами. Сирия разорвана между двумя суннитскими государствами – вокруг Дамаска и в районе Халеба, шиитско-алавитским государством на побережье Средиземного моря, друзским государством, созданным частично в районе Голанских высот, а также в Хауране и в Северной Иордании. Саудовская Аравия распалась на миниатюрные княжества, созданные на племенных и религиозных принципах. Все это происходит на фоне уже сформировавшихся «пяти Ливанов» – шиитского, друзского, маронитского, суннитского и «независимого государства Южного Ливана». Именно так описывает «израильскую стратегию на 80-е годы» бывший сотрудник министерства иностранных дел Израиля»[10].

Цель такой военно-политической стратегии, основанной на разжигании конфессиональной розни и ее использовании, заключается в выполнении по меньшей мере трех задач: во-первых, создать ряд буферных государств, союзных Израилю или находящихся под его контролем; во-вторых, создать широкую полосу карликовых религиозно-общинных мини-государств, враждующих между собой и с буферными государствами; в-третьих, создать зону «стратегической глубины», представляющую собой районы все тех же религиозно-общинных распрей, но на этот раз в третьем из перечисленных выше «поясов стратегической заинтересованности».

Хорошо известно, что с середины 70-х годов Израиль оказывал широкую военную помощь Ливанским фалангам и другим правохристианским вооруженным формированиям, снабжая их автоматическим оружием, минометами, пушками и даже танками, обучая фалангистские пехотные подразделения и танковые экипажи на своих военных базах[11]. Фалангисты же, выполняя задачу, поставленную израильскими спецслужбами, снабжали оружи-

ем сирийских «братьев-мусульман», обучали их формам и методам подрывной деятельности, осуществляли пропагандистское обеспечение на Ближнем Востоке и в Европе их антигосударственных акций[12].

Действия правящих кругов Израиля нацелены на расчленение Ливана, на его максимальное ослабление религиозно-общинной рознью, его, а заодно, если удастся, то и Сирии. С этой целью, как отмечает обозреватель английского журнала «Мидл Ист», Израиль с начала 80-х годов стал вооружать почти все имевшиеся в Ливане группировки[13].

События в Ливане достаточно хорошо известны. Укажем только, что они дают правящим кругам Израиля двойную выгоду. Первая – максимальное ослабление страны. Вторая – политико-пропагандистского свойства. Бейрутский корреспондент «Вашингтон пост» в своей книге «Тысячелетняя война» указывает, что конфессиональная (христианско-мусульманская) форма конфликта в Ливане «способствовала оправданию того отказа, который Израиль противопоставлял предложениям Организации освобождения Палестины о создании на месте сионистского государства “секулярной демократии”, на территории которой будут совместно проживать христиане, мусульмане и иудеи». Начиная с сентября 1975 г. тогдашний министр иностранных дел Израиля Игал Аллон неоднократно заявлял, что события в Ливане – «наше лучшее возражение» на предложения ООП; они «представляют собой свидетельство того, что сосуществование различных национальных и конфессиональных групп в рамках одной демократии (одного государства. – А.И.) невозможно»[14].

Израиль старается извлечь максимальную пользу и из деятельности исламских НРПО на оккупированных в 1967 г. территориях. В секторе Газа действуют Партия Аллаха (Хизб Аллах), Исламский центр (Аль-Марказ аль-ислями); на Западном берегу р. Иордан – движение Священная война (Харака аль-джихад), организация Мусульманская рука (Аль-Яд аль-исламийя). Упомянутые организации возникли в самом начале 80-х годов, пополнив список НРПО на оккупированных территориях, в котором к тому времени уже были «Братья-мусульмане» и Исламская партия освобождения.

Эти организации и другие фундаменталистские группы выступают против израильской оккупации, руководствуясь религиозно-общинной «логикой» противостояния «правоверных» и «неверных». Но та же «логика» приводит к тому, что они весьма активно выступают и против прогрессивных и патриотических сил на оккупированных территориях. Вот только частичная хроника подобных акций мусульманских экстремистов. После подписания кэмп-дэвидских соглашений на оккупированных территориях был создан прогрессивный Комитет патриотической ориентации. В октябре 1980 г. комитет призвал провести в мечети местечка Эль-Бира митинг в знак протеста против условий содержания палестинских заключенных в тюрьме Нафха, расположенной в пустыне Негев. «Братья-мусульмане» силой разогнали «неверных», которые «хотели использовать мечеть в целях, расходящихся с исламом». В 1982 г. «братья-мусульмане» и члены родственных НРПО дважды поджигали здание палестинского Красного полумесяца в Газе. В июне 1983 г.

«братья-мусульмане» пытались дезорганизовать студенческий митинг, посвященный годовщине июньской войны 1967 г., в университете Бир-Зейта. В конце февраля 1984 г. они же попытались сорвать фестиваль, организованный Палестинской коммунистической партией в университете «Ан-Наджах» в г. Наблусе, похитили нескольких членов прогрессивной организации Фронт студенческого действия. Они постоянно выступали в унисон с представителями оккупационных властей и сионистскими террористическими организациями против законного мэра Наблуса Бассама аш-Шакаа. «Братья-мусульмане» участвуют в физических расправах над представителями патриотических и прогрессивных сил. При этом исламские экстремисты используют лозунги «защиты ислама» и «борьбы против атеизма и коммунизма».

Реакция израильских оккупационных властей в перечисленных и многих других случаях однотипна: если становится известно, что одна из сторон, участвующих в беспорядках, – «братья-мусульмане», израильтяне отводят воинские подразделения или полицию из этого района, давая возможность реакционерам, прикрывающимся исламскими лозунгами, безнаказанно делать свое дело.

Израильские оккупационные власти, по свидетельству специалистов, «прекрасно знают руководителей и членов (исламского) движения, но попустительствуют им»[\[15\]](#). НРПО рассматриваются израильской администрацией в качестве «полезного противовеса» коммунистическому влиянию, как выразился обозреватель буржуазного ежемесячника «Монд дипломатик»[\[16\]](#). Оккупанты не без удовлетворения наблюдают за силами, которые ослабляют палестинское движение сопротивления на оккупированных территориях. Идее создания демократического палестинского государства НРПО, действующие на оккупированных территориях, противопоставляют лозунг создания исламского палестинского государства. Отвлекает от реальной борьбы за освобождение оккупированных территорий и концепция одного из теоретиков палестинских «братьев-мусульман», Сабри Абу-Зияба, согласно которой мусульмане, где бы они ни находились, составляют часть «духовно свободного» мира ислама (дар аль-ислям) уже благодаря одному факту своей веры. Использование Израилем исламских НРПО облегчается тем, что часть этих организаций враждебно настроена по отношению к сирийскому режиму, о чем прямо заявлено в фетве близкого к палестинским и иорданским «братьям-мусульманам» муфтия Иерусалима шейха Саад-ад-Дина аль-Алями[\[17\]](#).

На территории самого государства Израиль[\[18\]](#) действует исламская военизированная организация Семейство священной войны (Усра аль-джихад), созданная в 1980 г. и осуществившая за 4 года своего существования около 60 акций, направленных против собственности израильских евреев, – поджог пшеницы на полях, вырубка фруктовых садов и т.п. Около 50 членов этой организации приговорены к тюремному заключению и отбывают наказание[\[19\]](#).

Организация Семейство священной войны является запрещенной. Действует открыто ее невоенизированное крыло – Семейство религии (Усра

ад-дин). Членов этого «семейства» можно узнать в Назарете и других городах по бородам и длинным белым одеждам.

Оба «семейства» исходят из необходимости вести джихад против государства Израиль и провозглашают своей целью создание «исламского палестинского государства». Израильские власти мало напуганы результатами этого джихада. Что же касается цели «семейств», то она в настоящее время как нельзя больше устраивает власти в качестве противовеса концепции светского, демократического палестинского государства, с которой выступает ООП. Устраивает израильские власти и враждебность Семейства священной войны и Семейства религии по отношению к коммунизму.

Что касается США, то они используют деятельность НРПО преимущественно для прямого вмешательства в дела региона и отдельных стран. Так, в октябре 1981 г., вскоре после убийства А.Садата в Асьюте, на юге Египта произошли вооруженные столкновения, спровоцированные членами египетских НРПО исламские группы. Сразу же в Вашингтоне представители Пентагона заявили, что принято решение задержать возвращение в США 2 тыс. морских пехотинцев, которые занимались тренировками на борту кораблей VI флота в Средиземном море, направить атомный авианосец «Нимиц» и корабли сопровождения в Восточное Средиземноморье «в качестве предосторожности против возможных проблем, затрагивающих безопасность Египта» [20]. В состоянии повышенной боевой готовности были приведены все американские силы и средства, находившиеся не только в Восточном Средиземноморье, но и в зоне Персидского залива и в прилегающих акваториях Индийского океана. Ускорилась подготовка крупномасштабных маневров «сил быстрого развертывания» «Брайт стар-2», которые состоялись уже через месяц после описываемых событий. Они проводились на территории самого Египта, а также Судана, Сомали и Омана и вылились в ничем не прикрытую демонстрацию силы против стран региона.

В США постоянно разрабатываются далеко идущие планы прямого вооруженного вмешательства в районе Ближнего Востока в качестве «возмездия» или «ответа» на антиамериканские акции НРПО. Так, в мае 1985 г. организация Исламский джихад [21] в письме, посланном в ливанские газеты и представительства иностранных информационных агентств, аккредитованных в Ливане, предложила отпустить шестерых заложников – четырех американцев и двух французов) в обмен на освобождение приговоренных в Кувейте за совершение террористических актов в этой стране в декабре 1983 г. членов этой организации. И вот в третьей декаде мая газетная компания Херста (США) сообщила, что заложники якобы переправлены на территорию Ирана. Одновременно она опубликовала информацию о том, что администрация США готова принять решительные меры в отношении Ирана и проиранских НРПО, если будет убит хоть один заложник – гражданин США. В качестве ответной меры американской администрации рассматривалась бомбардировка одной из четырех целей: 1) места дислокации ливанских проиранских формирований в долине Бекаа (Ливан); 2) священный город иранских шиитов Кум; 3) нефтеналивной порт на о-ве Харк; 4) порт Бендер-Аббас

у входа в Ормузский пролив. О существовании подобных планов свидетельствует заявление помощника американского президента по национальной безопасности Р.Макфарлейна о том, что в связи с захватом в июне 1985 г. шиитской НРПО в качестве заложников пассажиров авиалайнера компании «Транс Уорлд Эйрлайнз», американские ВВС могут нанести удар по «двум-трем стратегическим объектам» на Ближнем Востоке[22].

Нельзя исключать и того, что американские, а также сотрудничающие с ними спецслужбы других стран готовы пойти на сознательную провокацию с целью создания повода для прямого военного вмешательства в дела того или иного государства. Отсутствие обнародованной политической программы и объявленных целей, тайные и экстремистские формы и методы борьбы, непредсказуемость действий – вот те моменты в деятельности Исламского джихада и некоторых других НРПО, которые создают для империалистических и реакционных сил в ближневосточном регионе и за его пределами возможности для различного рода манипуляций.

Первоначально политическую линию организации Исламский джихад можно было вывести из самой направленности ее акций. Как известно, их объектами стали: американское посольство в Ливане (18 апреля 1983 г.), казармы американских морских пехотинцев и французских солдат в Бейруте (23 октября 1983 г.), израильский штаб в Тире (Южный Ливан, 3 ноября 1983 г.).

Но после известных взрывов в Суэцком заливе в июле 1984 г., ответственность за которые приняла на себя организация Исламский джихад, с ней началась опасная путаница. Если иметь в виду события сравнительно недавнего прошлого, то в мае 1985 г. были осуществлены следующие террористические акты разного масштаба: покушение на эмира государства Кувейт в г. Эль-Кувейт, убийство в Бейруте преподавателя из Великобритании Дэниса Хила, взрывы в разных городах Саудовской Аравии. Непосредственно после совершения террористических актов информационные агентства получали сообщения о том, что ответственность за них взяла на себя НРПО Исламский джихад. Однако 3 июня 1985 г. эта организация сняла с себя ответственность за указанные акты и обвинила в их осуществлении «особые группы американских спецслужб»[23].

Что это? Раскол в самом Исламском джихаде? Появление новой организации, принявшей то же самое наименование и те же методы борьбы? Включение в действие спецслужбами США подставной организации, выдающей себя за Исламский джихад? Последняя возможность представляется не такой уж нереальной: еще в 1983 г. арабские исследователи отмечали, что в нефтедобывающих странах Персидского залива для ведения подрывной и дестабилизирующей деятельности внешние силы, и особенно Соединенные Штаты, могут использовать рабочих-иммигрантов из стран распространения ислама – Ирана, Пакистана и др.[24] Благодатной социально-психологической почвой для использования иностранных рабочих в подрывных целях под прикрытием религиозных лозунгов может стать отмечаемое самими арабскими авторами отношение к иностранным рабочим-

мусульманам со стороны мусульман – коренных жителей как к людям «второго сорта». Те же «считают, что ислам уравнивает людей, а то отношение, которому они ежедневно подвергаются, ничего общего с исламом не имеет»[\[25\]](#).

В связи с этими обстоятельствами существует вероятность создания подставных НРПО. Использованию такого, крайне коварного, метода террористической деятельности способствует в немалой степени кроме отмеченных выше факторов и множественность НРПО. В этой связи настораживает тот факт, что многочисленные организации всплывали на поверхность политической жизни на Ближнем Востоке единственный раз, для проведения одной террористической акции, чтобы затем навсегда исчезнуть. В 1984 г. заставили о себе говорить Революционная организация мусульман-социалистов (март), Силы исламской зари (май), Острый меч и Бригады Мусы ас-Садра (июль), Исламский революционный авангард и Исламская организация освобождения аль-Кудса (Иерусалима) (август); в 1985 г. террористические акты совершались от имени таких «одноразовых» организаций, как Бригада Хайбара – ливанский филиал (март), Исламское сопротивление (апрель), Самоубийственная группа имени имама Хусейна – силы Абу-Араба (июнь), Самоубийственная группа имени Мусы ас-Садра (июнь), Исламское движение освобождения (сентябрь)[\[26\]](#).

А идея создания антиарабскими силами подставного Исламского джихада или другой группы со словом «исламский» в названии, что называется, носится в воздухе. Об этом свидетельствует такой факт. В Париже полиция арестовала на месте преступления членов французского националистического расистского Национального фронта, которые с целью возбуждения антиарабских настроений среди французов малевали ночью на стенах и витринах надписи: «Долой французов!», «Да здравствуют арабы!». Среди надписей была и такая: «“Исламский джихад” победит!»[\[27\]](#).

Если же иметь в виду, что все заявления о взятии на себя ответственности за проведенные акции перечисленных выше «одноразовых» и практически всех других НРПО делаются в форме телефонных звонков или писем в информационные агентства, то очень часто оказывается невозможно установить, кто же на самом деле стоит за тем или иным террористическим актом, будь то захват заложников, угон самолетов, взрывы заминированных автомобилей или убийства. Таким образом открываются самые широкие возможности для всякого рода провокаций, включая и создание подставных НРПО.

Естественно, эта деятельность западных и израильских спецслужб осуществляется в условиях строгой секретности, однако в прессу периодически просачиваются сведения о некоторых таких группах. Например, газета «Вашингтон пост» сообщила, что для «борьбы против ближневосточного терроризма» ЦРУ подготовило несколько оперативных групп, состоящих из выходцев из арабских стран. В марте 1985 г. одна из этих групп произвела на южной окраине Бейрута взрыв, в результате которого 72 человека погибли, 256 были ранены[\[28\]](#). Мадридский журнал «Камбио-16» рассказал, что накануне антиливийской кампании в феврале – марте 1986 г. сотрудничающие с

ЦРУ агенты французских спецслужб создали из арабских иммигрантов в Испании подставную террористическую организацию. Ее задачей было скомпрометировать дипломатическое представительство Ливии в испанской столице [29]. В апреле 1986 г. в Лондонском аэропорту была осуществлена неудавшаяся попытка взорвать самолет израильской авиакомпании «Эл-Ал» с 376 пассажирами на борту. Британские власти поспешно приписали эту акцию Сирии, а в США не менее поспешно заявили, что они осуществляют военную акцию против этой страны под предлогом «борьбы против терроризма». Крупнейшей сенсацией стало интервью премьер-министра Франции, в котором он сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, за попыткой (умышленно неудачной!) стоят люди, связанные с израильской спецслужбой «Моссад» [30].

Какие выгоды извлекают США и их союзники из таких подставных организаций? Как отмечает авторитетный бейрутский еженедельник, общественности в западных странах настойчиво внушается чувство ненависти к мусульманам вообще и арабам в частности, которые огульно выставляются в роли террористов. Автор рассматриваемой статьи считает, что именно из-за этого в США и Западной Европе значительно ослабели симпатии к палестинцам и их борьбе за создание собственного независимого государства. Ливан, другие арабские страны характеризуются средствами массовой информации как «очаги терроризма». В значительной степени в результате этих усилий многие американцы и западноевропейцы стали рассматривать американские и израильские нападения на мирные арабские города (бомбардировка авиацией Израиля г. Туниса в октябре 1985 г., ракетно-бомбовые удары авиации США по Триполи и Бенгази) как едва ли не законные «акты возмездия». В сущности, анонимные акции индивидуального терроризма служат обоснованием политики государственного терроризма, которую на международной арене проводят США и их стратегический союзник Израиль [31].

В условиях, когда усиленно разжигается религиозно-общинная рознь – с использованием как реальных, так и подставных НРПО – для еще большего обострения антиарабскими силами противоречий между религиозными общинами, дестабилизации обстановки в странах региона, оказываются эффективными и так называемые «слепые» (т.е. не сопровождающиеся заявлениями о конкретной цели) террористические акты. Религиозно-общинная логика сразу «помогает» вычислить те силы, которые предположительно стоят за такой акцией. Множатся «удары возмездия», раскручивается спираль насилия и террора...

«Война заминированных автомобилей», ареной которой стал Бейрут в августе 1985 г., может проиллюстрировать ход и результаты подобных акций. Так, 14 августа автомобиль, начиненный взрывчаткой, взорвался в секторе Восточного Бейрута, контролируемом Ливанскими фалангами; 13 человек было убито, 122 – ранено. 17 августа мощный взрыв потряс густонаселенный район Северного Бейрута; контролируемого христианскими вооруженными формированиями. Печальным итогом «слепого» террористического акта стали 60 убитых и 120 раненых. Эти акции роднит с проведенной 8 мар-

та 1985 г. в Бир Эль-Абд американскими спецслужбами несколько черт: анонимность (ни одна организация не взяла на себя ответственность за взрывы), особая жестокость, проявившаяся в том, что взрывы были произведены в густонаселенных районах в моменты большого скопления людей; большая сила взрыва (во втором случае, по мнению ливанских специалистов, машина была загружена 250 кг эксогена – взрывчатого вещества, в 4 раза более разрушительного, чем за взрывами в районах, контролируемых христианскими вооруженными формированиями, последовали взрывы в тех местах, где проживают мусульмане. 19 августа в Западном Бейруте, в районе, контролируемом Прогрессивной социалистической партией (ПСП), перед рестораном, заполненным посетителями, была взорвана автомашина, в результате чего погибли 22 человека и 77 – получили ранения. В тот же день был взорван автомобиль в квартале Бейрута, заселенном шиитами. На следующий день, 20 августа в г. Триполи, на севере Ливана, около домов, в которых проживают руководитель мусульманской НРПО Воинство Аллаха (Джунд Аллах) шейх Канаан Наджи, один из руководителей Исламской партии единобожия (Хизб ат-тавхид аль-ислями) была взорвана автомашина, загруженная взрывчаткой. Итог террористического акта – 43 убитых, около 100 раненых. Ответственность за эту серию ответных акций взяли на себя «одноразовые» и, судя по всему, подставные организации – Черные бригады и Христианские революционеры Кедр.

Общим результатом этих террористических акций явилось резкое обострение обстановки в Бейруте и во всем Ливане, уменьшение шансов на быстрое достижение национального примирения, закрепление раздробленности значительной части ливанского общества по религиозно-общинному принципу. В результате начавшихся между христианским и мусульманским секторами Бейрута дуэлей с применением стрелкового оружия и артиллерии только с 19 по 21 августа 1985 г. было выпущено около 15 тыс. артиллерийских снарядов и мин, уничтожено 1138 автомобилей, повреждено 2500 домов. А с 14 по 21 августа в общей сложности было убито 246 человек и ранено 775. Не вызывает сомнений, что целью этих террористических акций был срыв реальной перспективы стабилизации положения в стране после создания 6 августа межконфессионального Фронта национального единства. Сами же террористические акты совершались, по свидетельству президента Ливана, «руками одних и тех же элементов, переходящих из одного сектора в другой» [32].

Ведя разговор об использовании феномена НРПО в провокационных целях, нельзя не вспомнить и о захвате 30 сентября 1985 г. в качестве заложников четырех сотрудников советских учреждений в Бейруте, один из которых был убит. Совершившие этот преступный акт выдвинули требования, касавшиеся вооруженных действий в г. Триполи (север Ливана) между враждующими ливанскими группировками, к чему Советский Союз не имел никакого отношения. В том, что речь в данном случае шла о подставной организации, за которой стояли силы, стремившиеся нанести ущерб советско-арабским отношениям, убеждает следующее. Первоначально похитители зая-

вили, что они якобы являются членами организации Исламский джихад. Однако Исламский джихад немедленно выступил с заявлением о своей непричастности к похищению советских граждан и пригрозил наказать тех, кто пользуется его названием для прикрытия собственных преступлений[33]. После опровержения похитители придумали новое название – «Исламская организация освобождения – силы Халида Ибн-аль-Валида» (по имени исламского полководца VII в.). Затем к названию добавили еще слова «бейрутский сектор»[34].

С осуждением антисоветской террористической акции выступили практически все организации и партии, действующие в Ливане, среди которых были и шиитское движение АМАЛЬ, и Партия Аллаха. Видный шиитский деятель Мухаммад Хусейн Фадлялла осудил захват советских граждан в Бейруте и убийство одного из них и выразил готовность оказать помощь в освобождении заложников[35]. Едва ли не все политические силы, действовавшие в Ливане, способствовали обнаружению и освобождению советских людей, и 4 ноября оставшиеся в живых трое из четвертых сотрудников советских учреждений вернулись на Родину.

На XXVII съезде КПСС было заявлено, что «Советский Союз будет решительно ограждать своих граждан от актов насилия, делать все для защиты их жизни, чести и достоинства»[36].

Таким образом, оппозиционность НРПО существующим в арабских странах режимам, ясно выражаемое стремление заменить их «истинно исламской властью», использование этих организаций империалистическими силами и их союзниками для дестабилизации внутривосточной обстановки, а их деятельности – в качестве предлога для вмешательства в дела региона и отдельных стран – все это должно было бы заставить правящие круги в странах Ближнего Востока занять однозначно отрицательную позицию по отношению к НРПО. И это предположение во многом является обоснованным.

Исламские НРПО часто жалуются на плохое к ним отношение властей в арабских странах. Принадлежащий «Братьям-мусульманам» в Кувейте журнал «Аль-Баляг» поместил в декабрьском номере за 1985 г. большую подборку материалов, призванных доказать, что члены НРПО – «истинные борцы за веру» подвергаются преследованиям со стороны государства в Тунисе, Марокко, Египте, Ливии, Иордании[37]. Один из современных идеологов «Братьев-мусульман», Юсуф аль-Кардави, заявляет, что «исламские режимы считают исламское движение своим первейшим противником и заклятым врагом»[38].

Но эти оценки слишком однозначны, констатации излишне прямолинейны. Отношения между государством и НРПО значительно более сложны, точнее, запутанны. Это чувствуется и в приведенных выше словах аль-Кардави. Читатель обратил внимание на противопоставление «исламских режимов» и «исламского движения».

Отношения между государством в арабских странах и исламскими НРПО нередко напоминают странную шахматную партию, в которой оба

противника играют фигурами одного цвета. Ведь, так же как и НРПО, руководства этих стран апеллируют к исламу, стремясь обосновать свою политику. Поэтому заслуживают более подробного рассмотрения отношения между государством и НРПО в условиях активного использования ислама в политических целях.

- [1] См.: Фараг Мухаммад Абд-ас-Салям. *Невыполняемая ныне обязанность мусульманина* (на араб. яз.).
- [2] Ан-Назир. [Б.м.], 1980. № 10. С. 11.
- [3] Аль-Ахали. 20.04.1987.
- [4] Медведко Л. И. ...Этот Ближний бурлящий Восток. М., 1985. С. 286.
- [5] Васильев А.М. *Исламский фундаментализм и Египет // Азия и Африка сегодня*. 1986. № 1. С. 22.
- [6] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 388. С. 25.
- [7] Правда. 10.02.1967.
- [8] Randal J. *La guerre de mille ans*. P., 1984. С. 207–208.
- [9] Маарив. Тель-Авив. 18.12.1981.
- [10] См.: Yinon O. *Stratégic pour Israël dans des années 1980 // Revue d'études palestiniennes*. P., 1982. № 5, automne.
- [11] См., например, отрывки из книги израильского журналиста Шимона Шифера «Снежный ком» (Тель-Авив, 1984; на русском языке) // *За рубежом*. 1987. № 27.
- [12] Аль-Хуррийя. 1979. № 939. С. 8.
- [13] См.: *За рубежом*. 1985. № 17.
- [14] Randal J. *La guerre de mille ans*. С. 215.
- [15] Rochot P. *La Grande Fièvre du monde musulman*. С. 156–157.
- [16] *Monde diplomatique*. 1983. № 353.
- [17] Там же.
- [18] Среди примерно 4 млн человек, проживающих в Израиле, насчитывается около 450 тыс. мусульман и примерно 50 тыс. христиан (Там же.). Государство контролирует большую часть вакуфных средств, назначает исламское духовенство. (Для сравнения отметим, что христиане пользуются в этом отношении автономией.)
- [19] Аль-Ватан аль-араби. 1984. № 378.
- [20] *Monde*. 10.10.1981.
- [21] Корреспондент «Жён Африк», посетивший Тегеран, Кум, Ахваз, Дамаск, Баальбек, считает, что Исламский джихад – название, которое принимают для проведения некоторых операций боевики ряда проиранских шиитских религиозно-политических организаций – ливанской Исламский АМАЛЬ, а также входящих в так называемый Высший совет исламской революции в Ираке – Партия исламского призыва (Хизб ад-даава), Организация исламского действия (Муназзама аль-амаль аль-ислям), Борцы за веру (Аль-Муджахидун) и др. (*Jeune Afrique*. 25.01.1984.)
- [22] Правда. 03.07.1985.
- [23] *Monde*. 05.07.1985.
- [24] Ат-Тамими Абд-аль-Малик Халяф. *Политические последствия иммиграции // Аль-Мустакбаль аль-араби*. Бейрут, 1983. № 4. С. 89–90 (на араб. яз.).
- [25] Али Хайдар Ибрахим. *Влияние иностранной рабочей силы на арабскую культуру // Аль-Мустакбаль аль-араби*. 1983. № 4. С. 115–116.
- [26] Сведения о других подобных организациях читатель найдет в [Приложении](#).
- [27] *Monde*. 24.05.1985.
- [28] *Washington Post*. 12.05.1985.
- [29] *Cambio-16*. Madrid. 13.05.1986.
- [30] *За рубежом*. 1986. № 50.

- [31] *Ан-Нахар аль-араби ва-д-дували. Бейрут, 1986. № 503.*
- [32] *L'Humanité. 21.08.1985.*
- [33] *Monde. 03.10.1985.*
- [34] *Monde. 02.10.1985.*
- [35] *Правда. 14.10.1985.*
- [36] *Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 70.*
- [37] *Аль-Баляг. Эль-Кувейт. 1985. № 820. С. 8–13.*
- [38] *Аль-Кардави Юсуф. Исламское сознание: отрицание и экстремизм. С. 14 (на араб. яз.).*

С.157-170. Между Сциллой и Харибдой

Анализ деятельности правящих групп в арабских странах в течение длительного периода показывает, что ислам рассматривается ими в качестве удобного инструмента политики. Они обращаются к религии в надежде осуществить ряд целей. Понятия, категории, лозунги, почерпнутые из исламского идейного арсенала, способны, как считают эти политические деятели, служить средством воздействия на массы в желательном для данных режимов направлении. Предпринимаются попытки разъяснить мусульманам на наиболее доступном для них языке религиозных образов и символов светские по существу положения и принципы политической доктрины, которой руководствуется тот или иной режим. Естественно, социальное содержание этих доктрин различно. И если Г.А.Насер и его окружение стремились использовать религиозный язык для разъяснения простым египтянам целей и задач некапиталистического развития, то садатовский режим в полной мере использовал «исламскую риторику» для оправдания капиталистической по своей сути политики «открытых дверей».

Ограничение рождаемости, ликвидация неграмотности, всеобщая перепись населения, введение удостоверений личности – эти и многие другие конкретные задачи обосновываются режимами как допустимые и даже необходимые с использованием исламского понятийного аппарата. Даже попытку запретить предписываемое шариатом воздержание от пищи в течение дня в месяце рамадан (оно крайне негативно сказывается на производительности труда) бывший президент Туниса Х.Бургиба пытался обосновать ссылками на Коран...

Особое значение придают исламу, как консолидирующему, объединительному фактору, правящие группы в странах с неоднородной национально-этнической структурой. (А таковыми являются почти все страны региона.) Например, и в Алжире, и в Марокко, странах с разными политическими режимами, власти одинаково стремятся использовать религиозный фактор (ислам) для ослабления унаследованных от прошлого этнических противоречий между арабами и берберами.

Практически все режимы обращаются к исламу для политико-идеологической дискредитации своих противников в глазах верующих. Реак-

ционные правящие круги в арабских странах, эксплуатируя чувства мусульман, стремятся направить их против прогрессивных идейно-политических течений, оградить граждан или подданных от влияния социалистических идей. Обвинение в «атеизме» стало широко использоваться ими в политической борьбе даже против умеренных буржуазно-либеральных партий и движений, выступающих за ограниченные реформы в социально-экономической области, не говоря уж о более радикальных. Впрочем, и прогрессивные режимы нередко инкриминируют своим противникам «отход от истинного ислама».

Опору в исламе ищут те режимы, которые пошли по пути пересмотра политического курса, выработанного ранее в ходе или в результате широкой народной борьбы. Например, в Египте при А.Садате, в Судане при Д.Нимейри широко рекламировавшаяся «исламизация» использовалась для легитимизации, т.е. придания власти правящих групп законности в глазах верующих.

Ряд политических режимов в регионе, оказавшись перед лицом сложнейших экономических проблем, обратился к политике «исламизации» в надежде на получение кредитов или даже безвозмездной финансовой помощи от тех нефтедобывающих государств Персидского залива, которые, в свою очередь, стремятся осуществить свои гегемонистские устремления в ближневосточном регионе (как и в соседних) под лозунгами «мусульманской солидарности».

Претензия правящих кругов на монопольное использование ислама в политической области закреплена конституционно (там, где конституция есть) – в виде положения «ислам – религия государства»[\[1\]](#). Отношения, структуры и институты, позволяющие такое использование религии, складывались по-разному. Например, в Марокко после достижения независимости руководство партии Истикляль с молчаливого одобрения королевского двора многое сделало для дискредитации религиозных деятелей – улемов. В частности, акцентировалось внимание на том, что значительная их часть сотрудничала с французскими властями. В 1956 г. были даже составлены и опубликованы списки улемов-коллорационистов. 60–70-е годы стали в стране периодом падения авторитета религиозных деятелей. Параллельно шел процесс организации улемов в рамках региональных объединений, возглавляемых Высшим советом улемов (создан в 1980 г.), председателем которого назначил себя король Марокко.

В 1977 г. в Ливии началась кампания против религиозных деятелей – улемов и факихов (знатоков исламского права)[\[2\]](#), символом конфликта стало противопоставление «Зеленой книги» М.Каддафи, излагающей его «третью мировую теорию», «желтым книгам» по законоведению, исламскому праву (они, как правило, печатаются на бумаге желтого цвета). После провозглашения Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии утратила свою силу Конституционная декларация 1969 г., которая провозглашала ислам государственной религией. В Декларации об установлении власти народа (март 1977 г.), имеющей силу основного закона, указанная

формулировка отсутствует, основным законом общества провозглашается Коран, что практически упраздняет исламское право (фикх) и соответственно лишает факихов места в обществе. Одним из результатов кампании стал уход в отставку в конце 1979 г. верховного муфтия Джамахирии. С его уходом исчез и сам официальный пост. Улемы теперь входят в созданную государством Ассоциацию исламской пропаганды (Джамийя ад-дава аль-ислямийя). Таким образом, победила «Зеленая книга».

В Египте крайне суровое подавление «Братьев-мусульман» в 50–60-е годы продемонстрировало улемам твердое и непреклонное желание государства монополизировать использование религии. Религиозные деятели пошли на службу к государству. К концу 60-х годов в результате принятия ряда законодательных мер президент страны стал главой Высшего совета Аль-Азхара, а также главой Всеегипетского совета улемов.

Можно привести немало других примеров (в частности, «детеоκραтизация» в Тунисе), но при всех различиях в деталях существует нечто общее в механизме использования религии государствами региона. Это маргинализация религиозных деятелей, т.е. создание такой ситуации, в которой они не могут играть независимую от государства роль; затем – этатизация, т.е. включение религиозных деятелей на зависимых началах в государственный аппарат; наконец, во многом успешная попытка монополизировать использование религии с помощью «этатизированных» религиозных деятелей, превращенных в государственных служащих.

Однако существует ряд императивов развития, исполняя которые правящие режимы вынуждены приходить в столкновение с религией. Эта тема – столкновение государства с исламом – исследована в незначительной степени, поэтому мы остановимся на ней более подробно.

Для арабских стран справедлива даваемая советскими исследователями констатация «глубокого рассогласования процессов промышленного роста и социальной трансформации общества», рассогласования, которое в настоящее время приобрело «отчетливый кризисный характер»^[3]. Известно, что в ряде арабских стран возник и укрепляется современный сектор экономики (и шире – всего общества): нефтедобыча и нефтепереработка; внедрение достижений НТР в сферу транспорта, связи, вооружений; развитие промышленности, сельского хозяйства и энергетики; совершенствование медицинского обслуживания, системы образования и т.п. В данном секторе стран капиталистической ориентации господствуют и капиталистические производственные отношения. При этом формируются соответствующие стандарты жизни и поведения, меняются мировосприятие и социально-психологическая атмосфера. Тем самым осовремениваются важные области общественной жизни, не связанные непосредственно с производством.

Своего рода противовесом этому сектору является традиционный с его отсталыми – как правило, докапиталистическими – структурами и отношениями. Он препятствует расширению современного сектора, постоянно воспроизводя не только устаревшие производственные отношения, но и укоренившуюся в течение столетий систему взглядов и действий. Традиционный

сектор как бы цементируется религией (преимущественно исламом). Поэтому многие аспекты существования и развития современного сектора неизбежно приходят в столкновение с религией. А поскольку государство олицетворяет собой и направляет развитие современного сектора общества, то именно оно вынуждено осуществлять конкретные меры, ограничивающие роль и влияние религии в разных сферах общественной жизни. Это справедливо в отношении не только стран капиталистического развития, но и тех, которые сделали социалистический выбор.

Существование современного сектора вызывает необходимость создания соответствующего законодательства, призванного регулировать отношения в данном секторе. Одна из характерных особенностей такого законодательства состоит в его светскости, секулярности. Если рассматривать отношения ближневосточных стран с внешним миром, то становится ясным: правовая регуляция экономических, политических, культурных и других связей осуществляется в соответствии с уже давно секуляризованным международным публичным правом.

Что же касается правотворчества и правоприменения, то начиная со второй половины XIX в. происходило его становление в основном через восприятие норм буржуазного, светского права западноевропейских государств. Этот процесс протекал в разных арабских странах в различных формах. Наблюдаемое ныне правовое закрепление отношений современного сектора в странах капиталистического развития – прямое его продолжение. Именно буржуазными по своему характеру являются начатые еще в период правления короля Фейсала в Саудовской Аравии мероприятия в области законодательства. В Кувейте законодательно установлен приоритет правовых норм в следующей последовательности: публичное (светское) право, обычное право, исламское право[4].

Страны, провозгласившие социалистическую ориентацию развития, воспринимают некоторые принципы и нормы социалистического права. Этот процесс характерен, в частности, для Алжира. В отчетном докладе V съезду партии Фронт национального освобождения (ФНО) отмечалось, что в период разработки и широкого обсуждения Всеобщего статута трудящегося (1979–1983) предпринимались усилия для «перестройки трудового законодательства в направлении защиты прав трудящегося, широкого внедрения оплаты труда в соответствии с принципом “каждому по труду”»[5].

Случающееся порой введение отдельных норм исламского права в публичное право арабских государств не превращает его в религиозное, а лишь представляет собой включение новых элементов в складывающуюся (или уже сложившуюся) светскую правовую систему[6]. Сущностного изменения самой системы не происходит прежде всего потому, что область применения этих норм весьма ограничена. Так, при введении в Ливии закона (№ 74, 1972 г.) о воспрещении ссудного процента (риба) было отмечено, что он не распространяется на отношения с зарубежными контрагентами[7]. Более того, самому ссудному проценту давались такие толкования, которые сводили на нет сам этот запрет[8].

В некоторых случаях использование отдельных норм исламского права является вынужденной мерой. Например, Алжир унаследовал от колониального периода множество форм личного статута: в стране применялись положения маликитского[9], ибадитского[10] и искусственно возрожденного колонизаторами «кабийского»[11] личного статута. «Кабильский» статут существенно ограничивал имущественные права женщины и ее положение в обществе. Положения исламского права применялись в решениях Верховного суда страны вплоть до принятия гражданского семейного кодекса (1984 г.). Это, во-первых, предоставляло женщине большие права по сравнению с «кабийским» статутом и, во-вторых, в некоторой степени способствовало унификации правового положения женщины в условиях, когда не был еще принят гражданский семейный кодекс.

Исламское право как самостоятельная правовая система продолжает существовать в арабских странах, но сфера его применения не выходит за рамки внутримечетских дел, некоторых сфер брачно-семейных отношений, отдельных гражданских сделок.

Современный сектор в арабских странах безусловно заинтересован в ликвидации неграмотности, в системном и поэтапном распространении научных знаний и представлений о мире. В этой сфере также есть причина для конфликта с религией: многие улемы (тем более преподаватели коранических школ при мечетях) упорно утверждают, например, что земля плоская, и продолжают учить этому. Даже король Саудовской Аравии Фейсал в 1974 г. с раздражением посоветовал им отправиться «подучиться» в Европу и «подольше не возвращаться»[12]. Уже в 60-е годы были проведены коренные реформы в области образования во всех арабских странах (Саудовской Аравии, Египте, Тунисе и др.), направленные на маргинализацию (превращение во второстепенную) всей системы религиозного обучения. В настоящее время в Саудовской Аравии ставится задача создания «здорового технологического климата» в масштабах всего общества[13]. В органе Лиги арабских государств (ЛАГ) была опубликована статья консультанта кабинета министров государства Кувейт, в которой звучали настойчивые призывы «отвергнуть супранатуралистический подход» к явлениям, так как «общество, члены которого в глубине души не верят в законы, управляющие вселенной и жизнью, не в состоянии принимать политические и социальные решения на научной основе, соответствующей этим законам»[14].

Современный сектор заинтересован также в изменении традиционного отношения к женщине[15]. «Женщина – средоточие всех общественных противоречий»[16], – заявляет алжирская исследовательница. Положение женщины в обществе – бесспорный показатель степени прочности в нем традиционных отношений. Государственные деятели касаются положения женщины в связи с проблемами развития современного сектора. «В государствах Залива мы страдаем от острой нехватки местных рабочих рук и компенсируем ее импортом иностранной рабочей силы, тогда как женщины – примерно половина общества – не работают». Именно этот аспект «женского вопроса»

был затронут в интервью министра труда и общественных дел государства Катар[17].

В рамках развития современного сектора предпринимаются конкретные усилия для решения «женского вопроса». Если в Саудовской Аравии лишь в 1960 г. была открыта первая школа для девочек, которую от враждебных вылазок религиозных фанатиков охраняла полиция, то в 1983/84 учебном году только в одной Джидде занятия начались в 146 таких школах[18]. Саудовские власти не без гордости сообщили, что на конец 1983 г. в стране насчитывалось 25 тыс. женщин, работающих по найму[19]. Происходит неуклонный рост производственно-экономической активности женщин. Уже в середине 70-х годов женщины составляли 14,2% занятой в экономике рабочей силы в Марокко, 18,4% – в Ливане, 18,5% – в Народно-Демократической Республике Йемен, 21,1% – в Сирии. Соответствующий показатель возрос за неполное десятилетие (1975–1983) с 4,1 до 7,0% в Алжире, с 3,5 до 8,6% – в Бахрейне, с 19,5 до 20,0% – в Тунисе, с 10,5 до 22,5% – в Судане[20]. (Для сравнения укажем, что в развитых капиталистических странах Западной Европы максимальная доля женских рабочих рук, занятых в экономике, составляет приблизительно 34%.)

Во всех арабских странах женщины играют все более активную роль в различных сферах общественной жизни. Все больше их становится среди учителей, врачей, журналистов, служащих. В январе 1984 г. одна женщина входила в правительство в Египте, две – в Алжире, две – в Тунисе, одна – в Иордании. Женщины служат в армии и полиции Ливии, в полиции Алжира. В рядах алжирских военно-воздушных сил насчитывается 60 женщин летчиков-истребителей[21].

Решение «женского вопроса» тесно связано с урегулированием и других социальных проблем. В частности, за последнее десятилетие в арабских странах сложилась специфическая демографическая ситуация. Дети в возрасте моложе четырех лет составляют в Алжире 19% всего населения, в Тунисе – 15,1, Саудовской Аравии – 18,6, Сирии – 18,3, Ираке – 18,8, Кувейте – 20,7, Ливии – 18,8, Египте – 15,6, Марокко – 18,2% [22]. Имеются разные оценки демографических перспектив арабских стран, но в подавляющем большинстве стран региона при существующей возрастной структуре и темпах ежегодного прироста население должно увеличиться к 2000 г. примерно в два раза. В результате омоложения общества и роста народонаселения резко обостряются проблемы продовольствия, жилья, образования, занятости, медицинского обслуживания.

Некоторые страны пытаются найти выход из этой ситуации путем ограничения рождаемости. Так, на основе обследования, осуществленного в 1964–1965 гг. Международным банком реконструкции и развития в Марокко, были разработаны соответствующие рекомендации. В частности, предлагалось широко ввести в обиход противозачаточные средства[23]. Подобные мероприятия, проведенные в стране, противоречили традиционным религиозным нормам. А принятые в связи с рассматриваемым вопросом законодательные акты (королевский декрет от 26 августа 1966 г., закон от 1 июля 1967

г. и др.) способствовали дальнейшей секуляризации марокканской правовой системы.

Трудно представить ту степень остроты, которую в арабских странах приобрела еще одна проблема – негативное влияние традиционных религиозных обрядов и ритуалов на национальную экономику. Нарушение ритмичной работы национального экономического организма – таков результат следования религиозному календарю – привычному расписанию жизни традиционного сектора. Только в период дневного воздержания от пищи в месяце рамадан происходит падение всего общественного производства минимум на 60% [24]. В праздник жертвоприношения (идаль-адха) за один день уничтожается 25% поголовья овец [25]. Государство должно тратить валюту на импорт большого количества дорогостоящих экзотических продуктов – ингредиентов традиционных для рамадана блюд. На один этот лунный месяц приходится 20% годового потребления пищевых продуктов [26]. («Обжорством» назвала это явление, свойственное т.к. называемому посту, алжирская газета... [27]).

Попытка запретить дневное воздержание от пищи и питья в месяце рамадан в Тунисе в 1960 г., как известно, закончилась неудачей, но вопрос продолжает стоять остро, свидетельство чему – тревожные публикации, из которых взяты приведенные выше цифры, а самое главное – продолжающиеся попытки запретить или модифицировать вредные для экономики религиозные обряды и ритуалы. Например, в 1984 г. накануне идаля-адха король Марокко, опираясь на свой закрепленный конституцией статус «повелителя правоверных», призвал подданных воздержаться от принесения в жертву овец, чтобы окончательно не уничтожить все их поголовье, и без того пострадавшее от засухи [28].

Существует еще одна серьезная причина, по которой государство в арабских странах стремится ограничить влияние религии на общественно-политическую жизнь. Это подробно рассмотренное выше стремление империалистических сил и их агентов в регионе использовать наличие практически в каждой арабской стране разных религиозных общин, с тем чтобы осуществить своего рода «ливанизацию» всего арабского мира.

В самом Ливане, который более всего пострадал как от прямой агрессии США, стран НАТО и Израиля, так и от разжигания ими конфессиональных противоречий и вражды, все больше голосов раздается в пользу секуляризации политической жизни, она рассматривается как жизненная необходимость для страны. «Деконфессионализация» и секуляризация политической системы в качестве радикального решения острых внутренних проблем Ливана, доведенных до взрыва внешними, империалистическими силами, – такова позиция одного из ливанских государственных деятелей – руководителя Прогрессивной социалистической партии (ПСП) Валида Джумבלата [29]. Другие арабские государственные и политические деятели также отмечают необходимость «избегать разжигания конфессионализма» в своих странах, «ослаблять его корни» [30]. Логика рассуждения и действия здесь следующая. Использование религии во внутривнутриполитической области предполагало бы

обращение к какому-то конкретному направлению, что означало бы одновременно дискриминацию других направлений и соответственно представителей этих направлений – граждан государства[31]. Поиски внутренней стабильности, противодействие империалистической политике раскола арабских народов – вот только два фактора из многих, подталкивающих государство на путь секуляризации политической жизни.

Все изложенное свидетельствует, что секуляризация представляет собой осознаваемый, хотя и не всегда провозглашаемый, императив развития современного сектора и общества в целом. Государство более или менее последовательно проводит курс на ограничение и вытеснение религии, дающий конкретные, пускай ограниченные, результаты (разделения религии и политики, секуляризация права, эмансипация женщины, распространение научных знаний, маргинализация религиозного образования, изменения в массовом сознании и т.п.). Но, напомним, нынешние лидеры арабских стран стремятся в полной мере воспользоваться религией для осуществления своих конкретных социально-экономических и политических целей. Двойственным в конечном счете оказывается отношение к исламу правящих групп. Они его и поощряют, и одновременно стремятся ограничить его влияние. Порой встречаются парадоксы: сами мероприятия, направленные, в сущности, на ограничение роли религии, стремятся оправдать как некую религиозную необходимость, предписываемую исламом.

Главная причина подобной двойственности заключается в неспособности подавляющего большинства правящих групп ликвидировать традиционный сектор, используя для этого кардинальные меры, изменяющие общественные отношения и основы социального устройства, а только такие преобразования и могли бы открыть дорогу последовательной секуляризации общества. Безличная форма «не в состоянии» в данном случае означает и «не могут», и «не хотят»[32]. Быть может, излишне резко – «состоянием, близким к шизофрении» – назвал тунисский исследователь ситуацию, в которой правящие круги арабских стран вынуждены и поощрять религию, и одновременно ограничивать ее[33].

Эта объективно обусловленная двойственность не может не приводить и к двойственности государства в его отношении к исламским НРПО[34]. Вот как, например, тунисский исследователь характеризует подобную ситуацию, сложившуюся в его стране. «Вырвать его (исламское движение. – А.И.) с корнем не представляется возможным, так как это потребовало бы решительных действий против ислама и исламских мест поклонения. По понятным причинам государство не может и не хочет предпринимать подобные действия. И ему не остается ничего другого, как проводить политику наблюдения и подавления в отношении видимой части движения или пытаться привлечь все движение на свою сторону. Но вторая альтернатива трудно осуществима для государства, отмеченного лаицизмом и не желающего или не могущего совершать в политике резкие повороты, требуемые обстоятельствами»[35].

Подобная двойственность проявляется и в том, что руководители некоторых стран не возражали бы против существования НРПО, но при условии, что те будут выступать в качестве ударной антикоммунистической силы под исламскими знаменами. И вот уже египетские «братья-мусульмане» передают саатовскому министерству внутренних дел данные своих разведывательных органов о деятельности коммунистических групп в стране [36], а «братья» в Судане в годы правления Д.Нимейри координируют свою деятельность с аппаратом госбезопасности все с той же целью – борьба против коммунистов. Многие правящие группы не имеют ничего против НРПО, но при условии, что они будут действовать за границей, где-нибудь у соседей. А уж если это не удастся, то можно как минимум использовать их для дискредитации соседнего государства, обвинив его в поддержке этих экстремистских организаций. Например, в мае 1983 г. сирийский министр иностранных дел заявил, что соседняя Иордания, находившаяся в тот период в натянутых отношениях с Сирией, поддерживает «братьев-мусульман», действующих в этой стране [37]. А в сентябре 1985 г. в Марокко закончился один из нескольких процессов над членами организации Исламская молодежь, которые в ходе судебных заседаний «сознались», что были заброшены в страну из соседнего Алжира [38] с целью дестабилизации королевского режима.

Одним словом, государство соглашается на существование таких организаций, как НРПО, но только если они будут исполнять зависимые роли, намечаемые государством. Но здесь-то и кроется корень тех противоречий, которые постоянно вспыхивают и обостряются между правящими режимами и НРПО, даже умеренными. Ведь эти организации являются неправительственными и, как правило, претендуют на большее, чем роль услужливого исполнителя.

Двойственное отношение государства к НРПО хорошо иллюстрирует история отношений между Д.Нимейри и суданскими «братьями-мусульманами» в конце 70-х – первой половине 80-х годов. В тот период власть диктатора, казалось, максимально укрепилась. В мае 1983 г. он был избран президентом на новый шестилетний срок и сосредоточил в своих руках, в дополнение к президентству, посты премьер-министра, верховного главнокомандующего, лидера правящей партии – Суданского социалистического союза (ССС) и даже генерального директора СУНА (Суданского информационного агентства). В сентябре 1983 г. в стране были введены так называемые исламские законы (их действие приостановлено после свержения диктатуры в апреле 1985 г.), а в апреле следующего, 1984 года в стране было введено чрезвычайное положение. В июне 1984 г. Д.Нимейри внес в Народную ассамблею (парламент) проект изменения конституции, в соответствии с которым Судан объявлялся бы «исламской республикой», а сам Д.Нимейри – «имамом мусульман и повелителем правоверных». Такого рода «исламизация» дала бы диктатору немалую выгоду. Пост имама является пожизненным, занимающего этот пост нельзя сместить, кроме как в случае расхождения его действий с шариатом. А кто в стране, кроме самого Д.Нимейри, мог бы похвастаться такой степенью верности шариату...

Второе действующее лицо – суданские «Братья-мусульмане». Эта организация находилась в резкой оппозиции к правящему в Судане режиму, когда он проводил прогрессивный курс. Но после его переориентации в 1977 г. состоялось «национальное примирение» Д.Нимейри с правыми силами, в том числе и с «братьями». После подписания саатовским Египтом кэмп-дэвидских соглашений (1979) Судан оказался одной из немногих арабских стран, которые поддерживали этот курс, а ассоциация «Братьев-мусульман» стала единственной кроме ССС политической партией, безоговорочно поддерживающей режим Д.Нимейри. В 1979 г. глава ассоциации Хасан ат-Тураби был назначен генеральным прокурором, ответственным за реорганизацию судопроизводства, а в конце 1983 г. он получил должность юридического консультанта президента. Что касается других руководителей ассоциации, то Али Осман Мухаммад Таха занял пост председателя Народной ассамблеи, Мухаммад Адам Иса стал государственным министром при управлении генерального прокурора, Ахмад Абд-ар-Рахман – министром внутренних дел.

По видимости все обстояло наилучшим образом. Взаимопонимание и сотрудничество между диктаторским режимом, стремящимся укрепить свои позиции при помощи «исламизации», и «Братьями-мусульманами» были налажены. В октябре 1983 г. Хасан ат-Тураби открыто заявлял иностранным журналистам: «Мы решили сотрудничать с властью, чтобы реформировать режим изнутри»[\[39\]](#). Подобная самоуверенность проистекала из того факта, что «братья-мусульмане» остались единственной более или менее серьезной политической силой, на чью поддержку еще мог рассчитывать режим. И диктатура максимально использовала готовность ассоциации к сотрудничеству. Цель же «Братьев-мусульман», как отмечал печатный орган суданских коммунистов «Аль-Майдан» в 1984 г., заключалась в том, чтобы превратить процесс «исламизации» в необратимый, установить, пускай под руководством «имама» Нимейри, на чей счет никто не заблуждался, «исламскую власть», при которой решающее слово будет принадлежать ассоциации. Д.Нимейри же, по их расчетам, будет лишен возможности совершить маневр в направлении борьбы против самых что ни есть «истинных мусульман» (читай: «братьев-мусульман»). А они смогут диктовать ему свою волю, а всякое выступление против «братьев» будет квалифицироваться как вероотступничество, наказанием за которое согласно шариату является смертная казнь[\[40\]](#).

Однако этим отношениям была присуща постоянно тлевшая и готовая в любой момент вспыхнуть враждебность. «Братья» не скрывали своего настороженного отношения к Д.Нимейри, боясь, что он использует их в своей политической игре, а затем от них избавится, как раньше он это уже сделал со многими своими союзниками[\[41\]](#). Что же касается самого Д.Нимейри, то диктатора не могло не насторожить многое. И то, что «Братья-мусульмане» осуществили ложный самороспуск, заявив, что вошли в ССС, хотя на самом деле их организационная структура осталась в неприкосновенности. И то, что «братья» во все больших масштабах проникали в опору режима – репрессивный аппарат: армию, полицию, службу государственной безопасности. И то,

что их крупные отряды отсылались для военной подготовки за границу (например, в Пакистан, Иран, Иорданию), а на территории Судана были устроены боевые лагеря для подготовки «братьев» из других стран (Ливии, Сирии и др.)[\[42\]](#).

В марте 1985 г. Д.Нимейри развернул широкую кампанию арестов «братьев», которых он обвинил в подготовке к захвату власти в Судане. Но удар по диктатуре в апреле нанесли Силы национального спасения, в которые входили профсоюзы и пять подпольных партий (Аль-Умма, Национал-юнионистская, Демократическо-юнионистская, СКП, Баас), объединившиеся с патриотическими элементами армии.

Поразительное сходство с событиями в Судане находим и в Египте при президенте А.Садате. И там президент, постоянно укреплявший режим своей личной власти, пошел на улучшение отношений с «братьями-мусульманами» одновременно с проведением курса на предательство национальных интересов. И там «братья», осуществляя при этом свои собственные цели, поддерживали «верующего президента» (так называл себя А.Садат, проводивший «исламизацию» страны). И там А.Садат стремился превратить «братьев» в послушную ассоциацию, подчиненную министерству социальных дел. (На этот счет ассоциации было сделано конкретное предложение, которое она отвергла.) И там накануне своего конца (октябрь 1981 г.) А.Садат произвел аресты среди «братьев-мусульман» (наряду с прогрессивными деятелями). Отношения подобных режимов и НРПО напоминают не очень оригинальную политическую карикатуру: двое обнимаются, и при этом каждый норовит ударить другого ножом в спину...

Один из лидеров всеарабской ассоциации «Братьев-мусульман», Юсуф аль-Кардави, считает, что режимы в арабских странах «могут только заключить с ним (исламским движением. – А.И.) перемирие на некоторое время, чтобы предпринять попытку подняться вверх на плечах его членов или использовать это движение для борьбы против своих (режимов. – А.И.) идеологических и политических противников»[\[43\]](#). Эта жалоба в немалой степени обоснована, но в ней есть и большая доля преувеличения. Ведь сложившаяся ситуация в целом все-таки устраивает исламские НРПО. Они максимально и с немалой выгодой для себя используют двойственность отношения государства к исламу и к самим этим организациям. Это проявляется и в большом и в малом. Например, в Тунисе, стране, где довольно далеко зашел процесс секуляризации, одним из требований Движения исламского направления (ДИН) с самого начала его существования было устройство мест для молений (залов или мечетей) в учреждениях, учебных заведениях, на предприятиях. Это требование прикрывалось конституцией, которая провозглашает ислам «государственной религией». Но и в самом требовании, и тем более в его осуществлении, по оценке тунисского автора, таилась угроза режиму, так как место для молений становится базой для возникновения политической антиправительственной ячейки[\[44\]](#). Другие способы извлечения исламскими НРПО политической пользы из сложившейся ситуации рассматривались выше (проникновение в государственный аппарат и репрессивные ор-

ганы, создание возможностей для расширения масштабов боевой подготовки, подталкивание режимов в направлении установления «истинно исламской власти» для осуществления, как предполагается, необратимых изменений в политической системе и т.п.). В конечном счете они делают все для того, чтобы полностью воплотить в жизнь конституционную формулировку «ислам – государственная религия». Если так, то пусть же политические режимы следуют исламу (как его понимают НРПО) в большом и малом!..

Между Сциллой и Харибдой – таким представляется нынешнее положение арабских режимов по отношению к НРПО. Или, как говорится, и то плохо, и это нехорошо. Подобная двойственность проявляется и в идеологической области. В сущности, все варианты критики этих организаций в официальных публикациях сводятся к тому, что исламские НРПО расходятся с исламом. Ислам отрицает экстремизм. Ислам запрещает убийство единоверцев. Ислам исключает нетерпимость к последователям иных религий. Ислам воспрещает выступления против существующей власти. Ко множеству подобных интерпретаций, используемых официальными идеологами для опровержения тезисов и призывов НРПО, добавляются и вовсе уж парадоксальные – например, что ислам предписывает светскую, а не религиозную форму правления!

Этим критическим выступлениям идеологи НРПО противопоставляют, как мы видели, свои толкования ислама. В исламе нет разделения религии и политики, следовательно, государство может быть либо исламским, либо антиисламским. Ислам предписывает борьбу против несправедливой власти, угнетающей мусульман. Ислам разрешает убийство вероотступников. Эти и другие интерпретации имеют такое же право на существование, что и приведенные выше. Ведь ислам – «неинституционализованный» религия... В результате же бесконечных повторений на разные лады «ислам то, ислам это» выигрывают все-таки НРПО, а не государство. Усиливается само влияние религии в результате таких дискуссий, а лозунги исламских организаций значительно проще, доступнее, да и привлекательнее, для рядового верующего, чем словесная эквилибристика официальных идеологов, обращающихся к религии скажем, для обоснования светского характера государства.

Реальный выход из сложившейся, во многом близкой к тупиковой, ситуации предлагают арабские коммунисты. Они обоснованно отмечают, что «реакционные слои, прикрывающиеся религиозными лозунгами, оживляются там, где отсутствуют демократические свободы, ограничивается деятельность революционных партий и движений, особенно компартий»[\[45\]](#). Поэтому, как заявили сирийские коммунисты в специальном постановлении «О заговоре американского империализма и “Братьев-мусульман” против Сирии» (март 1982 г.), «одни административные меры, включая и меры подавления, недостаточны в качестве ответа на преступления “братьев-мусульман”»[\[46\]](#). Необходимо проведение социально-экономической политики в интересах широких трудящихся масс, реальная демократизация общественной жизни, постоянное и последовательное движение в направлении к действительно справедливому обществу[\[47\]](#).

- [1] Данная формулировка отсутствует в конституциях Сирии и Ливана.
- [2] Здесь, как и в Марокко, не обошлось без напоминания о сотрудничестве крупных религиозных деятелей с итальянскими фашистами.
- [3] *Восток: рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире)*. М., 1983. С. 61.
- [4] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 16.11.1983.
- [5] *El Moudjahid*. 24.12.1983.
- [6] Обращение ко второстепенным нормам и принципам исламского права вызвано в подавляющем большинстве случаев необходимостью для официальных властей приспособиться к религиозному в основном еще мышлению не только занятых в традиционном секторе, но и огромной массы выброшенных из деревень и города неграмотных пауперов, не нашедших себе места в современном секторе.
- [7] Atallah B. *L'acculturation juridique dans le Nord de l'Afrique: le cas de l'Algérie et de la Libye // Indépendance et interdépendances au Maghreb*, P., 1974. С. 193.
- [8] Некоторые специалисты в области исламского права считают, что 5% годовых не являются рибха и соответственно не запретны (*Аш-Шарк аль-Авсат*. 18.12.1983.).
- [9] Маликитский мазхаб (толк) – одна из четырех ортодоксальных юридических школ суннитского ислама.
- [10] Ибадиты – секта, восходящая к хариджитам VII в., выступавшим как против суннитов, так и против шиитов.
- [11] «Кабильский» личный статут – приверженность берберов Кабилии своему обычному праву (в отличие от шариата).
- [12] Dahmani M. *L'occidentalisation des pays du Tiers monde: mythes et réalités*. Paris – Alger, 1983. С. 82.
- [13] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 03.01.1984.
- [14] Абу-ль-Маджд Ахмад Камаль. Попытка функционального использования исламской культуры при осуществлении социальных и политических изменений в арабских и мусульманских обществах // *Шуун арабийя*. Тунис, 1983. № 29. С. 22.
- [15] Это отношение довел до абсурда один из египетских «братьев-мусульман», Мухаммад Галяль Кишк. В проповеди, записанной на магнитофонную ленту, он говорил: «Женщина должна всегда оставаться дома. В ее жизни пусть будет только три выхода. Первый – из утробы матери в мир, второй – из родительского дома в дом мужа, третий – из мужниного дома в могилу».
- [16] Chelig-Aïnad-Tabet N. *La femme musulmane vue par les lycéens algériens // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 147.
- [17] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 05.05.1983.
- [18] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 11.11.1983.
- [19] *Аш-Шарк аль-Авсат*. 29.12.1983.
- [20] Аль-Мустакбаль аль-араби. 1983. № 2. С. 96; № 4. С. 126; *Ас-Сияса*. 03.04.1984; *Аш-Шарк аль-Авсат*. 22.06.1984.
- [21] Аль-Ватан аль-араби. 1983. № 353. С. 90–93.
- [22] Аль-Файсал. 1983. № 74. С. 80–82. Соответствующий показатель для ФРГ – 4,9%, Франции – 6,8, Италии – 6,3, Великобритании – 5,8%.
- [23] Bouzidi M. *L'Islam et la société marocaine face à la contraception // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 293.
- [24] Аль-Муджахид. *Алжир*. 1982. № 1145. С. 26.
- [25] *Révolution Africaine*. 16–22.09.1983. С. 20–21.
- [26] *Ат-Тадамун*. Нюксия. 1984. № 62. С. 63.
- [27] *El-Moudjahid*. 07.06.1984.
- [28] *Monde*. 05.09.1984.

- [29] *Nouvel Observateur*. 07–13.10.1983.
- [30] Хусейн Саддам. *Революция и патриотическое воспитание*. Багдад, 1980. С. 14 (на араб. яз.).
- [31] Хусейн Саддам. *Взгляд на религию и культурное наследие*. С. 20 (на араб. яз.); Хусейн Саддам. *Арабское наследие и современность*. С. 52 (на араб. яз.).
- [32] *Восток: рубеж 80-х годов*. (Освободившиеся страны в современном мире). С. 63–64.
- [33] Boularès Habib. *L'Islam: la peur et l'espérance*. С. 231.
- [34] Речь идет здесь, естественно, о тех организациях, которые поддерживают режимы с позиций идеологической и организационной самостоятельности или выступают как группы давления. Что касается НРПО, находящихся в антагонистических отношениях с государством, то здесь позиции правящих режимов значительно более однозначны. Смертная казнь грозит за одну только принадлежность к организации «Братья-мусульмане» в Сирии и к Партии призыва – в Ираке. Впрочем, даже в этих случаях государство оставляет возможности для примирения (временные моратории на действие закона, амнистии и т.п.).
- [35] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouvé*. С. 75.
- [36] Аль-Майдан. Хартум, 1984. № 726.
- [37] Аш-Шарк аль-Авсат. 10.05.1983.
- [38] *Monde*. 04.09.1985.
- [39] *Monde*. 04.10.1983.
- [40] Аль-Майдан. 1984. № 726.
- [41] Ан-Нахдж. 1985. № 7. С. 117.
- [42] Аль-Майдан. 1984. № 726.
- [43] Аль-Кардави Юсуф. *Исламское сознание: отрицание и экстремизм*. С. 14.
- [44] Ben Achour Y. *Islam perdu, islam retrouve*. С. 73.
- [45] Нидаль аш-Шааб. 1981. № 279.
- [46] Нидаль аш-Шааб. 1982. № 294.
- [47] Там же.

С.170-179. «За создание рая на земле»

Особое внимание заслуживает отношение коммунистических и рабочих партий арабских стран к феномену НРПО, и это в первую очередь потому, что эти партии намечают реальную альтернативу курсу, который проводят фундаменталистские организации. Коммунисты не могут игнорировать этот феномен как минимум по двум причинам. Во-первых, и они, и НРПО действуют на одной и той же политической арене, причем последние стараются в полной мере использовать влияние религии на массовое сознание в арабских странах, что им в немалой степени удается. Во-вторых, НРПО занимают, как правило, враждебную позицию по отношению к коммунистам. Член Генерального бюро ориентации всеарабской организации «Братья-мусульмане» и, по-видимому, нынешний координатор ее деятельности в рамках арабского мира Мухаммад аль-Газали писал в одной из своих фетв, что мусульманину «невозможно жить в мире с коммунизмом – как в практической жизни, так и с точки зрения доктрины»^[1]. Существует масса фактов использования исламских НРПО для подавления прогрессивных сил под ло-

зунгом борьбы против «атеистического коммунизма». Причем, и это стоит отметить особо, данное обвинение используется реакционными силами не только против коммунистов, но и против всех демократов. Оба эти обстоятельства негативно влияют на ход и результаты массового движения за национальное и социальное освобождение арабских народов.

Коммунистические и рабочие партии стран Ближнего Востока стремятся строить свои отношения с исламскими НРПО исключительно в политической области, не желая ввязываться в мировоззренческие споры. Палестинские коммунисты считают, например, что «отношение революционных и прогрессивных арабских сил к религиозным движениям и течениям должно определяться с политических, а не с идеологическо-философских позиций, иными словами, необходимо, чтобы это отношение определялось следующим: способствуют ли на практике и объективно действия того или иного религиозного течения борьбе против империализма, сионизма и реакции, которую ведут наши (арабские. – А.И.) народы, или же, наоборот – эта деятельность служит интересам империализма и сил, связанных с ним в регионе»[2]. В качестве одного из примеров такого движения рассматривается организация «Братья-мусульмане», и палестинские коммунисты показывают, что «борьба против нее проистекает не из того, что она религиозная, а из того, что это – реакционное движение, связанное с империализмом»[3].

Ливанские коммунисты, как отмечал член ЦК ЛКП Хусейн Мруз (убит исламскими экстремистами в 1987 г.), стремятся к тому, чтобы их отношения с религиозно-политическими течениями, движениями и организациями строились на тех же основах, что и с нерелигиозными, светскими. «Вопросы собственно вероучения здесь роли не играют, – подчеркивал он. – Пункты, по которым мы соглашаемся или расходимся с этими течениями и движениями, ограничены рамками социально-политической проблематики, конкретно – вопросами национального освобождения и революционного преобразования общества»[4].

И у части руководства НРПО можно наблюдать подобную позицию в отношении коммунистов – стремление строить отношения в плоскости политического действия, отвлекаясь от мировоззренческих разногласий. Здесь можно привести в качестве примера заявление, сделанное в 1987 г. «духовным отцом» Партии Аллаха в Ливане Мухаммадом Хусейном Фадляллоу: «Естественно, марксистское течение глубоко противно исламу в идейном отношении... Но очень возможно наличие общих политических позиций на многих этапах противостояния колониализму, сионизму, во многих вопросах борьбы с внутренней несправедливостью. Я верю, что идейные расхождения не означают полного взаимного бойкота. Мы можем иметь общие позиции на пути осуществления той или иной общей цели... Мы сознаем, что на нынешнем этапе существует не один пункт, в котором сходятся все, – в борьбе против Израиля и Америки»[5].

Характерным примером является также позиция иракской Партии призыва, которая в 1981 г. в специальном «Заявлении о взаимопонимании» признала, что «коммунисты действуют против экономического угнетения,

существующего в исламских странах»[6]. Руководство этой НРПО выразило готовность отвлечься от мировоззренческих разногласий с компартией. «Не наше дело, – говорится в заявлении, – устанавливать, кто атеист, а кто нет. Это дело господ рабов божих»[7]. Далее воззвание содержало призыв к коммунистам сотрудничать в политической области.

На словах все получается неплохо. Но события последних лет показали, что сотрудничество коммунистов с исламскими НРПО значительно затруднено, а нередко просто невозможно. Взять хотя бы развитие отношений между Иракской коммунистической партией и Партией призыва. Коммунисты с готовностью откликнулись на призыв религиозных деятелей к сотрудничеству. В соответствующем постановлении пленума ЦК ИКП отмечалось, что религиозная оппозиция «не скрывает своей неприязни к коммунистической идеологии». Вместе с тем было отмечено, что «это не должно стать неразрешимой трудностью или непреодолимым препятствием» для создания широкого союза патриотических сил[8].

Однако дальнейшие события показали, что контакты ИКП с представителями Партии призыва с целью выработки принципов сотрудничества не дали результатов. В заявлении пленума ИКП (конец июня – начало июля 1984 г.) констатировалось, что «некоторые иракские религиозные силы несут полную ответственность за отказ от формулы сотрудничества и фронта с коммунистической партией и другими силами национальной оппозиции... Эти (религиозные. – А.И.) силы совершают грубую ошибку, проводя курс, расходящийся с волей народа в выборе удовлетворяющего его режима власти»[9].

Одна из причин, помешавшая равноправному сотрудничеству, заключалась в том, что Партия призыва выступала с лозунгом установления в Ираке «исламской республики» иранского образца, выдавая этот лозунг за стремление всего иракского народа. Что касается ИКП, то она поддерживала свободное волеизъявление народа и выбор им соответствующей его желанию формы власти. Коммунисты не могли согласиться и с лозунгом продолжения войны до «победного конца», т.е. вплоть до оккупации иракской территории Ираном с целью свержения существующего режима и создания «исламского правительства».

Еще одна причина состоит в том, что другие члены Высшего совета исламской революции в Ираке заняли четкую антикоммунистическую позицию. Руководитель Организации исламского действия Мухаммад Таки аль-Мударриси предупредил, что «нет места коммунистам (в иракском обществе, как его представляет аль-Мударриси. – А.И.), так как они не являются добрыми мусульманами»[10]. Нельзя упускать из виду и того, что в конце 1985 – начале 1986 г. иранские власти, от которых материально и политически зависят практически все иракские оппозиционные религиозные организации и группировки, устроили широко задуманный антикоммунистический и антисоветский фарс – судилище над членами руководства Народной партии Ирана. Этот общий настрой не мог не повлиять соответствующим образом на по-

зиции Партии призыва и других групп иракских религиозных деятелей, которые, по-видимому, желали бы сотрудничать с коммунистами.

На IV съезде ИКП (1985 г.) итог неудавшейся попытке политического сближения коммунистов и религиозных деятелей подвел первый секретарь партии Азиз Мухаммад. В контексте обсуждения политических союзов он отметил, что оппозиционные религиозные силы, входящие в Высший совет, «продолжают решительно отвергать формулу союза или фронта с коммунистической партией, несмотря на все предпринимавшиеся ею усилия и позитивное отношение к этим силам, обнародованное в ее (партийной. – А.И.) прессе... Они стремятся навязать проиранский режим по образцу существующего в Иране, что противоречит воле нашего народа»[\[11\]](#).

И все-таки коммунисты не оставляют надежды найти оптимальные условия сосуществования с исламскими НРПО. Последние годы дали ряд примеров совместных, а точнее сказать, однонаправленных акций коммунистов и некоторых НРПО. Суданская коммунистическая партия накануне народного восстания в марте – апреле 1986 г., свергнувшего антинародный режим Д.Нимейри, осуществляла единые действия с одним из крыльев «Братьев-мусульман», возглавляемым Садиком Абдаллахом Абд-аль-Маджидом[\[12\]](#). Первый секретарь Тунисской коммунистической партии Мухаммад Хармель, говоря о Движении исламского направления (ДИН), рассказывал в интервью журналу арабских коммунистов «Ан-Нахдж»: «Мы сходимся с этим движением в некоторых политических вопросах и строим свои отношения с ним на этой основе»[\[13\]](#). Борьба за демократию – вот та почва, на которой возможны общие действия и коммунистов, и исламистов, в частности ДИН в Тунисе. Например, коммунисты выступали против преследований правительством исламистов. В Бахрейне в 1986–1987 гг. против арестов демократических и патриотических деятелей совместно выступали Фронт национального освобождения, Народный фронт и Исламский фронт освобождения Бахрейна[\[14\]](#). Как известно, Ливанская коммунистическая партия вместе с исламскими группировками отражала агрессию Израиля и «многонациональных сил»[\[15\]](#).

Коммунисты стремятся быть максимально откровенными в характеристике своих взаимоотношений с НРПО. На IX съезде Тунисской коммунистической партии (1987) отмечалось: «Мы не занимаем заранее враждебной позиции к тем течениям (религиозным. – А.И.), которые появились в последние годы, более того, мы осуждали любое насилие над ними (со стороны правительства. – А.И.). Мы сходимся со всеми теми, кто стремится к нравственному возрождению и сопротивляется крушению (моральных) ценностей, как бы ни различались их идеологические направления. Но мы коренным образом расходимся с ними (религиозными течениями. – А.И.) в ряде вопросов, среди которых те, которые мы считаем светскими и прогрессивными завоеваниями, а именно они стали объектом нападков и требований пересмотра. Мы отвергаем также претензии этих течений на то, чтобы говорить от имени ислама, их призывы к созданию общества, которое в действительности представляло бы собой насилие и возврат к прошлому»[\[16\]](#).

Повторяем, речь идет об отдельных акциях коммунистов и фундаменталистов, так как вынесение за скобки осознаваемых мировоззренческих различий и отказ от их обострения еще не гарантируют политического согласия компартий и НРПО. Ведь и в политической области речь идет о разных курсах. Выше приводился пример Ирака. И иракские, и тунисские, и суданские, и ливанские фундаменталисты ставят задачу установления «истинно исламской власти», предлагают политический проект возрожденческого типа, с которым не согласны не только коммунисты, но и многие другие политические силы в этих странах. Пожалуй, общим правилом отношений между коммунистическими организациями и НРПО является то, что в плане негативном (борьба против проявлений социального гнета и политического неравенства, империалистического давления и т.п.) единства действий дается легче, чем при решении позитивных задач (борьба за конкретные проекты социально-экономических и политических преобразований).

Богатый опыт, как отрицательного, так и положительного свойства, в области контактов с НРПО накопился у Ливанской коммунистической партии. Этот опыт был обобщен на прошедшем в 1987 г. V съезде ЛКП, который много внимания уделил исламскому фактору вообще и НРПО в частности. В документах съезда указаны основные объективные, социально-экономические условия роста религиозно-политических течений и организаций: отсталость социальных структур; численный рост маргинализируемых беднейших слоев (пауперов) и люмпенов, особенно под влиянием продолжающейся в стране гражданской войны; снижение уровня общественного сознания; возрастание роли традиционных (религиозных, общинных, клановых, региональных) связей в условиях отсутствия или бездеятельности государственных институтов. Отмечаются и дополнительные факторы, благоприятствующие росту религиозно-политического движения, в том числе неудача национально-демократических сил в осуществлении выдвигавшихся проектов решения ливанского кризиса; общий кризис арабского национально-освободительного движения в целом[17].

Среди всех религиозных течений (а в Ливане есть и такие, которые не ставят перед собой чисто политических целей, ограничиваясь, например, благотворительными) ЛКП особо выделяет предлагающие конкретный политический проект – «исламскую революционную альтернативу», где намечены отдельные освободительные, антиимпериалистические задачи. Но в то же время эти течения противопоставляют национальному единству Ливана «исламское единство». Более того, считая свой политический курс самостоятельным, так называемым «третьим путем» развития, эти движения ставят знак равенства между империализмом и социализмом[18].

Данные религиозно-политические группировки, обуславливая изменение общества в Ливане созданием исламского государства, объективно способствуют расколу этой поликонфессиональной страны, разобщению народных масс, в том числе и мусульманских. Затемняя сознание масс, объясняя общественные изменения сверхъестественным вмешательством, нанося удары по союзу антиимпериалистических и антиссионистских сил, эти тече-

ния, как отмечается в материалах V съезда ЛКП, препятствуют революционному и истинно демократическому развитию общества, способствуют воспроизводству зависимой буржуазной системы в стране.

Ливанские коммунисты не могут игнорировать того факта, что «исламская революционная альтернатива» со всеми ее негативными для судеб Ливана практическими результатами оказывает большое влияние на массы. Поэтому, указывается в материалах V съезда ЛКП, перед действительно революционными силами стоит важная задача: «идти в это (религиозно-политическое. – А.И.) массовое движение, воздействовать на него и извне и изнутри, углублять и радикализировать сознание масс, на которые это движение оказывает влияние, превращать их таким образом в составную часть революционного движения, а не его противоположность»[\[19\]](#).

Основываясь на ленинском положении о том, что «единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»[\[20\]](#), и исходя из приоритета политических задач над мировоззренческими расхождениями, коммунисты в странах Ближнего Востока с максимальной осторожностью подходят к религиозной вере своих соотечественников. Они считают, что при общении с верующими непозволительно вступать в дискуссии по философским вопросам, например с проповедью материализма[\[21\]](#) Коммунистам вменяется в обязанность, как это делает, например, Программа Палестинской коммунистической партии, «уважение к духовным убеждениям и религиозным чувствам, защита религиозных святынь и их охрана от враждебных расистско-сионистских действий»[\[22\]](#).

Более того, коммунистические партии открывают свои ряды для всех трудящихся независимо от того, являются они верующими или нет. Так, в ст. 2 Устава Иракской коммунистической партии говорится, что «членом ИКП после прохождения кандидатского стажа может быть всякий гражданин (гражданка) достойного поведения, достигший 18 лет, к какой бы религии или национальности он ни принадлежал». Важно при этом отметить, что подобная программная установка, естественно, не представляет собой отказ от научной теории познания и преобразования общества. Делается принципиальное различие между воспитанием партийных кадров в духе этой теории и выступлением против религиозных чувств людей. Второе неприемлемо для коммунистов, но такой подход не исключает, однако, выполнения первой задачи[\[23\]](#).

И в материалах V съезда ЛКП, и в документах других коммунистических и рабочих партий стран Ближнего Востока четко проявляется стремление мобилизовать верующих – представителей угнетаемых классов и социальных групп, а они составляют, как мы видели, немалую часть социальной базы НРПО, на выполнение реальных задач национального и социального освобождения. Здесь в дополнение к рассмотренным выше попыткам вступить в контакт с руководством этих организаций мы видим, что коммунисты обращаются непосредственно к широкой социальной базе фундаментализма. Важной задачей становится разъяснение действительных, классовых истоков

существующих в обществе противоречий, которые в теориях и лозунгах НРПО предстают как религиозные, религиозно-общинные, как конфликт между верующими и атеистами.

Руководство Сирийской коммунистической партии определяет в качестве насущных пропагандистских задач разъяснение трудящимся классового подхода к явлениям, которые тем или иным образом связаны с религией. Особенно важным представляется опровергнуть конфессиональную логику «братьев-мусульман», направленную на разжигание межобщинных противоречий в стране. «Непозволительно, – гласит один из предназначенных для пропаганды тезисов, – судить о людях и занимать позицию по отношению к ним на основе их религиозно-общинной принадлежности. Судить о людях – представителях разных религиозных общин нужно на классовой основе. Так, среди представителей суннитского направления есть трудящиеся, рабочие, эксплуататоры. И среди последователей алавитского толка также есть и трудящиеся, и рабочие, и эксплуататоры. Так же точно обстоит дело и с христианами различных направлений. Рабочие, крестьяне-бедняки, все трудящиеся – выходцы из различных религиозных общин являются братьями по классу, у них одни интересы, за которые они борются. Они вместе выступают против эксплуататоров из разных общин» [24].

Партия социалистического авангарда Алжира в специальном заявлении, посвященном отношению коммунистов к религии, указывает: «Опасно думать, что линия раздела пролегает между верующими, с одной стороны, и неверующими – с другой. Ведь среди верующих, как и среди неверующих, есть реакционные и проимпериалистические элементы, как есть и революционные» [25].

Этот тезис о расколоте верующих вследствие различия их классовых интересов и соответственно о неспособности ислама решить имущественные и другие социальные противоречия подтверждается в заявлении и рядом примеров из истории. Отмечается, что среди сподвижников пророка Мухаммада в VII в. были и те, кто защищал интересы богачей (например, халиф Осман Ибн-Аффан), и те, кому близки были интересы и стремления бедных общинников (Абу-Зарр аль-Гуфари). После 1971 г., когда в Алжире началась аграрная реформа, феодальные религиозные деятели объявили ее «дьявольской», но народ посчитал, что она вполне соответствует исламу. Да и в настоящее время в мечеть направляется и богач на мерседесе, и молодой безработный, у которого не всегда хватает денег на автобусный билет. Поэтому, заключает документ ПСА, «для нас как для коммунистов несущественно, является человек верующим или нет. Главное – в его конкретной позиции по отношению к нынешним и будущим задачам борьбы за освобождение человека и общества» [26]. Эта же позиция зафиксирована в документах IX съезда ТКП [27].

Не случайно в документе алжирских коммунистов приведены имена Османа и аль-Гуфари. Всем коммунистическим и рабочим партиям в арабских странах присуще стремление отыскать в историческом и идейном наследии ислама позитивные в социально-политическом отношении стороны и

тем самым найти основу для взаимопонимания с верующими по политическим вопросам. Эта тенденция в деятельности коммунистов не нова. Еще в 1975 г. орган Суданской коммунистической партии газета «Коммунист» («Аш-шуюи») писала: «Мусульманские массы черпают свои представления о справедливости и равенстве из истории и практики первоначального ислама... Марксистская мысль стоит перед теоретической и политической задачей – убедить эти массы в том, что их добрые и гуманные устремления к справедливости и равенству могут быть осуществлены в сегодняшнем мире только при социализме и, следовательно, в борьбе за осуществление этого строя, в отказе от капиталистического пути и сил, призывающих к нему»[28].

На своем VI съезде (1986 г.) сирийские коммунисты отмечали необходимость обращения к богатому арабо-исламскому культурному наследию. «У нас, в арабской истории, – отмечалось в Политическом докладе съезду, – есть многие и многие философы, ученые, религиозные реформаторы, которые стремились к более справедливому обществу, хотя в их эпоху еще не было сложившихся условий для него»[29]. Ливанские коммунисты в материалах своего последнего съезда ставят перед собой задачу «опираться на богатое историческое наследие революционных движений под знаменем ислама», для того чтобы включить в общий революционный поток тот потенциал протеста, который содержится в возникших в последнее время исламских политических движениях и организациях[30].

Действительно, в исламском наследии наряду с отжившими или даже реакционными сторонами можно обнаружить ряд моментов, которые являлись прогрессивными для своего времени и выражали извечное стремление людей к справедливости и равенству. «Бедняк имеет право на деньги богача. Ведь богач обогатился бедностью бедняка». Именно это высказывание «праведного» халифа Али приведено в Политическом докладе VI съезду СКП[31] как пример наличия прогрессивных аспектов в наследии ислама. Но не все в этой области просто. Будучи в течение веков неотъемлемой частью политико-идеологической надстройки эксплуататорского государства на Востоке, ислам сложился в основном как оправдание социального статус-кво эксплуататорского общества, классового и имущественного неравенства. Не является ли это социально-политическое содержание неотъемлемым от ислама? И не приводит ли прославление отдельных аспектов исламского наследия к укреплению влияния ислама, как такового? Решение этих и подобных проблем остается в сфере внимания арабских коммунистов. Важным начинанием было обсуждение исламского фактора в политической жизни народов Востока, проведенное в марте 1987 г. на Кипре журналами «Проблемы мира и социализма», «Ан-Нахдж» и партией АКЭЛ[32].

Коммунисты намечают конкретные задачи современного этапа освободительной борьбы арабских народов и направляют свои усилия прежде всего на мобилизацию широких масс на их осуществление. Иракские коммунисты на своем IV съезде (1985 г.) призвали к борьбе за прекращение ирано-иракской войны, осуществление демократической альтернативы в стране. ЛКП (V съезд партии состоялся в 1987 г.) борется за сохранение арабского

национального характера Ливана и его территориальной целостности, демократизацию общественно-политической жизни, ликвидацию конфессиональной системы. ТКП (в 1987 г. прошел ее IX съезд) на современном этапе в качестве основных целей определяет расширение демократии в стране, проведение радикальной аграрной реформы, осуществление срочных мер по развитию отсталых в социально-экономическом отношении южных районов страны. Суданская коммунистическая партия в своей предвыборной программе (1986 г.) выступает за принятие демократической конституции, восстановление национальной экономики, улучшение условий жизни населения, укрепление национального единства, проведение прогрессивной внешней политики. Коммунисты Саудовской Аравии (II съезд КПСА прошел в 1984 г.) ставят задачи установления национально-демократической власти вместо абсолютистского монархического режима, осуществления политической и экономической независимости от мирового империализма. Сирийская коммунистическая партия (на своем VI съезде в 1986 г.) поставила задачу продолжить борьбу за развитие и укрепление патриотического и антиимпериалистического курса страны.

За этими и подобными конкретными задачами нынешнего этапа, которые намечают упомянутые нами и другие коммунистические и рабочие партии арабских стран, просматривается и конечная цель их деятельности – социалистическая перспектива. И здесь большое значение приобретает более широкий показ действительного положения верующих в СССР и других социалистических странах, изучение и творческое переосмысление опыта строительства нового общества, в котором есть достойное место для всех – как верующих, так и неверующих. «Советское государство, – пишет коммунист из Саудовской Аравии, – предоставило полную свободу народам и нациям Советского Союза в отправлении религиозных обрядов. Известно, что население азиатских республик СССР пользуется всей полнотой религиозных свобод, живя при социализме, в условиях равенства»[\[33\]](#). Эта деятельность коммунистов в сочетании с правдивой информацией о жизни в СССР, которую жители арабских стран получают от советских органов массовой информации, способствует постепенному распространению среди широкой массовой базы НРПО правильного представления о социализме, искоренения в их среде антикоммунистических предрассудков.

События последних лет показали, что вопросы взаимоотношений коммунистических партий с исламскими НРПО чрезвычайно сложны. Но несомненно одно: коммунисты предлагают реальную альтернативу их социально-политическим установкам, не борясь против этих организаций как объединений религиозных, а добиваясь осуществления задач, выполнение которых способно исключить условия, создающие питательную среду для существования НРПО – своеобразных показателей кризисности арабского мира.

- [11] Сборник фетв о коммунизме (составитель Абд-аль-Халим Махмуд). Каир, 1976. С. 67–69 (на араб. яз.).
- [12] Марксистское рассмотрение некоторых проблем национально-освободительного движения (издание Палестинской коммунистической организации в Ливане). Бейрут, 1981. С. 59 (на араб. яз.).
- [13] Там же.
- [14] Мруэ Хусейн. Подход к исламским течениям // Проблемы мира и социализма. 1987. № 4. С. 67.
- [15] Аш-Шираа. 01.04.1987.
- [16] Тарик аш-Шааб. 1981. № 6.
- [17] Там же.
- [18] Тарик аш-шааб. 1981. № 3.
- [19] Ас-Сакафа аль-джадида. 1984. № 156. С. 31.
- [10] Monde diplomatique. 1984. № 362.
- [11] Мухаммад Азиз. Доклад Центрального комитета IV съезду Иракской коммунистической партии. [Б.м.], 1985. С. 82 (на араб. яз.).
- [12] Аль-Ахали. 10.06.1987.
- [13] Ан-Нахдж. 1984. № 5. С. 116.
- [14] Там же. 1987. № 15. С. 62.
- [15] Проект Политического доклада, документ V съезда Ливанской коммунистической партии (1987 г.). Бейрут. С. 55 (на араб. яз.).
- [16] Проект Документа IX съезда Тунисской коммунистической партии. Тунис, 1987. С. 24.
- [17] Проект Политического доклада. С. 96.
- [18] Там же.
- [19] Там же. С. 149.
- [20] Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 146.
- [21] Багдаш Халед. Об исторических и современных проблемах. 1983. С. 37 (на араб. яз.).
- [22] Программа Палестинской коммунистической партии. [Б.м.], 1983. С. 36 (на араб. яз.).
- [23] Багдаш Халед. Об исторических и современных проблемах. С. 38.
- [24] О преступлении «братьев-мусульман» в Халебе и позиции Сирийской коммунистической партии. С. 3–4 (на араб. яз.).
- [25] Ан-Нахдж. 1986. № 12. С. 228.
- [26] Там же. С. 228–229.
- [27] Проект Документа IX съезда Тунисской коммунистической партии. С. 24 (на араб. яз.).
- [28] Аш-Шуюи. Хартум, 1975. № 142. С. 49–50.
- [29] Политический доклад VI съезду Сирийской коммунистической партии. Дамаск, 1986. С. 95 (на араб. яз.).
- [30] Проект Политического доклада. С. 149 (на араб. яз.).
- [31] Политический доклад VI съезду Сирийской коммунистической партии. С. 95 (на араб. яз.).
- [32] Материалы встречи см.: Ан-Нахдж. 1987. № 15; Проблемы мира и социализма. 1987. № 8.
- [33] Мухаммад Абдаллах. Идейные дискуссии. С. 132 (на араб. яз.).

С.180-182. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какое будущее уготовано исламским НРПО в арабских странах? Смогут ли они реализовать свой призыв к установлению халифата – «истинно исламской власти»? Грозит ли арабскому миру повторение иранского опыта? Удастся ли арабским режимам обуздать исламский фундаментализм? Эти и подобные вопросы лишают сна многих ближневосточных политиков, вызывают споры среди исследователей.

Есть данные, свидетельствующие в пользу того, что политизация ислама и соответственно влияние НРПО идут на убыль. Выше уже приводились факты определенных успехов ряда режимов в осуществлении секуляризации общественной жизни. Несомненный прогресс, осуществленный арабскими странами в разных областях, приводит и к изменениям в сознании, к реальному отходу от религии широких групп населения. Так, в Тунисе никогда не совершают молитву 90% учащихся начальной школы, 92% – средней и 92,2% – высшей. Среди сельской молодежи (18–25 лет) в Алжире не молятся 73,8% девушек и 74% юношей[1]. В мечетях Касабланки (Марокко) молится всего одна тысячная часть населения города[2]. Среди опрошенных в Касабланке, Рабате и Танжере марокканцев в возрасте от 11 до 80 лет (из которых 69,3% в возрасте 18–15 лет) никто не слушал религиозные передачи, хотя все опрошенные имели радиоприемники[3].

Имея целью выяснить степень и тенденции изменения религиозности египетского крестьянства, социолог Камаль аль-Мануфи проанализировал взгляды представителей двух совместно проживающих поколений – отцов и детей. Задавались вопросы, понятные и близкие феллаху: 1) какова причина распространения хлопкового червя; 2) от чего зависит преуспевание человека; 3) что является причиной болезней; 4) почему Египет потерпел поражение в войне 1967 г.; 5) какова главная черта добродетельного правителя? Сразу нужно отметить, что даже среди стариков не все ссылались на божью волю (47% по первому вопросу, 76% по второму, 70% по третьему, 58,67% по четвертому). Религиозную веру в качестве главной черты идеального правителя назвали 62,68% представителей старшего поколения. Статистические данные по ответам молодежи следующие: 94,6% молодых людей считают, что распространение хлопкового червя – результат бесхозяйственности и плохого ухода за растениями; 84% уверены, что удача в жизни зависит от ловкости человека в делах; 78,67% винят самого человека в пренебрежении собственным здоровьем; 90,66% видят причины поражения в неготовности к войне и плохом военном и политическом руководстве; 86,67% назвали любые другие черты идеального правителя (забота об интересах народа, справедливость и т.п.), но не его религиозную веру. Автор обширного исследования делает вывод о выраженной тенденции деревенской молодежи в Египте и соответственно египетского крестьянства в целом к нерелигиозному видению мира и политики[4].

Можно высказать некоторые соображения о будущем религии в арабских странах, также основываясь на статистических данных. В 1984 г. в Ал-

жире во время экзаменов на степень бакалавра, дающих доступ к высшему образованию, только один из 25 тыс. экзаменующихся сдавал экзамен по предмету «исламские науки»[5]. Это значит, что из каждых 25 тыс. молодых алжирцев 24 999 человек не хотят связывать свое профессиональное будущее с религией. А эти молодые люди – будущее страны.

Приведенные факты изменений в массовом сознании – проявление глубинной трансформации арабских обществ, которые подчиняются в своем развитии общесоциологическим закономерностям. И в той степени, в какой осуществляется индустриализация, распространяется образование, идет процесс урбанизации, расширяется активное участие масс в решении проблем соответствующих стран, улучшается жизнь народных масс, – в той же степени должно происходить и вытеснение религии из различных сфер общественной жизни. Но процесс этот непрост, и, видимо, займет довольно продолжительный исторический период. Причины его замедленности кроются не только в сложности и противоречивости политической, культурной и идеологической ситуации в арабских странах, в стремлении империализма, сионизма и внутренней реакции использовать в своих интересах трудности арабского мира, изолировать и разгромить сторонников социализма и прогресса, в том числе используя и религиозность широких масс. Не менее важной причиной является неоднородность социально-экономического базиса арабских стран, предопределяющая наличие и вынужденное длительное сосуществование различных общественных укладов со всеми присущими им особенностями, включая традиционные каноны мышления и действия.

Поэтому отмеченная выше тенденция реализуется крайне противоречиво. Как мы видели, урбанизация приводит на первых порах к всплеску традиционализма в крупных городах, а расширение участия масс в решении общественных проблем при отсутствии у них соответствующего уровня политической сознательности и организованности дает в качестве одного из побочных эффектов исламизацию политики.

Одним из проявлений противоречивости развития ближневосточных обществ является и сам феномен НРПО. Нельзя не видеть, что несомненное возрастание светского начала в разных сферах жизни общества, в том числе и в политике, соседствует в арабских странах с другой тенденцией – сохранением, а в некоторых случаях и ростом влияния религиозно-политических организаций. Результаты опроса, проведенного в Египте в 1987 г., показали, что партии так называемого Исламского альянса («Братья-мусульмане», Социалистическая партия труда, Либерально-социалистическая партия), выступавшие в ходе избирательной кампании накануне парламентских выборов под лозунгом «Ислам – вот решение!», пользуются среди египтян немалым влиянием. Что Исламский альянс выражает и защищает именно их интересы, считают 37,7% опрошенных сельскохозяйственных рабочих, 34% – низших служащих, 32,1% – мелких и средних собственников, 31,4% – промышленных рабочих, 27,4% – средних и высших служащих, 24% – студентов и учащихся, 8% – интеллигентов[6].

И дело здесь даже не в религиозной вере, вернее, не только в ней одной. Еще не изжиты и постоянно воспроизводятся те объективные условия, которые приводят к существованию и распространению политического фундаментализма. Нельзя полностью исключить и того, что какие-то особо кризисные обстоятельства (резкое ухудшение экономической конъюнктуры, неуспех правительственных программ развития, дальнейший рост имущественного неравенства, увеличение продовольственного дефицита, вспышки голода в городах и т.п.), использованные консервативными силами, могут привести к победе фундаментализма в политике.

Судьбы исламского политического фундаментализма зависят не только от внутренних, но и от ряда внешних факторов, непосредственно влияющих на обстановку в арабских странах. Установление нового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств; решение проблемы задолженности; разоружение и использование на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, высвобожденных в результате сокращения военных расходов; справедливое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов; безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития; выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма, включая безопасность пользования международными наземными, воздушными и морскими коммуникациями, – вот только некоторые пункты всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутые XXVII съездом КПСС [7]. Как представляется, осуществление международным сообществом подобных мер в экономической, политической, военной и гуманитарной областях способно позитивно повлиять на обстановку в арабских странах и вокруг них, на судьбы исламского фундаментализма.

[1] *Révolution Africaine*. 1982. № 970. С. 24.

[2] Etienne B., Tozy M. *Le glissement des obligations islamiques vers le phénomène associatif à Casablanca // Le Maghreb musulman en 1979*. С. 241.

[3] Ruf W. *Dépendance et aliénation culturelle // Indépendance et interdépendance au Maghreb*. С. 248.

[4] Аль-Мануфи Камаль. *Политическая культура египетского крестьянства*. Бейрут, 1960. С. 256–259 (на араб. яз.).

[5] *El-Moudjahid*. 04.06.1984.

[6] Аль-Ахали. 08.04.1967.

[7] *Материалы XXVII съезда КПСС*. С 74–76.

С.195-206. Приложение.

Перечень исламских неправительственных религиозно-политических организаций [по состоянию на начало 1988 г.]

Авангард ислама (Тали'а аль-ислам) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Касабланка.

Аль-Акса – незначительная фундаменталистская группировка, действовавшая в Египте в первой половине 80-х годов. (Названа по наименованию мечети Аль-Акса – мусульманской святыни, находящейся в Иерусалиме.)

АМАЛЬ – основанное в июле 1975 г. шиитское движение Отряды ливанского сопротивления (Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя – сокращенно АМАЛЬ).

Ассоциация исламского возрождения (Джам'ийя аль-ба'с аль-ислами) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Ужда.

Ассоциация исламской молодежи (Джам'ийя аш-шабиба аль-исламиyyа) – марокканская религиозно-политическая организация, возникшая в первой половине 70-х годов. Основана Абделькримом Мути и Брахимом Камалем. В последующем раскололась, отдельные ячейки организации продолжают существовать.

Ассоциация истины (Джама'а аль-хакк) – одно из самоназваний организации Обвинение в неверии и уход от мира.

Ассоциация наставления на правильный путь (Джам'ийя аль-иршад) – легальное прикрытие «Братьев-мусульман» в Кувейте в период британского протектората.

Ассоциация призыва к истине (Джама'а ад-да'ва иля-ль-хакк) – одно из самоназваний организации Обвинение в неверии и уход от мира.

Ассоциация реформы (Джам'ийя аль-ислах) – легальное прикрытие «Братьев-мусульман» в Кувейте после достижения независимости и до настоящего времени.

Ассоциация сохранения Корана (Джам'ийя тахфиз аль-Кур'ан) – основанная в 1970 г. в Тунисе просветительская организация, принявшая в дальнейшем религиозно-политический характер.

Борцы за веру (Аль-Муджахидун) – проиранская шиитская НРПО, входящая в Высший совет исламской революции в Ираке.

Борцы за свободу (Аль-Муджахидун мин аджль аль-хуррийя) – группа, которая в июле 1987 г. взяла на себя ответственность за похищение в Бейруте в январе 1987 г. двух западногерманских граждан – Рудольфа Кордеса и Альфреда Шмидта. Деятельность группы в предшествующий период не зарегистрирована.

Братское семейство (Усра ат-та'ахи) – религиозная ассоциация, образованная в 60-е годы в Ливане шиитским религиозным деятелем Мухаммадом Хусейном Фадляллой, духовным отцом Партии Аллаха.

Братство священной борьбы^[1] – небольшая по размерам НРПО, разгромленная в Египте в 1977 г.

Братья-мусульмане (Аль-Ихван аль-муслимун) – религиозно-политическая организация, основанная в 1928 г. (или в 1929 г.) Хасаном аль-Банной, учителем, ставшим в последующем «верховным наставником» «братства». Организация действовала первоначально в г. Исмаилийя. В настоящее время является всеарабской. Борется за создание религиозного исламского государства в арабских странах.

Братья-республиканцы (Аль-Ихван аль-джумхурийюн) – суданская НРПО, враждебна «Братьям-мусульманам».

Бригады джихада – группа, давшая о себе знать единственный раз в апреле 1988 г. (взрыв в американском армейском клубе в Неаполе, 5 убитых, 17 раненых).

Бригады Мусы ас-Садра – ливанская шиитская НРПО. Единственная известная ее акция – взрыв в ливийском посольстве в Бейруте в июле 1984 г.

Бригады Хайбара – ливанский филиал – организация, первоначально взявшая на себя ответственность за похищение в апреле 1984 г. секретаря французского культурного центра в Бейруте Даниэль Перез и ее отца – ответственного за протокол в посольстве Франции Марселя Картона. Д.Перез была освобождена без условий. М.Картон оставался заложником до мая 1988 г., освобожден вместе с М.Фонтеном и Ж.-П.Кофманом. Переговоры о них с французскими представителями вел Исламский джихад. Бригады Хайбара больше не давали о себе знать. Хайбар – название оазиса на Аравийском полуострове, в котором во времена пророка Мухаммада жили иудеи, изгнанные оттуда в 635 г.

Боевой авангард (Ат-Тали‘а аль-мукатиля) – экстремистская группировка, отколовшаяся в 1981 г. от сирийских «Братьев-мусульман».

Воинство Аллаха (Джунд Аллах) – военизированная группировка, существовавшая в Сирии (г. Хомс и др.) в середине 60-х годов.

Воинство Аллаха (Джунд Аллах) – суннитская НРПО в г. Триполи, на севере Ливана, возглавляемая Канааном Наджи. В 1985 г. вошла в Движение единобожия (Харака ат-тавхид), руководимое шейхом Саидом Шаабаном.

Воинство имама (Джунд аль-имам) – проиранская шиитская НРПО, входящая в Высший совет исламской революции в Ираке.

Воины Аллаха (или Солдаты Аллаха) (Джунуд Аллах) – военизированные суннитские группы, действовавшие в г. Триполи (Север Ливана) в 1983–1985 гг. в союзе с Партией единобожия.

Высший совет исламской революции в Ираке (Аль-Маджлис аль-а‘ля ли-с-савра аль-исламия фи-ль-Ирак) – основанное в ноябре 1982 г. в Тегеране объединение проиранских шиитских НРПО, оппозиционных баасистскому режиму в Ираке. В Высший совет входят такие организации, как Партия призыва, Организация исламского действия, Воинство имама, Борцы за веру, Партия Аллаха.

Группа Джухаймана (Джама‘а Джухайман) – экстремистская группировка, отколовшаяся от действующей в Саудовской Аравии Группы подражания благодетельным предкам. Единственная акция – вооруженная попытка

захвата мекканского храма в ноябре 1979 г., после которой группировка была уничтожена.

Группа исламской культуры (Джама'а ас-сакафа аль-исламийя) – религиозно-политическая группа, существовавшая в начале 30-х годов в Каире под руководством Абд-ар-Рахмана аль-Банни, брата основателя ассоциации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банни. В 1932 г. влилась в ассоциацию.

Группа Мустафы аль-Марджави – группировка, ставившая своей целью установление исламской республики в Марокко вооруженным путем. Распалась после казни ее руководителя в 1984 г.

Группа подражания благочестивым предкам (Джама'а ас-саляф ас-салих) – религиозная ассоциация в Саудовской Аравии.

Группа предупреждения [о грядущем Страшном суде] (Джама'а ат-таблиг) – религиозная ассоциация в Саудовской Аравии.

Группа предупреждения [о грядущем Страшном суде] (Джама'а ат-таблиг) – религиозные группы, возникшие в Тунисе в первой половине 70-х годов. Считается, что группы связаны с Пакистаном. Члены группы нередко поселяются в уединенных местах или в мечетях. Пропаганда осуществляется подвижными тройками, состоящими из «эмира» (амир), «гида» (далиль) и «проповедника» (хатыб). В пропаганде основной упор делается на нравственное самосовершенствование мусульманина. Зарегистрировано появление подобных групп в Алжире и в других странах Северной Африки.

Группа 15/21 – одно из названий тунисской организации Прогрессивное исламское направление.

Группа сохранения Корана (Джама'а тахфиз аль-Кур'ан) – религиозная ассоциация в Саудовской Аравии.

Движение единобожия (Харака ат-тавхид) – другое название Партии единобожия.

Движение исламских масс (Харака аль-джамахир аль-муслима) – шиитская группировка в Ираке. Основатель – Мухаммад аш-Ширази.

Движение исламского обновления (Харака ат-таджид аль-ислами) – общее название религиозно-политических группировок, возникших в Тунисе в первой половине 70-х годов.

Движение исламского освобождения (Харака ат-тахрир аль-ислами) – военизированная суннитская НРПО, созданная в г. Халеб (Сирия) в середине 60-х годов шейхом Абу-Гудда.

Движение исламской ориентации (Харака ат-тавджих аль-ислами, другое название – Аль-Иттиджих аль-ислами, Исламская тенденция) – молодежное крыло «Братьев-мусульман» в Судане.

Движение обездоленных (Харака аль-махрумун) – политическое объединение, основанное в феврале 1974 г. главой ливанских шиитов Мусой ас-Садром.

Единобожники (Ахль ат-тавхид) – религиозная ассоциация в Саудовской Аравии.

Заря (Аль-Фаджар) – шиитская НРПО, возникшая в Саудовской Аравии (Восточная провинция) под влиянием революции в Иране.

Зеленые ячейки – группировка, требовавшая от Швейцарии освобождения арестованного в июле 1987 г. Хусейна Халиля, который пытался угнать самолет авиакомпании «Эр-Франс» в Женеве. Группировка угрожала нанести удары по швейцарским учреждениям и гражданам в Ливане.

Исламисты-прогрессисты – одно из названий тунисской организации Прогрессивное исламское направление.

Исламская группа (Аль-Джама‘а аль-исламийя) – возникшая в середине 70-х годов на Севере Ливана (г. Триполи), суннитская группировка, связанная с «Братьями-мусульманами» в Сирии и Египте. В дальнейшем преобразовалась в Партию единобожия.

Исламская группировка (Аль-Маджму‘а аль-исламийя) – группа, отколовшаяся от марокканской организации Священная война из-за расхождения позиций в отношении Ирана. Исходно обе группы связаны с Ассоциацией исламской молодежи в Марокко.

Исламская молодежь (Аш-Шабаб аль-муслим) – суннитская НРПО, действующая в Ираке.

Исламская организация освобождения аль-Кудса (Иерусалима) – группа, захватившая в августе 1984 г. заложниками пассажиров самолета авиакомпании «Эр-Франс». Требовала освобождения из тюрьмы участников неудавшегося покушения на бывшего иранского премьер-министра Шапура Бахтияра в Париже в 1980 г. Сдались властям в Тегеране.

Исламская организация освобождения – силы Халида Ибн-аль-Валида – название группировки, захватившей в качестве заложников четырех советских граждан в Бейруте 30 сентября 1985 г. Никаких других акций этой группы ни ранее, ни в последующем не зафиксировано.

Исламская партия освобождения (Хизб ат-тахрир аль-ислами) – всеарабская суннитская НРПО, основанная в 1952 г. в Иерусалиме Таки-д-Дином ан-Набахани. Значительно активизировалась в 80-е годы. Руководство партии находится в Западной Европе, а ее филиалы давали о себе знать в Египте, Иордании, Тунисе, Кувейте, на оккупированных арабских территориях, а также в Турции.

Исламская партия совета (Хизб аш-шура аль-ислами) – организация хомейнистского толка, возникшая в Тунисе в начале 80-х годов.

Исламские группы (Аль-Джама‘ат аль-исламийя) – НРПО, образовавшиеся в университетской среде в Египте с середины 70-х годов. Наиболее известная акция – вооруженные выступления ограниченного масштаба в г. Асьют (юг Египта) в октябре 1981 г.

Исламские комитеты (Аль-Лиджан аль-исламийя) – органы самоуправления суннитской общины в г. Триполи (северный Ливан), созданные организацией Воинство Аллаха в 1985 г.

Исламский авангард (Ат-Тали‘а аль-исламийя) – группа хомейнистского толка, возникшая в Тунисе в начале 80-х годов.

Исламский АМАЛЬ (Харака АМАЛЬ аль-исламийя) – группа, отколовшаяся в 1982 г. от ливанского движения АМАЛЬ. Руководитель – Хусейн

Мусави. Место дислокации боевиков – населенные пункты долины Бекаа. Поддерживает тесные контакты с Ираном.

Исламский джихад (Аль-Джихад аль-ислами) – название, принимаемое при совершении международно-террористических акций тайным объединением шиитских НРПО.

Исламский джихад за освобождение Палестины – группировка, которая взяла на себя ответственность за похищение 23 января 1987 г. четырех преподавателей (трех американцев и одного индийца), работавших в Американском университете в Бейруте. Ранее о себе не заявляла, после указанной акции других не совершала.

Исламский джихад имени Садика аль-Мунзири – исламская НРПО, заявившая о себе в Алжире в сентябре 1985 г.

Исламский призыв (Ад-Да‘ва аль-исламийя) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Шавене.

Исламский революционный авангард (Ат-Тали‘а аль-исламийя ас-саврийя) – организация, взявшая на себя ответственность за смертельное ранение одного из руководителей Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) Заки аль-Хеллу (Абу-Саид) в Мадриде 17 августа 1984 г. Заявление о причастности этой организации к террористическому акту было сделано в Кувейте. Представитель ООП в Испании обвинил в покушении на палестинского деятеля агентов израильских спецслужб.

Исламский фронт (Аль-Джабха аль-исламийя) – одно из названий Национального исламского фронта, образованного в 1985 г. в Судане.

Исламский фронт (Аль-Джабха аль-исламийя) – объединение исламских НРПО («Братья-мусульмане», Партия исламского освобождения) и отдельных религиозных деятелей, основанное в Сирии в январе 1981 г. Ставит своей целью создание в стране исламского государства.

Исламский фронт освобождения Бахрейна (Аль-Джабха аль-исламийя ли-тахрир аль-Бахрайн) – проиранская шиитская НРПО, действующая в Бахрейне с начала 80-х годов.

Исламское движение (Аль-харака аль-исламийя) – суннитская НРПО, действующая в Ираке.

Исламское движение в Ливане (Аль-харака аль-исламийя фи Лубнан) – шиитская проиранская группировка, возглавляемая сейидом Садеком Мусави, внуком сейида Абдаллаха Ширази. Выступает с лозунгом немедленного установления в Ливане исламской республики.

Исламское направление (Аль-Иттиджях аль-ислами) – тунисская религиозно-политическая организация. Принятая дата основания – 1981 г., хотя первый съезд состоялся в 1979 г.

Исламское объединение (Ат-Таджамму‘ аль-ислами) – группировка нескольких НРПО в г. Триполи (Север Ливана), главную роль в которой играло Движение единобожия под руководством Саида Шаабана. Образовано в сентябре – октябре 1985 г., в период боев в г. Триполи между исламскими право-экстремистскими организациями и ливанскими национально-прогрессивными силами. В дальнейшем распалось.

Исламское объединение сторонников совета (шура) (Ат-Таджамму‘ аш-шурави аль-ислами) – антиправительственная религиозно-политическая организация, действующая в Северном Йемене. В прошлом называлась Союз йеменских народных сил (Иттихад аль-кива аш-ша‘бийя аль-яманийя).

Исламское революционное движение – группировка, выступившая с угрозами в адрес участников исламской встречи в верхах в Эль-Кувейте, в январе 1987 г. Ни до, ни после этого никакие акции названной группировки не зарегистрированы.

Истина против лжи (Аль-Хакк дыдд аль-батыль) – проиранская организация в Ливане, удерживавшая в 1987–1988 годах посланника архиепископа Кентерберийского Терри Уэйта.

Клятва верности (Аль-Бай‘а) – мелкая фундаменталистская группировка, действовавшая в Египте в первой половине 80-х годов.

Лига защиты ислама – одна из организаций, заявивших о своей причастности к террористическому акту в синагоге Неве-Шалом в Стамбуле в сентябре 1986 г.

Люди истины (Ахль аль-хакк) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Танжер.

Молодежь господина нашего Мухаммада (Шабиба сайидина Мухаммад) – организация, отколовшаяся в конце 30-х годов от египетской ассоциации «Братья-мусульмане».

Молодежь Мухаммада (Шабиба Мухаммад) – египетская НРПО, действовавшая во второй половине 70-х годов в сельской местности.

Молодежь Мухаммада (Шабаб Мухаммад) – суннитская НРПО, действующая в Ираке.

Молодые мусульмане (Аш-Шуббан аль-муслимун) – суннитская НРПО, действующая в Ираке.

Молодые сунниты Табаны – небольшая суннитская группировка в г. Триполи (северный Ливан). Табана – квартал в г. Триполи.

Национальный исламский фронт (Аль-Джабха аль-исламийя аль-кавмийя) – название, принятое суданскими «Братьями-мусульманами» и родственными им группировками в 1985 г. после свержения режима Нимейри.

Национальный фронт (Аль-Джабха аль-ватанийя) – объединение религиозных партий, созданное в Судане в 1972 г. В него вошли партия Аль-Умма (политическое крыло секты Ансар), Юнионистская демократическая партия (политическое крыло секты Хатмийя), Фронт исламской хартии (Джабха аль-мисак аль-ислами), бывший легальным прикрытием «Братьев-мусульман». Национальный фронт осуществил две попытки захвата власти в стране – в ноябре 1975 г. и июле 1976 г. Распался в 1977 г. после достижения «национального согласия» с режимом Нимейри.

Новая священная война (Аль-Джихад аль-джадид) – группировка, образованная в Египте после разгрома в 1981–1983 гг. организации Священная война (Аль-Джихад).

Обвинение в неверии и уход от мира (Ат-Такфир ва-ль-хиджра) – экстремистская НРПО, возникшая в Египте во второй половине 70-х годов. Наи-

более известная акция – похищение и убийство в 1977 г. бывшего министра вакфов шейха аз-Захаби. Провозглашенная цель – установление халифата в ходе «священной войны». Пользовалась влиянием среди учащейся молодежи. Ячейки организации продолжают существовать в Египте до настоящего времени. Руководство находится за пределами страны.

Обездоленные земли (Аль-Махрумун аля-ль-ард) – шиитская группировка в Ливане, занимается похищением и убийством ливанских евреев, обвиняя их в том, что они являются агентами израильской разведки «Моссад».

Объединенные силы справедливости – группировка, которая 29 августа 1986 г. взяла на себя ответственность за похищение в Бейруте 7 мая того же года француза – представителя фирмы «Рено» в Ливане – Камиля Сонтага. Освобожден 10 ноября 1986 г. вместе с Марселем Кудари, похищенным ранее, в феврале 1986 г. Организацией революционной справедливости. Никакая иная акция этой группировки не известна.

Организация защиты свободного народа – группировка, от имени которой было совершено похищение в Бейруте в июне 1987 г. работника американской телекомпании АВС Чарльза Гласса. Ранее не осуществляла никаких акций.

Организация исламского действия (Муназзама аль-амаль аль-ислами) – проиранская шиитская НРПО, входящая в Высший совет исламской революции в Ираке.

Организация исламского действия (Муназзама аль-амаль аль-ислами) – группировка, созданная в начале 80-х годов в Париже из марокканских рабочих во Франции Халидом аш-Шаркави. Не исключена связь с одноименной проиранской группировкой, входящей в Высший совет исламской революции в Ираке.

Организация исламской революции на Аравийском полуострове (Муназзама ас-савра аль-исламия фи-ль-Джазира аль-Арабийя) – шиитская НРПО, возникшая в Саудовской Аравии в середине 70-х годов. Значительно активизировалась после революции в Иране. Наиболее крупная акция – организованные массовые выступления в ноябре 1979 г. в Восточной провинции.

Организация мести за мучеников ислама – одна из организаций, которая взяла на себя ответственность за убийство 1 июня 1987 г. премьер-министра Ливана Рашида Караме. Ни до этого, ни после не давала о себе знать. (Вторая организация – Секретная ливанская армия.)

Организация революционной справедливости (Муназзама аль-адаля ас-саврийя) – группа, заявившая об ответственности за похищение в марте 1986 г. четырех работников французской телепрограммы «Антен – 2».

Остановиться и определиться (Ат-Таваккуф ва-т-табайюн) – фундаменталистская группировка, образованная в 1980 г. в египетской провинции Фаюм. Отличается резкой антихристианской направленностью.

Острый меч – название, под которым выступила группа, совершившая 20 июля 1984 г. террористический акт против посольства СССР в Бейруте (радиоуправляемая ракета поразила четвертый этаж здания посольства). Другие акции не зарегистрированы.

Партизаны ислама (Ансар аль-ислам) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Касабланка.

Партия Аллаха (Хизб Аллах) – проиранская НРПО, состоящая из иракских курдов-шиитов. Входит в Высший совет исламской революции в Ираке. Построена на принципах личной зависимости от племянника Мустафы Барзани – Мухаммада Халеда Барзани.

Партия Аллаха (Хизб Аллах) – религиозно-политическая организация, действующая в оккупированном секторе Газа.

Партия Аллаха (Хизб Аллах) – возникшая в Ливане в первой половине 80-х годов проиранская шиитская НРПО. Официальный руководитель – сейид Субхи ат-Туфайли. Связана организационно с Союзом студентов-мусульман в Ливане (Иттихад ат-талаба аль-муслимин фи Лубнан), руководимым Мухаммадом Хусайном Фадляллой.

Партия Аллаха в Кувейте – группировка, заявившая о себе в марте 1987 г. Призывала всех государственных служащих покинуть свои посты, а службу безопасности – «не защищать правящую семью».

Партия единобожия (Хизб ат-тавхид) – суннитская НРПО, действующая на севере Ливана (г. Триполи). Иногда именуется Партией единения или Движением единения.

Партия исламского освобождения – вариант перевода названия Исламской партии освобождения (Хизб ат-тахрир аль-ислами).

Партия призыва (Хизб ад-да‘ва) – НРПО, основанная в Ираке в 60-е годы. В настоящее время входит в Высший совет исламской революции в Ираке. Именуется также Исламской партией призыва.

Призыв ислама (Нида’ аль-ислам) – организация, основанная в Алжире летом 1984 г.

Призыв к добру (Ад-Да‘ва иля-ль-хайр) – марокканская религиозно-политическая организация, действующая в г. Ужда.

Призывающие (Ахль ад-да‘ва) – религиозная ассоциация в Саудовской Аравии.

Призывающие (Ахль ад-да‘ва) – самоназвание «Братьев-мусульман» в Алжире.

Прогрессивное исламское направление (Аль-Иттиджах аль-ислами атакаддуми) – тунисская организация, отколовшаяся в начале 80-х годов от движения Исламское направление.

Революционная организация мусульман-социалистов (Аль-Муназзама ас-саврийя ли-ль-муслимин аль-иштиракийин) – исламская террористическая организация, действующая с 1984 г. в Западной Европе (Италия, Греция).

Самавиты (Ас-Самавийюн) – крайне консервативная НРПО в Египте.

Самоубийственная группа имени аль-Хасана – силы Абу-Араба – одна из групп, взявших на себя ответственность в июне 1985 г. за захват самолета «Боинг-727», принадлежавшего американской компании «ТWA» и совершавшего полет по маршруту Афины – Рим. (Операция приписывалась также Исламскому джихаду.) В последующем от имени этой организации не совершалось никаких акций.

Самоубийственная группа имени Мусы ас-Садра – организация, взявшая на себя ответственность за единственную акцию – захват в Бейруте 11 июня 1984 г. самолета «Боинг-727», принадлежавшего иорданской авиакомпании «Алиа». Самолет совершал посадку на Кипре, в Палермо (Италия) и возвратился в Бейрут, где был взорван (без пассажиров) на взлетной полосе 12 июня. Во время взрыва руководитель группы погиб, оставшиеся пять ее членов с восемью заложниками – гражданами Иордании – скрылись в неизвестном направлении. Группа требовала ухода из Ливана всех палестинских боевиков. В дальнейшем не заявляла о себе.

Священная война (Аль-Джихад) – экстремистская НРПО, возникшая в Египте в конце 70-х годов. Наиболее известная акция – убийство 6 октября 1981 г. египетского президента Анвара Садата.

Священная война (Аль-Джихад) – религиозно-политическая организация, действующая на оккупированном Западном берегу р. Иордан.

Священная война (Аль-Джихад) – группировка, отколовшаяся в конце 1979 г. от марокканской организации Ассоциации исламской молодежи. Руководитель – Абдельkrim Мути. Организационно не связана с египетской организацией того же названия.

Семейство религии (Усра ад-дин) – невоенизированное крыло запрещенной в Израиле организации Семейство священной войны.

Семейство священной войны (Усра аль-джихад) – действующая на территории Израиля с 1980 г. запрещенная военизированная исламская организация. Имеет невоенизированное крыло – Семейство религии.

Силы исламской зари – название, под которым заявила о себе группа, совершившая 5 мая 1984 г. террористический акт против советского культурного центра в Бейруте (по зданию была выпущена ракета, в результате чего его часть оказалась разрушена). Другие акции не зарегистрированы.

Силы пророка Мухаммада – группа, взявшая на себя ответственность за взрыв (без жертв) около отеля журналистов, освещавших исламское совещание в верхах в Эль-Кувейте, в январе 1987 г. Угрожала «смертной казнью» всем участникам с вещания. Ранее нигде не фигурировала.

Силы пророка Мухаммада в Кувейте – по-видимому, то же самое, что и Силы пророка Мухаммада и Революционная организация – силы пророка Мухаммада, возможно – кувейтский филиал международной организации Силы пророка Мухаммада. Заявила о себе в июне 1987 г.

Сиффин – шиитская группировка, давшая о себе знать апреле 1986 г. неудавшимся похищением французского учителя Мишеля Бриана, работавшего в протестантском колледже в Бейруте. В названии, по-видимому, подразумевается долина Сиффин, в которой в 657 г. произошла битва между войсками чтимого шиитами «праведного» халифа Али и узурпатором халифского престола Муавией.

Солдаты Аллаха (Джунуд Аллах) – суннитская группировка в г. Триполи (северный Ливан), возглавляемая Фаввазом Хусейном Агой.

Союз студентов-мусульман Ливана (Иттихад ат-талаба аль-муслимин фи Любнан) – ассоциация выпускников шиитских религиозных учебных заве-

дений, обучавшихся в Неджефе, Кербеле, Куфе, Казимийе (Ирак). Основана Мухаммадом Хусейном Фадляллоу, духовным отцом Партии Аллаха.

Спасаящиеся от адского пламени (Ан-Наджун мин-ан-нар) – экстремистская организация, давшая знать о себе в Египте в 1987 г. покушениями на бывшего министра внутренних дел Хасана Абу-Башу, главного редактора журнала «Аль-Мусаввар» Мукаррама Мухаммада Ахмада и др.

Сторонники Сунны, или Партизаны-сунниты (Ансар ас-Сунна) – суннитская НРПО, действующая в Ираке.

Фаланги Мухаммада (Ката'иб Мухаммад) – военизированная НРПО, возникшая в г. Хама (Сирия) в середине 60-х годов.

Фармавиты (Аль-Фармавийюн) – крайне консервативная группировка, действующая в Египте.

Фидаины Аллаха (Фида'ийу Аллах) – военизированная группировка, существовавшая в Сирии в середине 60-х годов.

Фронт исламского сопротивления (Джабха аль-мукавама аль-исламийя) – создан в феврале 1986 г.; объединяет различные группировки шиитских и суннитских фундаменталистов на Юге Ливана при руководящей роли проиранской экстремистской организации Партия Аллаха. Был создан в противовес Ливанскому фронту сопротивления, объединяющему прогрессивно-патриотические силы (в том числе Ливанскую коммунистическую партию).

Фаланги сторонников Аллаха (Ката'иб ансар Аллах) – объединения членов организации «Братья-мусульмане» (как правило, включавшие 40 человек). Существовали в Египте в конце 30-х – начале 40-х годов.

Фронт исламской хартии (Джабха аль-мисак аль-ислами) – легальное прикрытие деятельности суданских «Братьев-мусульман» в 1972–1977 гг.

Фронт отмщения и справедливости – группировка, взявшая на себя ответственность за убийство французского военного атташе в Бейруте Кристиана Гутьера 18 сентября 1986 г. До этого и после нигде не фигурировала.

Хусейновы комитеты мучеников (Лиджан шухада' Хусайн) – шиитские религиозно-политические объединения, возникшие в Саудовской Аравии (Восточная провинция) после революции в Иране.

Ценности (Аль-Кыям) – религиозно-политическая ассоциация, действовавшая в Алжире до марта 1970 г.

Черные знамена (Аль-Альвия ас-савда') – организация, взявшая на себя ответственность за похищение 17 января 1986 г. в Бейруте испанского полицейского и двух ливанцев – работников посольства Испании в Ливане. В заявлении по телефону захват посольских работников изображался как «наказание» за установление дипломатических отношений между Испанией и Израилем. В обмен за освобождение заложников потребовали освобождения двух ливанских шиитов, осужденных в Испании на 23 года тюремного заключения за попытку убийства в сентябре 1984 г. сотрудницы ливийского посольства в Мадриде.

Чистые братья (Ихван ас-сафа') – марокканская религиозно-политическая ассоциация, действующая в г. Касабланка.

Шукриты (Аш-Шукрийюн) – одно из самоназваний членов организации Обвинения в неверии и уход от мира – по имени «эмира» организации агронома Шукри Ахмада Мустафы.

Эмират (Аль-Имара) – мелкая фундаменталистская группировка, действовавшая в Египте в первой половине 80-х годов.

Эмиры (Аль-Умара') – египетская фундаменталистская группа, действовавшая в начале 80-х годов в Александрии.

[1] В отдельных случаях мы не имели возможности установить арабские эквиваленты названий НРПО, приводимых неарабскими источниками.